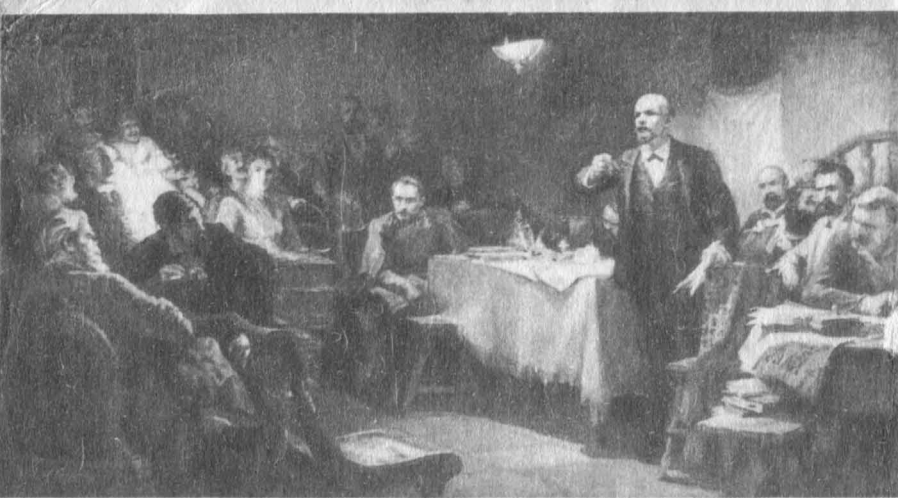

7

научно-
популярный
журнал
министерства
юстиции
СССР

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

Семьдесят лет назад состоялся II съезд РСДРП. Принятая на съезде ленинская Программа стала революционной программой партии рабочего класса и привела к созданию первого в мире государства трудящихся с самыми демократическими законами и самыми широкими правами людей — создателей нового, самого справедливого в истории человечества общества.
 На снимке вверху: II съезд РСДРП. Июль — август 1903 г. Картина художника Ю. Е. Виноградова. Внизу: десятки линий на схеме показывают представленные на съезде партийные организации.

научно-
популярный
журнал
министерства
юстиции
СССР

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

НА ОБЛОЖКЕ

Первая страница: боец московской пожарной охраны П. П. Штаньков вместе со своими товарищами преодолевает сложный тренировочный рубеж на учебных занятиях. (Репортаж о работе пожарных напечатан на цветной вкладке).

7	ИЮЛЬ
ГОД ИЗДАНИЯ ТРЕТИЙ	
(31)	1973 год

В НОМЕРЕ

Стр.

Б. Тулунин. Знаменательная дата в истории ленинской партии 3

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:

И. Панкратов. Колхоз: органы управления и контроля 10

О. Темушкин. Законная сила приговора 17

Ю. Ткачевский. Хулиганов — к ответу 26

Юридический словарь номера 33

Ф. Липскеров. Я играл этого человека 34

Улучшать охрану труда женщин 40

Татьяна Копылова, Юрий Сбитнев. Пожар в тайге 42

В лаборатории криминалиста Р. Бережний. Антиген помогает раскрыть тайну 60

СОБЕСЕДНИК 66

Информация 92

Время. Законы. Люди
Ф. Попов. Царская грамота и мужицкий суд 94

Андрей Меркулов. Ледо-
вая свадьба. Повесть.
(Продолжение) 106

Опыт друзей
Збигнев Ленартович. Из
дневника судебного ку-
ратора 132

Именем сатиры 138

Зарубежная мозаика 144

◀ На четвертой странице обложки: сцены из спектакля В. Липатова и В. Абрамова «Милицейская история», поставленного народным артистом РСФСР Б. Н. Толмазовым. Московский драматический театр им. А. С. Пушкина.

Главный редактор С. А. ВЫСОЦКИЙ

Редакционная коллегия: А. Н. АДУЕВ, Б. А. ВИКТОРОВ, В. В. ЛИПАТОВ, М. П. МАЛЯРОВ, Г. П. ПОЛИТЫКО (ответственный секретарь), П. И. СЕДУГИН, Ю. С. СЕМЕНОВ, П. И. СКОМОРОХОВ (заместитель главного редактора), А. Я. СУХАРЕВ, В. И. ТОНКИХ, А. М. ЯКОВЛЕВ

Главный художник В. Т. СЕЛИВАНОВ

Технический редактор Л. Л. ЕЖОВА

Корректоры Т. И. НИЗАМОВА, Н. А. ДАНИЛОВА

Адрес редакции: 109147, Москва, Ж-147, Марксистский пер., 1/32.

Телефоны: 271-11-20, 271-08-63.

Сдано в набор 28/IV-73 г. Подписано в печать 11/VI-73 г. А-05581. Формат 84 × 108^{1/2}. Печ. л. 4,5 + 0,125 вкладка. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 9,82. Зак. 298. Тираж 2 845 000 экз. (1-й завод — 1 500 000 экз.).
Цена 25 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ДАТА В ИСТОРИИ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ

”

Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!» Эти крылатые слова были сказаны Владимиром Ильичем Лениным в 1902 году — в пору, когда центр революционного движения в Европе переместился в Россию. Ленин видел, что складывается благоприятная обстановка для решительного наступления против царизма, и понимал, что успешно повести это наступление может только хорошо организованная революционная пролетарская партия.

Зачатком такой партии был созданный в 1895 году В. И. Лениным петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», в котором объединились социал-демократические организации ряда промышленных центров страны. «Союз борьбы...» впервые в истории соединил идеи научного коммунизма с рабочим движением и озаменовал собой наступление нового, ленинского этапа в развитии марксизма.

Российская социал-демократическая партия была провозглашена на I съезде в 1898 году, что имело большое практическое и революционно-пропагандистское значение. Но в то время фактического единства партии еще не было, оно оставалось, как говорил В. И. Ленин, лишь идеей, директивой. Ленин и его ближайшие соратники — революционные марксисты находились в ссылке, и съезд не смог преодолеть разобщенность социал-демократического движения, выработать программу и устав партии. Между тем в России назревала революция. Все шире поднималась волна рабочего движения, под

его влиянием пришли в движение и другие классы и социальные слои. Как необходима была в этих условиях боевая централизованная марксистская партия!

Создание такой партии подготовили идейно и организационно, в острой борьбе разоблачив оппортунизм «экономистов», В. И. Ленин, руководимая им «Искра», которая к началу 1903 года объединила вокруг себя местные комитеты партии, профессиональных революционеров. А вскоре — в июле-августе в Брюсселе и Лондоне состоялся II съезд РСДРП.

«Всемирно-историческое значение съезда состоит в том, — подчеркнул Центральный Комитет КПСС в постановлении «О 70-летию II съезда РСДРП», — что на этом съезде завершился процесс объединения революционных марксистских организаций и была образована партия рабочего класса России на идейно-политических и организационных принципах, которые были разработаны В. И. Лениным. Возникла пролетарская партия нового типа, партия большевиков, великая ленинская партия. «Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года» [Ленин].

На II съезде была принята марксистско-ленинская Программа партии — программа борьбы за свержение царского самодержавия и установление демократической республики («программа-минимум»), а затем и совершения социалистической революции, свержения буржуазного строя и установления диктатуры пролетариата («программа-максимум»). В своей Программе партия поставила ряд ближайших задач, направленных на завоевание трудящимися политических и социальных прав. В ней содержалось требование всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании и права каждого быть избранным во все представительные учреждения; требование свободы совести, слова, печати, собраний, союзов; неприкосновенности личности и жилища; права населения получать образование на родном языке; отделения церкви от государства и школы от церкви; широкого местного самоуправления. Предусматривались ограничение рабочего дня восьмью часами, ликвидация остатков крепостничества в деревне, предоставление входящим в состав государства нациям права на самоопределение.

Руководствуясь Программой, принятой II съездом, трудящиеся массы России совершили Великую Октябрьскую социалистическую революцию, открывшую новую эру в истории всего человечества. Состоявшийся в 1919 году VIII съезд РКП(б) принял вторую Программу партии — программу построения первого в мире социалистического государства. Она точно характеризовала эпоху, поставила конкретные задачи пролетарской диктатуры применительно к усло-

виям России. Она поставила перед партией конкретные общеполитические задачи, а также задачи в области развития экономики, национальных отношений, народного просвещения, социального обеспечения, охраны труда, охраны здоровья народа и ряд других. В частности, были определены задачи партии и в судебной области. О народном суде говорилось как о важнейшем средстве укрепления диктатуры пролетариата, подчеркивалось требование «выборности судей из трудящихся только трудящимися». Для привлечения к отправлению правосудия самых широких масс пролетариата и беднейшего крестьянства было предусмотрено участие в суде постоянно сменяемых временных судей, заседателей, с привлечением к составлению их списков массовых организаций трудящихся.

На XXII съезде КПСС была принята третья Программа партии — программа построения коммунистического общества. Выдающимся событием в жизни партии и советского народа явился XXIV съезд, который разработал четкую линию коммунистического строительства на современном этапе. На съезде была выдвинута историческая задача соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства, обеспечить значительный подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе быстрого и всестороннего развития производительных сил.

Крупнейшим вкладом в сокровищницу революционного марксизма явилась ленинская разработка теоретических и организационных основ партии, норм партийной жизни, принципов партийного руководства.

Владимир Ильич характеризовал партию как передовой, сознательный и организованный отряд рабочего класса. Он подчеркивал, что этот передовой отряд нельзя смешивать со всем классом, речь идет об авангардной его части, состоящей из беззаветно преданных делу революции, самоотверженных, стойких бойцов, обладающих высокой политической закалкой. Сознательность этого авангарда заключается в глубоком понимании им объективных законов общественного развития, овладении теорией и умелом, творческом ее применении. Под организованностью этого передового отряда понимается его крепость, сплоченность, способность объединять свои усилия в борьбе за выполнение партийных решений. Партия — это организация единомыслящих и единоедействующих, сплоченных на подлинно марксистской основе, строго соблюдающих единую для всех партийную дисциплину, непримиримых к любым проявлениям оппортунизма, идейных шатаний.

Важнейший организационный принцип, выработанный Лениным, состоит в том, что партия, являясь высшей формой общественно-политической организации пролетариата, призвана руководить революционным движением, всеми массовыми организациями трудящихся. Партия только тогда сильна и непобедима, только тогда авторитетна, когда она связывает свою деятельность с жизнью рабочего класса, всех трудящихся. Связью с массами, доверием народа, его поддержкой партия всегда гордилась и дорожила.

В. И. Лениным были выработаны и нормы партийной жизни. Это главные руководящие правила, которые определяют и регулируют ее внутреннюю жизнь и методы деятельности. Будучи закреплены в Уставе партии (а первый ее Устав был принят II съездом РСДРП), эти нормы становятся обязательными для всех партийных организаций и коммунистов, приобретая характер закона. Что касается ленинских принципов партийного руководства, то они определяют характер, формы и методы деятельности партии по руководству хозяйственным и культурным строительством, а также государственными, советскими, профсоюзными и другими общественными организациями, разумеется, не подменяя их, а направляя, координируя их деятельность. Партийное руководство — это политическое руководство, органическое соединение науки и практики, последовательное осуществление партией принципа демократического централизма.

Встав после победы Великой Октябрьской социалистической революции у руля руководства государством, Коммунистическая партия за короткий исторический срок действительно «перевернула», преобразовала всю Россию, превратив ее из отсталой страны в могучую социалистическую державу. Ведущая и руководящая роль партии коммунистов закреплена в Основном Законе страны — Конституции СССР. У нас построено развитое социалистическое общество, основные характерные черты которого — всестороннее раскрытие преимуществ социализма во всех областях жизни, гигантские масштабы производства, которое в наше время представляет собой сложный, взаимосвязанный народнохозяйственный комплекс, включающий в себя хозяйства всех союзных республик, развивающийся по единому плану развития страны. У нас сложилась новая историческая общность людей — советский народ. Законом нашей жизни стал пролетарский, социалистический интернационализм. Поистине нерушимо братство трудящихся более ста наций и народностей, связанных узами дружбы и взаимопомощи, общими интересами и целями, объединенных на основе марксизма-ленинизма.

Сильной, могучей, сплоченной стала КПСС, ныне это боевой авангард всего советского народа, строителя коммунизма. В ее рядах почти 15 миллионов коммунистов. Все свои усилия она направляет на выполнение Программы КПСС, решений XXIV съезда. Борясь за народные интересы, партия поднимает на эту борьбу, увлекает за собой широкие массы трудящихся, развивая у них трудовую и общественно-политическую активность, творческую инициативу.

Хорошей школой для коммунистов, важным средством успешного решения первичными партийными организациями экономических и социальных задач, стоящих перед трудовыми коллективами, является правильное использование партийными организациями предоставленного им права контроля деятельности администрации. Сюда, как известно, входит и контроль за соблюдением администрацией предприятий, учреждений советских законов, в том числе трудового законодательства. Своей задачей партия ставит дальнейшее укрепление законности, искоренение всяких правонарушений, ликвидацию преступности и причин, ее порождающих.

Дальнейшему укреплению партии, совершенствованию стиля и методов ее руководства обществом, повышению активности и дисциплины каждого коммуниста за порученное дело способствует политическая и организационная работа, проводимая сейчас в связи с обменом партийных документов. «Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше...» — указывал Ленин. Руководствуясь этим, партия на протяжении всего своего героического пути постоянно заботилась о чистоте, о повышении боееспособности своих рядов. Ее сила в идейности, активности, самоотверженности коммунистов, в их большевистской непримиримости к недостаткам, к различным отрицательным явлениям, пережиткам прошлого, в их стремлении сосредоточивать свои усилия на нерешенных задачах.

Высокие требования, предъявляемые партией к своим членам, имеют особое значение на этапе построения коммунизма, когда все шире размах нашей деятельности, все сложнее проблемы. В этих условиях неуклонно возрастает руководящая роль и ответственность партии. В решениях ее съездов, пленумов Центрального Комитета, в различных партийных документах видна огромная теоретическая и практическая работа КПСС над творческим развитием марксизма-ленинизма, ленинского учения о партии; над обобщением ее опыта по руководству строительством социализма и коммунизма.

Сказанное прежде всего относится к экономическому строительству, которое Ленин считал главным поприщем борьбы за коммунизм. Выполняя этот завет вождя, партия много сделала для разви-

тия и рационального использования производительных сил страны, совершенствования народнохозяйственного планирования, хозяйственного расчета, организации производства, труда и управления.

Известно, какое большое влияние на развитие и повышение эффективности нашей экономики оказала и продолжает оказывать новая система планирования и экономического стимулирования. Переход на эту систему все новых предприятий и отраслей, постоянное ее совершенствование явились мощным стимулом к использованию резервов производства, росту производительности труда, усилению режима экономии и бережливости, борьбы за повышение качества и снижение себестоимости продукции.

Большая работа проведена Коммунистической партией в области развития и совершенствования социалистического соревнования, его ленинских принципов — гласности, сравнимости результатов, возможности повторения практического опыта. Ныне идет по стране мощная волна всенародного соревнования за выполнение заданий девятой пятилетки, ее третьего, решающего года. Им охвачены самые широкие массы трудящихся, соревнование разворачивается не только между отдельными тружениками и трудовыми коллективами, а и между предприятиями, производственными объединениями и отраслями, между районами и городами, областями, краями и республиками. Наряду с количественными показателями работы, участники соревнования в своих обязательствах все чаще обращаются к показателям, характеризующим их стремление улучшить использование оборудования, сырья и материалов, повысить качество продукции, уменьшить затраты труда и средств на ее производство, внести свой вклад в модернизацию оборудования, освоение новой техники, в обучение молодых рабочих. Соревнование во все большей степени приобретает характер фактической трудовой состязательности, соперничества, чему особое значение придавал В. И. Ленин. Оно способствует развитию социалистического коллективизма, коммунистического отношения к труду, созданию в коллективах деловой, творческой обстановки, атмосферы взаимной требовательности и товарищеской взаимопомощи.

Трудно переоценить вклад Коммунистической партии в развитие науки и культуры, в теоретическую разработку и последовательное практическое решение таких социально-политических задач, как всестороннее развитие людей, их коммунистическое воспитание; сближение рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции; постепенное преодоление существенных различий между городом и деревней, между трудом умственным и физическим, сельско-

хозяйственным и индустриальным; обеспечение дальнейшего совершенствования социалистической демократии, расцвета и сближения социалистических наций.

Получили развитие основные, выработанные Лениным, принципы социалистической законности: единство законности, всеобщность исполнения законов, последовательный социалистический демократизм законности, широкое участие трудящихся в борьбе за ее укрепление.

Ныне огромный опыт КПСС по творческому претворению в жизнь идей и принципов ленинизма стал достоянием всего мирового революционного движения. Глубокое понимание у всех революционных и прогрессивных сил, всех честных людей земного шара встречает и внешнеполитический курс нашей партии. XXIV съездом КПСС была выработана Программа мира. Направленная против агрессивной политики империализма, она содействует упрочению мирового социалистического содружества, рабочего и национально-освободительного движения. В то же время утверждается принцип мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества государств с различным общественным строем, ставится целью всемерное укрепление мира и безопасности народов, социального прогресса.

Состоявшийся в конце апреля Пленум ЦК КПСС в своем постановлении целиком и полностью одобрил проделанную Политбюро работу по обеспечению прочного мира во всем мире и надежной безопасности для советского народа, строящего коммунизм. Он отметил большой личный вклад товарища Л. И. Брежнева в решение этих задач. А 1 мая советские люди, все прогрессивное человечество с чувством глубокого удовлетворения и радости узнали о присуждении Л. И. Брежневу международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Сейчас трудящиеся нашей страны направляют свои силы, знания, способности на претворение в жизнь выработанной XXIV съездом КПСС программы экономического, социально-политического и духовного развития советского общества. Уверенно ведет народ вперед, к коммунизму ленинская Коммунистическая партия — ум, честь и совесть нашей эпохи, вдохновитель и организатор всех наших побед.

Б. ТУЛУНИН

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

КОЛХОЗ: ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ И КОНТРОЛЯ

И. ПАНКРАТОВ,
доктор юридических наук

Партия и правительство, следуя указаниям В. И. Ленина, постоянно уделяют особое внимание развитию сельского хозяйства в нашей стране. «Темпы подъема всей экономики, темпы повышения благосостояния советских людей во многом зависят от успешного развития сельского хозяйства», — было сказано в Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза.

В важнейших решениях партии и правительства подчеркивается, что колхозный строй — это неотъемлемая часть советского социалистического общества.

Колхозные отношения регламентируются в основном нормами, которые носят уставный характер. Эти нормы сформулированы главным образом в Примерном Уставе колхоза, на основе которого каждый отдельный колхоз принимает свой устав.

Третий Всесоюзный съезд колхозников принял новый Примерный Устав колхоза. В первых же пунктах Устава сказано, что активное участие колхозников в управлении делами хозяйства — это их право и обязанность одновременно.

Программа КПСС особо отметила, что партия организует мощный подъем производительных сил сельского хозяйства. Этот подъем позволит решить две основные, тесно связанные задачи: во-первых, достигнуть изобилия высококачественных продуктов питания для населения и сырья для промышленности и, во-вторых, обеспечить постепенный переход советской деревни к коммунистическим общественным отношениям и ликвидировать в основном различия между городом и селом.

В Примерном Уставе сказано: «Управление делами колхоза осуществляется на основе широкой демократии, активного участия колхозников в решении всех вопросов колхозной жизни». Это означает, что колхоз построен и организует всю свою работу на принципе самоуправления.

Развитие колхозной демократии — понятие емкое. Наряду с совершенствованием форм участия колхозников в управлении общественным хозяйством оно включает в себя и дальнейшее расширение социальных прав и обязанностей колхозников, укрепление и развитие инициативы и хозяйственной самостоятельности колхозов, что и нашло свое отражение в Примерном Уставе 1969 года.

В чем же выражается колхозная демократия?

Все важнейшие вопросы колхозной жизни решают непосредственно сами колхозники. Они — хозяева своего колхоза, поэтому самостоятельно на общих собраниях или на собраниях уполномоченных они избирают правление и председателя, ревизионную комиссию, принимают устав — короче говоря, решают все важнейшие вопросы колхозной жизни.

ПАНКРАТОВ ИВАН ФЕРИСЯНОВИЧ закончил Саратовский юридический институт имени Курского. Работал главным редактором журнала «Социалистическая законность». Доктор юридических наук. Автор учебников и учебных пособий по колхозному праву. Заведущий сектором Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства. Член научно-консультативного совета при Верховном Суде СССР.

Правление, председатель, ревизионная комиссия избираются на определенный срок, установленный уставом хозяйства. По истечении этого срока они отчитываются перед колхозниками.

Управление делами в колхозе — коллегиальное. В то же время каждый избранный в состав руководящего органа персонально отвечает за конкретный участок работы. В этом заключается сочетание коллегиальности с персональной ответственностью.

Все органы управления и должностные лица колхоза ответственны и подотчетны перед колхозниками.

Колхозники вправе критиковать деятельность органов управления и должностных лиц хозяйства, в любое время вносить свои предложения, направленные на улучшение работы органов управления и должностных лиц колхоза.

И, наконец, колхозники имеют право досрочно отзывать из органов управления и смещать тех лиц, которые не оправдывают их доверия и не справляются с возложенными на них обязанностями.

Таковы основные черты, раскрывающие суть колхозной демократии.

Общее собрание — это высший орган управления колхоза. Все колхозники участвуют в его работе с правом решающего голоса. Они обсуждают вопросы, вносят предложения, избирают и могут быть избранными в органы управления хозяйством.

Общее собрание утверждает устав колхоза и вносит в него поправки, дополнения и изменения. На собрании избирается правление, председатель и ревизионная комиссия. Оно решает вопросы об укрупнении или разукрупнении хозяйства, участии колхоза в межколхозных и государственно-колхозных предприятиях и организациях, о вступлении его в союзы и объединения. Общее собрание утверждает производственно-финансовый план хозяйства, правила внутреннего распорядка, положения об оплате труда и о внутривоспроизводственном расчете, нормы выработки и расценки работ. Собрание устанавливает размеры отчислений в различные фонды хозяйства и количество продуктов и денег, которые выдаются колхозникам за их работу. Оно утверждает годовой отчет правления и заключение по нему ревизионной комиссии и так далее.

Эта компетенция общего собрания является исключительной, то есть решения правления колхоза по указанным вопросам без утверждения общим собранием недействительны.

Общее собрание членов колхоза созывается правлением не менее четырех раз в год, в сроки, установленные уставом данного хозяйства. Внеочередные собрания могут быть созваны по требованию не менее одной трети общего числа колхозников, по требованию бригад-

ных собраний, ревизионной комиссии колхоза, а также по рекомендации партийных и государственных органов.

Для решения вопросов на общем собрании требуется, чтобы на нем присутствовало не менее двух третей общего числа членов колхоза. Решения принимаются простым большинством голосов.

В крупных хозяйствах, где созыв членов колхоза затруднителен, для решения вопросов, относящихся к ведению общего собрания, могут созываться собрания уполномоченных. Уполномоченные избираются путем тайного или открытого голосования на собраниях колхозников бригады (подразделения), причем порядок этих выборов и формы представительства определяются правлением колхоза. Собрание уполномоченных вправе решать вопросы, если на нем присутствует не менее трех четвертей всех уполномоченных.

В особо крупных хозяйствах, где созыв общих собраний невозможен, собрание уполномоченных действует в качестве высшего органа управления. Возьмем колхоз «Россия» Новоспасского района Ульяновской области. Он объединяет десять сел, в нем работает 1100 колхозников. Руководить таким хозяйством нелегко. Практически трудно провести общее собрание колхозников. Поэтому здесь была избрана такая структура управления, при которой высшим органом стало собрание уполномоченных. Ежегодно проводится пять-шесть собраний. Перед собранием в бригадах предварительно обсуждаются вопросы, включенные в повестку дня собраний уполномоченных. Практически все колхозники через своих уполномоченных участвуют в обсуждении и решении всех вопросов.

И в других колхозах, например в 129 хозяйствах Калининской области, собрание уполномоченных также признано высшим органом управления.

В тех колхозах, где одновременно проводятся и общие собрания и собрания уполномоченных, компетенция между ними разграничивается: на общих собраниях решаются наиболее важные вопросы колхозной жизни, остальные вопросы переданы в ведение собрания уполномоченных.

Вопросы, отнесенные к компетенции собрания уполномоченных, предварительно обсуждаются по бригадам, участкам, отделениям, фермам, населенным пунктам. Уполномоченные должны регулярно отчитываться в своей деятельности перед избравшими их колхозниками бригады или подразделения, информировать их о работе собрания уполномоченных и принимаемых на нем решениях.

Органы управления в бригадах, на фермах и в других производственных подразделениях — собрания колхозников этих подразделений. Они обсуждают вопросы производственного плана и его выпол-

нения, приусадебного землепользования членов бригад, проектов севооборотов на участках бригады. Здесь же рассматриваются жалобы колхозников на решения совета бригады, рассматриваются предложения об исключении из колхоза (перед вынесением вопроса на общее собрание или собрание уполномоченных колхоза). Бригадные собрания избирают уполномоченных, бригадиров, вносят в правление предложения о мерах поощрения и взыскания.

В каждом колхозе компетенция бригадных собраний определяется уставом хозяйства и решениями общих собраний и собраний уполномоченных. Решения бригадных собраний могут быть отменены общим собранием или собранием уполномоченных.

Другой орган управления в бригаде — совет бригады. Он избирается собранием бригады. Председатель совета — бригадир. Права и обязанности совета определяет правление колхоза. В ряде колхозов приняты положения о таких советах. Советы должны следить за тем, чтобы было обеспечено успешное выполнение производственного плана бригады, правильно размещены сельскохозяйственные культуры на ее полях, должны контролировать ход и качество всех работ.

Исполнительный и распорядительный орган управления колхоза — правление. Оно избирается на три года. Правление осуществляет оперативное и непосредственное руководство всем колхозным производством и должностными лицами хозяйства.

Правление рассматривает вопросы, не отнесенные уставом к компетенции общего собрания и собрания уполномоченных. Оно вправе рассмотреть и вопросы, отнесенные к компетенции указанных органов, однако его решения в таких случаях нельзя считать действительными без утверждения общим собранием или собранием уполномоченных.

Правление подотчетно и подконтрольно собранию уполномоченных и общему собранию членов колхоза и ежегодно отчитывается перед ними в своей работе.

Заседания правления созываются по мере необходимости, но не реже одного раза в месяц. Правление лишь тогда правомочно решать вопросы, когда на заседании присутствует не менее трех четвертей его членов. Решения принимаются простым большинством голосов.

Все органы управления в колхозе не только принимают решения, но и контролируют их выполнение. Вместе с тем в каждом колхозе есть ревизионная комиссия, которая избирается на общем собрании (собрании уполномоченных) сроком на три года. Деятельность этой ревизионной комиссии определяется наряду с уставом колхоза также положением о комиссии, которое разрабатывается на основе республиканского Примерного положения и утверждается общим собра-

нием колхозников. Она руководствуется решениями органов управления хозяйства и отчитывается только перед общим собранием. Ревизионная комиссия независима от правления колхоза. Ее председатель избирается из состава самой комиссии.

Ревизионные комиссии контролируют соблюдение устава хозяйства, выполнение обязательств перед государством и производственно-финансового плана. Они следят за своевременным рассмотрением жалоб и заявлений колхозников правлением колхоза и должностными лицами. В задачи комиссий входит забота о сохранности и укреплении социалистической собственности, проверка правильности хозяйственно-финансовых операций, совершаемых правлением колхоза, организации учета и отчетности. Для этого комиссии знакомятся с работой бригад, ферм, изучают документацию, контролируют, ревизуют их деятельность. Если комиссия выявляет недостатки, хищения и другие злоупотребления, то она через правление принимает меры к взысканию убытков и привлечению виновных к ответственности.

Ревизионная комиссия должна ежегодно не менее двух раз ревизовать хозяйственно-финансовую деятельность колхоза: периодически проверять деятельность производственных подразделений, давать заключения по годовому отчету правления хозяйства. Акты ревизий утверждаются общим собранием колхозников. Предложения ревизионной комиссии рассматриваются на очередном общем собрании, а поступившие в правление колхоза — в течение десяти дней.

Вмешиваться в оперативную деятельность правления и должностных лиц ревизионная комиссия не вправе. Это основной принцип ее взаимоотношений со всеми органами управления и должностными лицами колхоза.

Делами колхоза управляют должностные лица: председатель и члены правления, бригадиры, заведующие фермами, руководители других производственных подразделений, специалисты сельского хозяйства, бухгалтеры, плановики, экономисты. С их помощью органы управления колхозов руководят бригадами, фермами и другими участками общественного хозяйства. Все должностные лица подконтрольны и подотчетны коллегиальным органам и в своей работе руководствуются их решениями. Если действия и распоряжения должностных лиц противоречат решениям коллегиальных органов колхоза, то они недействительны.

Сейчас в колхозах есть много самых разнообразных общественно-вспомогательных органов, которые являются совещательными и помогают правлению и председателю лучше решать вопросы колхозной жизни.

Во многих колхозах созданы советы культуры, которые помогают правлениям вести культурно-массовую работу среди колхозников, организуют их досуг, проводят доклады, лекции, организуют воспитательную работу с молодежью и тому подобное. Правления передают в их распоряжение средства, выделяемые на культурно-массовую работу. В некоторых колхозах работают советы пенсионеров. Они ведут работу среди пенсионеров, привлекают их к различным мероприятиям, проводимым в хозяйствах. Советы по работе среди женщин (женсоветы) помогают создавать нормальные условия труда для колхозниц, следят за строительством детских садов, яслей и площадок. В отдельных хозяйствах по решению правлений созданы советы ветеранов труда или советы старейших колхозников, что дает возможность использовать их богатый опыт.

Есть и такие колхозы, где созданы агрономические и технические советы. В агрономический совет входят специалисты сельского хозяйства, старейшие колхозники, ветераны труда. Они оказывают существенную помощь правлению в проведении агрозоотехнических мероприятий, во внедрении в производство достижений науки и техники. В технические советы входят лучшие механизаторы хозяйств. Основная их задача — помогать правлениям совершенствовать технику, улучшать ее ремонт и эксплуатацию, внедрять рационализаторские предложения. В ряде хозяйств созданы и работают бюро рационализации, которыми руководят технические советы.

Мы рассказали лишь о тех демократических формах управления, которые присущи отдельному хозяйству. Но колхозная демократия далеко не ограничена этими рамками. В одной статье трудно рассказать о всех ее проявлениях. Это — всесоюзные и республиканские съезды колхозников, конференции в краях, областях, районные собрания. Широкие возможности для участия колхозников в решении вопросов колхозной жизни открывают выборные представительные колхозно-кооперативные органы — союзный, республиканские, краевые, областные и районные Советы колхозов, всесоюзные и республиканские собрания представителей Советов колхозов.

Непосредственное участие колхозников в управлении и контроле своего хозяйства, развитие колхозной демократии — все это яркое проявление огромной заботы партии и правительства о колхозном крестьянстве. «Колхоз как общественная форма хозяйства, — говорится в Программе КПСС, — по характеру организации, демократическим основам, которые будут все больше развиваться, обеспечивает управление производством самими колхозными массами, развертывание их творческой инициативы, воспитание колхозников в духе коммунизма. Колхоз — это школа коммунизма для крестьянства».

ЗАКОННАЯ СИЛА ПРИГОВОРА

О. ТЕМУШКИН,
кандидат юридических наук,
государственный советник
юстиции III класса

Народный суд рассмотрел уголовное дело, признал подсудимого виновным и вынес обвинительный приговор. Казалось бы, приговор нужно немедленно привести в исполнение: приговоренного к лишению свободы направить в колонию или тюрьму, осужденного к исправительным работам передать в ведение соответствующего органа МВД, с оштрафованного взыскать штраф и так далее.

Однако это решается не так просто. По общему правилу должен быть исполнен тот приговор, который вступил в законную силу. Исключение касается лишь оправдательного приговора. Его исполняют немедленно, тотчас после провозглашения; если, например, человек находился под стражей, то его освобождают тут же, в зале суда. В отношении обвинительного приговора действует принцип: пока приговор не вступил в законную силу, никто не вправе настаивать на претворении его в жизнь — ни частично, ни полностью.

Что же такое «законная сила приговора», когда, при каких условиях приговор обретает эту силу?

Осужденный, его защитник и законный представитель (родители, усыновители несовершеннолетнего, его опекуны и так далее), потерпевший и его представитель вправе обжаловать приговор в вышестоящий суд (этот суд называют кассационной, или второй, инстанцией). А вот прокурор не только вправе, но и обязан опротестовать в кассационном порядке каждый незаконный или необоснованный приговор. В кассационном порядке может быть обжалован или опротестован приговор любого суда, кроме приговоров Верховного Суда СССР и Верховных судов союзных республик. Поданные в срок (в РСФСР и большинстве других союзных республик — семь суток) кассационная жалоба либо протест служат поводом для проверки судом второй инстанции законности и обоснованности приговора

(подробно об этом рассказано в статье «Вторая инстанция», опубликованной в № 12 нашего журнала за 1972 год.— *Ред.*).

И лишь когда кассационная инстанция проверила дело и признала, что разрешено оно правильно, вынесенный приговор законен и обоснован, приговор обретает законную силу и подлежит исполнению. Если же приговор не был обжалован или опротестован прокурором в кассационном порядке, по истечении кассационного срока он вступает в силу.

Итак, приговор вступил в законную силу. Что из этого следует? Наделен ли он силой закона, равнозначен ли закону? И да, и нет. Закон регулирует жизнь общества, и в этом смысле он всеобъемлющ, относится ко всем гражданам, должностным лицам, предприятиям, учреждениям. Закон рассчитан на многократное применение в типичных, схожих ситуациях. Судебный приговор касается лишь конкретных фактов и затрагивает интересы только тех лиц, которые признаны виновными в преступных действиях. Приговор обладает силой закона в отношении указанных в нем лиц, обязателен к исполнению всеми, к кому он обращен. Вот почему приговоры выносятся именем государства. Верховный Суд СССР и военные трибуналы постановляют приговоры именем СССР, суды союзных республик — Верховный и нижестоящие — именем соответствующей союзной республики.

И все же не исключено, что приговор, вступивший в законную силу, может оказаться неправильным. Причины тому бывают разные. В одном случае ошибка, допущенная судом первой инстанции, осталась не замеченной при проверке приговора в кассационном порядке. В другом — суд кассационной инстанции, внося изменения в приговор, сам допустил ошибку. В третьем — неправосудный приговор

ТЕМУШКИН ОЛЕГ ПЕТРОВИЧ окончил юридический факультет Азербайджанского государственного университета имени С. М. Кирова. Кандидат юридических наук. Более 25 лет работал в органах прокуратуры — следователем, транспортным прокурором, прокурором центрального аппарата Прокуратуры Союза ССР, помощником Генерального Прокурора Союза ССР. Сейчас — старший научный сотрудник Института государства и права Академии наук СССР. Автор ряда публикаций по правовым проблемам.

вступил в законную силу потому, что в установленный срок никто его не обжаловал, не опротестовал.

Принятие ошибочных решений судами первой, а затем и второй инстанции — факт чрезвычайно редкий. Подавляющее большинство уголовных дел, как свидетельствует статистика, получает свое окончательное и притом правильное разрешение в суде первой инстанции. Немногим более трети всех приговоров обжалуются или опротестовываются в кассационном порядке, из них — важно подчеркнуть — более 95 процентов признаются правосудными. И только незначительная часть приговоров в дальнейшем привлекает к себе внимание суда надзорной инстанции. Но каким бы малым ни было число ошибочных решений, хотя бы оно выражалось в считанных единицах, необходимы реальные средства для исправления судебной ошибки, устранения несправедливости.

Законодатель, провозгласив незыблемость приговоров, вступивших в законную силу, при всем том предусмотрел возможность в отдельных случаях проверять их справедливость. Такая проверка носит название надзорного производства.

Посмотрим, в чем ее особенности. Сразу отметим, что производство в порядке судебного надзора — это не обычная стадия процесса, как, например, кассационная проверка приговоров. Обжалование приговора в кассационном порядке влечет за собой его непременною проверку. В стадии же судебного надзора подача жалобы заинтересованным лицом (осужденным, потерпевшим и так далее) вовсе не означает, что за этим обязательно последует судебная проверка вступившего в законную силу приговора. Жалоба вначале будет изучена одним из уполномоченных на то руководящих работников судебных и прокурорских органов. Это Председатель Верховного Суда СССР, Генеральный Прокурор СССР и их заместители, председатель Верховного суда и прокурор союзной республики и их заместители, председатель Верховного суда и прокурор автономной республики, председатель краевого, областного, окружного суда и соответствующий прокурор. И лишь после того, как эти должностные лица признают жалобу обоснованной, они приносят протест на приговор. Такой протест в отличие от кассационного именуется протестом в порядке надзора. В какие же судебные инстанции он направляется?

Надзорными судебными инстанциями являются Пленум и судебные коллегии Верховного Суда СССР, пленум (либо президиум) и судебные коллегии Верховных судов союзных республик, президиум Верховного суда автономной республики, президиум краевого, областного, окружного суда. Каждое из указанных выше должностных

лиц вправе принести протест в соответствующий суд, а также в нижестоящую судебную инстанцию. К примеру, председатель Верховного суда РСФСР либо прокурор РСФСР компетентны принести протест не только в президиум Верховного суда РСФСР, но и в президиум Верховного суда любой из автономных республик или президиум суда края, области, округа, входящих в состав Российской Федерации, либо в судебную коллегия Верховного суда РСФСР, если приговор областного или равного ему суда не пересматривался в кассационном порядке.

Несколько иначе определены надзорные права Председателя Верховного Суда СССР. Он, помимо Пленума и судебных коллегий Верховного Суда СССР, может внести надзорный протест лишь в пленум (президиум) Верховного суда союзной республики. Заместители Председателя Верховного Суда СССР вправе принести надзорный протест в те же судебные инстанции, кроме Пленума Верховного Суда СССР.

Как же разграничены полномочия судов надзорной инстанции?

Президиум Верховного суда автономной республики, а также краевого, областного, окружного суда вправе пересматривать вступившие в законную силу приговоры народных судов, действующих на соответствующей территории. Верховный суд союзной республики может пересмотреть приговоры Верховных судов АССР, областных и равных им судов, а также постановления президиумов этих судов. Верховный Суд СССР проверяет лишь приговоры Верховных судов союзных республик, вынесенные по первой инстанции (в кассационном порядке, как уже указывалось, они обжалованию не подлежат), а также постановления пленумов (президиумов) этих судов.

Как же осуществляется надзорная функция на практике? Мы уже говорили, что непременное условие проверки вступившего в законную силу приговора — протест прокурора или председателя суда. Протест может быть внесен в связи с проверкой жалобы, поданной на приговор осужденным, его защитником, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком или их представителями. Поводом к проверке дела могут быть также обращения представителей общественности, сигналы печати или личное усмотрение самого должностного лица.

Но во всех случаях основанием для принесения протеста служит не сама жалоба или иной сигнал, а лишь установленная при проверке дела незаконность и необоснованность приговора. Незаконным и необоснованным признается приговор, выводы которого построены не на объективных доказательствах, а на предположениях. Не может остаться в силе приговор, когда обстоятельства дела не были иссле-

дованы судом с надлежащей полнотой, всесторонностью и объективностью, в том числе и ввиду нарушения норм процесса, когда неправильно были квалифицированы действия осужденного, когда, наконец, наказание явно не соответствует тяжести содеянного и назначено без учета данных о личности осужденного. Неправосудный приговор не должен и не может обладать силой закона, поэтому во имя торжества справедливости он в любом случае подлежит отмене либо изменению.

Законодатель не ограничил возможности пересмотра приговоров в порядке надзора какими-то сроками. Однако это обстоятельство не может служить оправданием несвоевременного исправления выявленной судебной ошибки. Если возникли веские сомнения в правильности приговора, то они должны быть немедленно проверены и устранены. Сомнения в том, что осужденный виновен и обоснованно осужден, должны обязательно привести к быстрой проверке приговора, и обязанность должностных лиц суда, прокуратуры свести к минимуму вред, причиненный невинному. Есть сомнения в законности оправдания — значит, надо принять экстренные меры к тому, чтобы преступник не ушел от ответственности. Ведь известно, что эффективность наказания во многом зависит от быстроты его применения. Для некоторых случаев законом установлены предельные сроки надзорного пересмотра приговора. По истечении года с момента вступления в законную силу не могут быть пересмотрены оправдательные приговоры, а также приговоры, которыми определена несоразмерно мягкая мера наказания. Этот принцип — еще одно свидетельство гуманности советского уголовно-процессуального законодательства.

Итак, дело проверено и должностное лицо пришло к выводу о необходимости опротестовать приговор. Составляется протест, и его вместе с делом направляют в соответствующий суд. Но может случиться так, что, пока суд рассмотрит протест, приговор, который не соответствует закону, будет исполнен.

Чтобы этого не произошло, лицо, внесшее протест, вправе приостановить исполнение приговора. Поскольку речь идет о приговоре, вступившем в законную силу, эта мера, конечно, является чрезвычайной. Поэтому закон предельно ограничил круг лиц, располагающих правом приостанавливать исполнение приговоров. К ним относятся Председатель Верховного Суда СССР, Генеральный Прокурор СССР и их заместители, председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР, Главный военный прокурор, председатель Верховного суда и прокурор союзной республики. Процессуальным законодательством РСФСР такое право предоставлено также заместителям председателя Верховного суда РСФСР и заместителям прокурора республики.

А теперь посмотрим, как рассматриваются протесты надзорной инстанцией, в частности президиумом Верховного суда автономной республики, краевого, областного или равного им суда. Состоит президиум из председателя суда, его заместителей и нескольких членов суда. Протест на приговор рассматривается в судебном заседании. В нем участвует прокурор соответствующей автономной республики, края, области. В случае надобности в суд может быть вызван осужденный (оправданный) или его защитник.

Начинается заседание с того, что один из судей докладывает содержание протеста. Затем члены президиума детально обсуждают протест, сопоставляя его доводы с материалами дела. Прокурор поддерживает принесенный им протест или дает заключение по протесту председателя суда. Решение принимается членами президиума по большинству голосов.

Президиумы Верховных судов автономных республик, краевых, областных и равных им судов наиболее приближены к народным судам, поэтому они в порядке надзора рассматривают большинство уголовных дел. Такая организация судебного надзора дает возможность быстро и оперативно исправлять ошибки судов первой и второй инстанций и тем самым оказывать влияние на формирование правильной и единообразной судебной практики.

Президиумы (пленумы) Верховных судов союзных республик рассматривают дела в таком же порядке, как и президиумы нижестоящих судов. Обязательным является участие прокурора республики. В заседании Пленума Верховного Суда СССР участвуют Генеральный Прокурор СССР и министр юстиции СССР.

Полномочия надзорной инстанции при проверке правильности приговора ограничены рядом условий, главное из которых кратко может быть сформулировано так: суд надзорной инстанции сам не вправе принять такое решение по приговору, которое ухудшило бы положение осужденного. Это значит, что надзорная инстанция может отменить обвинительный приговор и прекратить дело, смягчить наказание осужденному или применить закон о менее тяжком преступлении. Но она не вправе сама непосредственно усилить назначенное приговором наказание, скажем заменить исправительные работы лишением свободы. Надзорная инстанция не имеет права также отменить оправдательный приговор, признать оправданного виновным и назначить ему наказание. Если протест принесен ввиду неправильного оправдания или мягкости наказания, надзорная инстанция, согласившись с протестом, может лишь отменить приговор и направить дело на новое рассмотрение в суд первой либо второй инстанции.

До сих пор мы говорили об основаниях и самой процедуре про-

верки приговора в порядке судебного надзора, подчеркивая необычность, исключительность этой стадии. Читатель вправе предположить, что и дела, которые доходят до надзорной инстанции, тоже не совсем обычные. Это действительно так. Дела, рассматриваемые надзорной инстанцией, как правило, очень сложные по самому характеру совершенного преступления, по оценке собранных в них доказательств. Они часто заключают в себе запутанный клубок человеческих взаимоотношений, спорных и неясных фактов. Без преувеличения можно утверждать, что до надзорной инстанции, особенно до Пленума Верховного Суда СССР, доходят, как правило, именно такие дела.

Вот один из примеров. Николаевским областным судом некий Руссов за умышленное убийство Сиренко был приговорен к десяти годам лишения свободы. Осужденный, студент 3 курса кораблестроительного института, поссорившись с Сиренко, студентом 1 курса того же института, дважды ударил его по лицу. От ударов Сиренко упал и скончался. Верховный суд Украинской ССР, рассмотрев дело в кассационном порядке, пришел к выводу, что Руссов виновен не в умышленном убийстве, а в умышленном причинении тяжких телесных повреждений, повлекших за собой смерть потерпевшего. Верховный суд изменил квалификацию действий осужденного, но меру наказания оставил прежней.

Мы видим, что вторая инстанция внесла существенное изменение в приговор, но и она, как потом оказалось, была далека от истины.

В связи с жалобами Руссова на неправильное осуждение дело его было проверено в Прокуратуре СССР. Обстоятельства происшествия выглядели так. Летним днем Сиренко и его однокурсник Сердюк, выпив спиртного, зашли в магазин, где увидели молодую продавщицу, и пригласили ее пойти с ними в кино. Девушка отказалась. Тогда Сердюк взял ее за руку, а Сиренко снял наручные часы и заявил, что она получит их вечером в кинотеатре. Затем оба ушли. Вскоре в магазин вошла группа студентов, среди которых был Руссов. Продавщица рассказала им о происшедшем и попросила Руссова помочь ей вернуть часы. Руссов и его товарищи догнали Сиренко и Сердюка у студенческого общежития и потребовали вернуть часы девушке. Сиренко отказался. Возникла ссора, во время которой Руссов дважды ударил Сиренко руками по лицу. Сиренко упал и тут же скончался. Объясняя в дальнейшем свои действия, Руссов утверждал, что нанес Сиренко две пощечины, но вовсе не желал таких трагических последствий. Объяснения его были подтверждены показаниями очевидцев, а также заключением судебно-медицинской экспертизы о том, что смерть потерпевшего хотя и явилась следствием нанесен-

ных ему ударов, однако нанесены они были не с большой силой... «скорее всего ладонью... Это очень редкий случай наступления смерти».

Оценив обстановку происшествия, поведение осужденного и потерпевшего, Генеральный Прокурор СССР пришел к выводу, что Руссов, нанеся удары Сиренко, не имел намерения лишить его жизни и не предвидел возможности такого исхода. Следовательно, осуждение его за умышленное преступление неправильно. Однако, нанеся потерпевшему удары по лицу, Руссов должен был предвидеть возможность его падения и смерти. Поэтому он ответствен за убийство по неосторожности.

Пленум Верховного Суда СССР, согласившись с протестом Генерального Прокурора СССР, оценил действия Руссова как неосторожное убийство и снизил ему наказание до трех лет лишения свободы.

В ряде случаев суд надзорной инстанции сталкивается с делами лиц, осужденных за убийство или причинение тяжких телесных повреждений при обороне от нападения. Дела эти, как правило, очень сложны. Иной раз бывает трудно определить, действительно ли человек действовал в состоянии необходимой обороны, превысил он ее пределы или вообще ничем не нарушил закон, хотя внешне, со стороны, его действия кажутся преступными. Этой трудностью подчас и объясняется надобность в дополнительной — надзорной проверке такого рода дел.

Иногда в надзорную инстанцию, вплоть до Пленума Верховного Суда СССР, поступают дела, в которых все факты установлены точно, дана верная юридическая оценка действиям осужденного, но назначена ему неправильная — либо слишком суровая, либо излишне мягкая — мера наказания. А по закону назначение наказания, несоответствующего тяжести совершенного преступления и без учета данных о личности виновного, является безусловным поводом к отмене либо изменению приговора.. И вот надзорная инстанция, являющаяся еще одной гарантией законности и справедливости, исправляет ошибки нижестоящих судов, ищет и находит ту единственно разумную меру наказания, которая полностью соответствует требованиям закона.

Сошлемся на такой пример. Народным судом за нарушение правил безопасности движения, повлекшее гибель потерпевшего, шофер строительного управления Шахвердиев был осужден к восьми годам лишения свободы. Судебная коллегия Верховного суда Азербайджанской ССР оставила приговор без изменения, а президиум Верховного суда республики изменил приговор и смягчил назначенный судом режим отбывания осужденным наказания.

Шахвердиев обжаловал приговор в Верховный Суд СССР. Проверкой было установлено, что Шахвердиев, управляя автомашиной «Москвич», проезжал через окрестности села. Впереди, примерно в шестидесяти метрах, он увидел группу малолетних детей, стоявших у дороги. Неожиданно для него дети стали перебежать дорогу перед автомашиной. Пытаясь предотвратить наезд, Шахвердиев резко повернул машину влево и сбил стоявшую на обочине дороги девочку. Автомобиль оказался в кювете. Вина Шахвердиева состоит в том, что, заметив малолетних детей, он не снизил скорость до такого предела, который гарантировал бы безопасность движения. Но при оценке степени ответственности Шахвердиева, по мнению Пленума Верховного Суда СССР, следовало учесть, что несчастный случай произошел не только по его вине, но и вследствие грубого нарушения детьми правил движения. Шахвердиев — не злостный нарушитель правил безопасности движения. Нарушение — следствие неосторожности. Он пытался предотвратить наезд, но меры его оказались запоздалыми и безуспешными. Ранее Шахвердиев не был судим, характеризуется положительно, на его иждивении шесть членов семьи. Председатель Верховного Суда СССР пришел к выводу, что Шахвердиеву наказание было назначено слишком суровое, без учета всех этих обстоятельств. Поэтому он опротестовал приговор в Пленум Верховного Суда СССР, который согласился с протестом и снизил виновному наказание до четырех лет лишения свободы.

Производство в порядке судебного надзора — важное и эффективное средство проверки приговоров, оно гарантирует, что исполнены, претворены в жизнь будут только те из них, которые отвечают требованию закона.

ЛИТЕРАТУРА

Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. «Юридическая литература», М., 1970, стр. 464—467.

Грун А. Пересмотр приговоров в порядке судебного надзора. «Юридическая литература», М., 1969.

Строгович М. Курс советского уголовного процесса. «Наука», М., 1970, стр. 435—461.

Ю. ТКАЧЕВСКИЙ,
профессор,
доктор юридических наук

хулиганов — к ответу

Одним из опасных и распространенных правонарушений является хулиганство. Дебош в общественном месте, оглушительный свист в зрительном зале во время киносеанса, нецензурная брань на улице, оскорбительное приставание к гражданам, антиобщественное поведение дома, от которого страдают родственники и соседи, избивание пассажиров автобуса, пытавшихся унять подгулявшего молодца, — все это проявления хулиганства. Подобные действия сходны в одном: они непременно нарушают общественный порядок, выражают явное неуважение к обществу.

Большая часть хулиганских действий сопряжена с причинением телесных повреждений, побоями, оскорблениями, а также со скандалами и дебошами.

Жестокость, грубость, бескультурье, крайний эгоизм, моральная распущенность, игнорирование правил социалистического общежития — вот что характерно для хулигана.

А. М. Горький писал: «Хулиган — существо, лишенное социальных чувств, он не ощущает никакой связи с миром, не сознает во круг себя присутствия каких-либо ценностей и даже постепенно утрачивает инстинкт самосохранения — теряет сознание ценности личной своей жизни... Этот человек всю жизнь колеблется на границе безумия, и социально он более вреден, чем бактерии заразных болезней...»

Хулиганские действия совершают, как правило, лица, находящиеся в состоянии опьянения. По данным исследования, проведенного работниками юридического факультета Казанского университета, 96 процентов осужденных за хулиганство были в момент его совершения в нетрезвом виде.

Духовный мир того, кто злоупотребляет спиртным, обеднен. Он утрачивает интерес к работе, учебе, общественной жизни, литературе, искусству — ко всему, кроме выпивки. А душевная пустота, ограниченность, убогость чувств, неумение использовать свое свободное время часто порождают низменные желания. Выпил — ну как не покуражиться над слабым, беззащитным? Ударил хмель в голову — и дебошир уже ищет любой предлог для скандала.

Юристы Казанского университета установили, что примерно в половине случаев непосредственным поводом для хулиганских действий служит замечание, предупреждение или иное правомерное действие потерпевшего. Нередко хулиганские действия совершаются вообще без какого-либо повода.

...Основательно «нагрузившись» спиртным, молодые люди Евтеев, Тесаков, Мистрюков и Шаников прогуливались по одной из московских улиц. Навстречу им попались два подростка. Тесаков попросил у них закурить. Но у ребят не было папирос — они не курили. Ах, так? Все четверо дружно ринулись на подростков и избили их. Ворошиловский народный суд Москвы приговорил хулиганов к лишению свободы.

Некоторые граждане, к сожалению, ошибочно считают, что с пьяных не может быть спроса за правонарушения, в частности за хулиганство, или, по крайней мере, спрос с них меньший, чем с трезвых. Пьяный, мол, ничего не соображает, ничего не помнит. За что же его привлекать к ответственности?

Это в корне неверное рассуждение. Ведь человек, напиваясь, добровольно приводит себя в такое состояние, когда у него ослабляет-

ТКАЧЕВСКИЙ ЮРИЙ МАТВЕЕВИЧ — доктор юридических наук, профессор юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Участвовал в Великой Отечественной войне, служил в полку дальней авиационной разведки. В феврале 1944 года Ю. М. Ткачевскому присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1950 году окончил Московский юридический институт. Им написано около ста научных работ, среди них пять монографий.

ся или теряется самоконтроль. И если у него в таком состоянии резко проявляются давно укоренившиеся аморальные качества — последствия невоспитанности и духовной бедности, — если он совершает преступление, так почему же считать его невиновным? Советский закон не освобождает от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, в том числе хулиганство, в нетрезвом состоянии. Более того, состояние опьянения по закону считается, как правило, отягчающим ответственность обстоятельством.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 16 октября 1972 года «О судебной практике по делам о хулиганстве» указал: «Учитывая, что хулиганские действия в большинстве случаев совершаются на почве пьянства, судам при назначении наказания лицам, совершившим хулиганство в состоянии опьянения, в соответствии со статьей 34 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик надлежит обсуждать вопрос о признании этого факта обстоятельством, отягчающим ответственность».

Хулиганство — питательная среда для других опасных преступлений. Установлено, что среди лиц, привлеченных к уголовной ответственности за убийство, более половины ранее были судимы за хулиганство. Из общего числа осужденных за грабеж и разбой 70 процентов привлекались прежде к ответственности за хулиганство. Немаловажен такой факт: причина умышленных убийств и нанесения телесных повреждений во многих случаях — хулиганские побуждения.

В зависимости от характера и степени общественной опасности хулиганство делится на два вида: мелкое, наказуемое как административный проступок, и хулиганство, являющееся преступлением.

Мелкое хулиганство — это нецензурная брань в общественных местах, оскорбительное приставание к людям и другие подобные действия, нарушающие спокойствие граждан. Это правонарушение наказывается арестом на срок от 10 до 15 суток, или исправительными работами на срок от одного до двух месяцев с удержанием 20 процентов заработка, либо штрафом от 10 до 30 рублей.

Арестованным запрещена переписка, они не имеют права получать передачи, посылки, денежные переводы, покупать продукты питания и табачные изделия. Арестованных за мелкое хулиганство привлекают к уборке улиц, площадей и другим физическим работам без оплаты труда. Заработная плата по месту их постоянной работы им также не выплачивается.

Ответственность за хулиганство, являющееся преступлением, установлена статьей 206 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик.

Статья 206 Уголовного кодекса РСФСР состоит из трех частей. В соответствии с частью 1 этой статьи наказывается мелкое хулиганство, совершенное лицом, к которому в течение года уже была применена мера административного воздействия за мелкое хулиганство. То есть мелкое хулиганство, совершенное повторно в течение года, считается преступлением. Часть 1 статьи 206 Уголовного кодекса РСФСР предусматривает также ответственность за хулиганство, которое условно можно назвать простым. Здесь имеются в виду действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу. Наказание по части 1 статьи 206 установлено такое: лишение свободы на срок от шести месяцев до одного года, или исправительные работы на тот же срок, или штраф от 30 до 50 рублей.

Частью 2 статьи 206 Уголовного кодекса РСФСР предусмотрена ответственность за злостное хулиганство (в отличие от простого), то есть те же действия, отличающиеся исключительным цинизмом или особой дерзостью, либо связанные с сопротивлением представителю власти или общественности, иным гражданам, пресекающим хулиганские действия, а также совершенные лицом, ранее судимым за хулиганство. Исключительный цинизм — это бесстыдное поведение, презрительное отношение к общепринятым правилам нравственности. Особая дерзость — грубые, наглые действия, например гнусное надругательство над людьми, срыв массовых мероприятий, уничтожение или повреждение из хулиганских побуждений государственного или общественного имущества.

Ответственность по части 2 статьи 206 наступает, если имеется хотя бы одно из перечисленных в ней обстоятельств. Так, по части 2 этой статьи был осужден некий Свиридов. Он устроил дебош в квартире, а когда его пытались утихомирить, оказал сопротивление работникам милиции. Следовательно, в действиях Свиридова был признак злостного хулиганства — сопротивление представителям власти.

Наказание по части 2 статьи 206 более строгое, чем по части 1: лишение свободы на срок от одного года до пяти лет.

Еще более строгое наказание установлено частью 3 статьи 206 Уголовного кодекса РСФСР — лишение свободы на срок от трех до семи лет. В ней предусмотрена ответственность лиц, совершивших хулиганские действия с применением или попыткой применения огнестрельного оружия либо ножей, кастетов или иного холодного оружия, а также других предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений.

Органы милиции и прокуратуры, суды, выполняя возложенные на них обязанности и используя предоставленные им права, ведут борь-

бу с хулиганством, добиваются его искоренения. Эти органы не только наказывают тех, кто совершил правонарушения, но и принимают меры к предотвращению хулиганства, изучают причины хулиганских проявлений и эффективность уголовного наказания.

Закон, как мы убедились, не дает поблажки хулиганам. И в целом по стране хулиганство идет на убыль. Но не так быстро, как хотелось бы. Почему?.. Вот тут я считаю нужным обстоятельно поговорить о роли общественности в борьбе с этими правонарушениями.

В принципе хулиганство осуждают все. Говорят, что это зло, которое нужно искоренять беспощадно. Но вот когда дело доходит до наказания конкретного хулигана, то нередко его родные, близкие, знакомые, сослуживцы резко меняют свои взгляды. Хулигана начинают жалеть, выручать, выгораживать с энергией и настойчивостью, достойными лучшего применения.

Вот пример. Работники одного из московских проектных институтов Ю. Максимов и В. Николаев навеселе зашли в павильон культуроваров на ярмарке в Лужниках и потребовали потешить их музыкой. Получив отказ, они выволокли заведующего павильоном на улицу и стали избивать руками и ногами. Нанесли телесные повреждения. Когда сотрудники отдела, где работали «любители музыки», узнали, что Максимов и Николаев привлечены к уголовной ответственности, было созвано собрание. Обсудили и решили — «надо спасать своих». Направили в суд ходатайство о передаче подсудимых на поруки. Выделили даже двух общественных защитников. После осуждения хулиганов жалобы сотрудников отдела на «бездушный суд» посыпались в прокуратуру, вышестоящие судебные органы, в одну из центральных газет.

Надо отдать должное общему партийному собранию института, которое разъяснило рьяным защитникам хулиганов их недостойную позицию.

Иной раз сердобольные сослуживцы берут под защиту таких правонарушителей, у которых в прошлом и пятнышка светлого нет. Мотив один — свой ведь все-таки, жалко. Вот другие, «чужие» хулиганы — это настоящие преступники, к ним не может быть снисхождения. А своего-то — ну как не пожалеть? Оступился он, мы его исправим.

Нет нужды доказывать, что такая беспринципная позиция сильно мешает борьбе с хулиганством и не может быть терпима.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР, которое мы уже упоминали, сказано о большом значении связи судов с общественностью. «Суды должны,— говорится в постановлении,— своевре-

менно и систематически информировать коллективы трудящихся о характере хулиганских действий, совершенных членами этих коллективов, направляя по месту работы осужденных копии приговоров и добиваясь, чтобы содержание приговоров доводилось до сведения членов коллектива».

А на предприятиях, в организациях, учреждениях должна быть создана обстановка нетерпимости к любым проявлениям хулиганства. Если в коллективах хулиганы будут встречать всеобщее осуждение, это даст хорошие результаты. Правонарушений станет меньше.

Возьмем другой весьма характерный случай. Молодой парень, выпивший изрядную дозу спиртного, во дворе своего дома приставал к девушкам, нецензурно бранился в присутствии детей. Когда женщина, проживавшая в том же доме, сделала парню замечание, тот разошелся еще больше и ударил ее. Женщину пришлось отправить в больницу.

Все жильцы взбудоражены. Некоторые возмущаются: «Куда смотрела милиция?» Но никто не задает себе вопроса: «Куда смотрели мы сами?» А ведь жильцы знают этого парня с детства. Он вырос на их глазах. Окончил школу. Пошел на завод. И, «обмыв» первую полтучку, появился в том же дворе в самом неприглядном виде. Обеспокоились жильцы? Нет. Правда, когда за первой пьянкой последовали вторая и третья, кое-кто говорил, что надо бы принять меры. Но вот за неблаговидные дела парня задержала милиция. Решался вопрос, привлечь ли его к уголовной ответственности. И тогда жильцы... дружно бросились на его защиту. Сочинили ему характеристику, из которой следовало, что он чуть ли не ангел во плоти. И добились своего — «отстояли». После этого парень стал наглеть все больше и больше, совсем распоясаясь, и в результате — преступление.

А кому не знакома такая картина: разбушевавшегося в троллейбусе дебошира пассажиры высадили на остановке. Высадили — и поехали дальше. Почему же не довели дело до конца, не доставили хулигана в отделение милиции? Рассуждают так: «Много времени потеряешь, а потом в суд свидетелем вызовут. Хлопот не оберешься». Выходит так: садись, хулиган, в следующий троллейбус, отравляй жизнь другим, а не нам. Опасное обывательское рассуждение.

Здесь следует подчеркнуть, что закон защищает тех, кто активно борется с нарушителями общественного порядка. Действия граждан, пресекающих преступные посягательства и задерживающих преступника, считаются по закону правомерными и не влекут уголовной или иной ответственности, даже если этими действиями вынужденно был

причинен вред преступнику. Если человеку, в целях пресечения его хулиганских или других преступных действий, были причинены телесные повреждения, то лечение этого человека производится за его счет.

Органы милиции, прокуратуры и суды сообщают по месту работы или жительства граждан об их смелости, отваге, проявленных в борьбе с правонарушениями. Наиболее отличившиеся поощряются исполкомами местных Советов и органами внутренних дел.

Например, управление внутренних дел исполкома Московского городского Совета наградило премиями дружинников Института теоретической и экспериментальной физики Госатомта А. В. Заварзина и Н. П. Александра. Они, действуя смело и решительно, задержали на улице пьяных хулиганов Кулькова и Садикова, которые избивали гражданина. П. Кульков и Садиков осуждены народным судом по части 2 статьи 206 Уголовного кодекса РСФСР.

Закон строг к хулиганам. Так будем же и мы все, товарищи, строги к нарушителям общественного порядка. Борьба с этим злом должна стать делом каждого гражданина. Надо повсеместно создать обстановку всеобщего осуждения любых хулиганских проявлений. Тогда хулиганы неуютно почувствуют себя не только в вашем коллективе, в вашем дворе, но и во всем нашем большом светлом доме.

ЛИТЕРАТУРА

Даньшин И. Н. Ответственность за хулиганство по советскому уголовному праву. Изд-во Харьковского университета, 1971.

Кириченко В. Ф. Об усилении борьбы с хулиганством. «Знание», М., 1967.

Красиков Ю. А., Труфанов В. В. Борьба с хулиганством. Изд-во Воронежского университета, 1967.

Личность преступника. Изд-во Казанского университета, 1972.

Ткачевский Ю. М. Борьба с пьянством и хулиганством. Изд-во «Правда», М., 1972.

ЮРИДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ НОМЕРА

Административный проступок — нарушение общеобязательных правил, наносящее вред социалистическому государству: нарушение санитарных, противопожарных и ветеринарных правил, правил общественного порядка (нецензурная брань в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам и другие подобные действия), воинского учета и паспортного режима, пользования земельными участками, правил охоты. Административная ответственность наступает лишь при установлении виновности в административном проступке.

Льготы — установленные законодательством преимущества или частичное освобождение отдельных лиц, групп населения от выполнения установленных законом общих обязанностей (к примеру, льготы инвалидам Отечественной войны, многодетным матерям и так далее).

Представительство — совершение сделок и других юридических действий одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) по полномочию, основанному на доверенности, законе либо административном акте. Представитель действует в пределах прав и полномочий, предоставленных ему. При этом он не вправе совершить сделку в пользу себя либо другого лица, представителем которого он одновременно является. Недопустимо совершение сделок через представителя, если они по своему характеру могут быть совершены только лично, а равно других сделок, указанных в законе.

Сделка, совершенная представителем, создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого.

Торги публичные — назначают судебным исполнителем для продажи жилого строения должника, на которое решением суда обращено взыскание. Строение считается проданным тому лицу, которое предложило на торгах высшую цену.

ПРАВОВОЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Ф. ЛИПСКЕРОВ

Я ИГРАЛ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА

ИЗ ЗАПИСОК
НАРОДНОГО
ЗАСЕДАТЕЛЯ

Жочу сделать одно важное предупреждение. Моя основная профессия считается, пожалуй, наиболее легкомысленной из всех остальных профессий: я артист эстрады, конферансье. С легкой руки фельетонистов у зрителей складывается впечатление, что мы руководствуемся только одним желанием — любимыми средствами вызвать смех в зрительном зале и что основным оружием нашим является пошлость. Смею заверить, что все это не так. Каждый из нас в меру своих способностей и возможностей отдает много сил нашему трудному искусству. А то, что есть у нас халтурчики и пошляки... Так где их нет?

Но это сложившееся мнение, может быть, вызвало некоторое недоверие у судьи, к которому много лет назад был направлен я после того, как меня избрали народным заседателем.

Народного судью звали Лев Евгеньевич Алмазов.

Правда, услышав мою фамилию — Липскеров, — он проникся ко мне интересом, ибо покойный мой отец Александр Федорович Липскеров был в то время известным московским адвокатом, который уже встречался с Алмазовым в судебных процессах, и, как я позже узнал, оба прониклись друг к другу если не любовью, то взаимным уважением.

Честно говоря, на меня Лев Евгеньевич при первой встрече тоже не произвел серьезного впечатления. Это был высокий, очень молодой, лет двадцати семи — двадцати восьми, человек с бородой, что тогда было несколько неожиданным, в вытертом морском кителе с пришитыми к нему «гражданскими» пуговицами. Поскольку я был тогда лет на десять старше своего народного судьи, то читателю будет понятно мое законное разочарование. Ведь я представлял

народного судью совсем другим — немолодым, внушительным, солидным, и где-то в подсознании моем мерещилась даже судебная мантия, хотя я знал, что наши судьи мантий не носят.

Но после нескольких наших процессов мое мнение о Льве Евгеньевиче изменилось в лучшую сторону и заставило меня самого пересмотреть свои обязанности: из простого наблюдателя я постепенно, под руководством Алмазова, превратился в действующее лицо судебного процесса во всех его стадиях — от судебного следствия до вынесения приговора. Молодой народный судья научил меня уважению к закону, трепетному отношению к порученному мне делу и любовному, да, да, я не оговорился, любовному отношению к тем людям, которые проходили в процессах и в качестве подсудимых, и в качестве свидетелей.

Для Алмазова не было дел больших и маленьких. Конечно, одни дела были более серьезные, другие менее, но за каждым из них Лев Евгеньевич видел живого человека, видел судьбы людей, которые ему предстояло решать вместе с нами, народными заседателями. Каждое дело было уроком для участников процесса, для их близких, для нас, народных заседателей, и для посетителей суда.

Каждое дело не оставляло Льва Евгеньевича Алмазова равнодушным. Он переживал его, он скорбел о судьбах тех людей, которые попадали на скамью подсудимых. В нем было особое чувство ответственности и Человечность в высоком смысле этого слова.

Не подумайте, что Алмазов был эдаким «добрячком», оторванным от действительности. Он был и гневным, и суровым, был обличителем того зла, с которым предстояло ему и нам бороться. Он был блюстителем Закона, за которым всегда видел Человека.

Я был свидетелем того, с каким волнением зачитывал он приговоры, под которыми стояли его подпись и подписи народных заседателей.

...Преступления и преступники, как известно, бывают разные. Есть преступники заматерелые, рецидивисты, грабители, спекулянты со стажем, хулиганы, а есть люди, преступившие закон впервые — иногда по легкомыслию, а иногда и по незнанию. Для Алмазова не было двух дел, похожих друг на друга, хотя статьи закона, по которым «проходили» подсудимые, были нередко одинаковы. Алмазов учитывал и личность подсудимого, и те пути-дороги, которые привели его к преступлению. И в каждом объективном разбирательстве судья учитывал и субъективные факторы, которые привели того или иного человека на скамью подсудимых.

Не скрою, что мы были вначале не слишком сведущи в юриспруденции, и то или иное наказание, которое следовало назначить

по закону, иногда нам казалось слишком суровым: эмоциональные переживания наши брали верх над справедливостью. Но Лев Евгеньевич не давил на нас своим авторитетом и профессионализмом, а терпеливо (теперь я понимаю, что подчас слишком терпеливо) разъяснял нам справедливость того или иного приговора или решения.

...В Пассаже парень украл у женщины кошелек, в котором было пятнадцать «дореформенных» рублей.

— Помилуйте, Лев Евгеньевич,— с негодованием говорил я судьбе,— неужели за такую мелкую сумму нужно давать два года? Нет, мы не согласны.

— Скажите,— спросил нас Алмазов,— а если бы в сумочке было двадцать пять тысяч рублей, он не взял бы ее, не украл бы? Конечно, украл бы.

— Конечно, украл бы,— согласился я.

— Так вот, в данном случае,— пояснял нам Алмазов,— дело не в сумме, а в самом факте кражи. А потом... вы невнимательно читали дело, дорогие мои народные заседатели. Этот парень попадает уже в четвертый раз... Ну, как вы теперь считаете?..

И мы подписались под приговором.

В те времена, а было это вскоре после войны, особая борьба велась со спекуляцией и спекулянтами. Многого не хватало тогда в стране, и все, буквально все могло стать средством наживы для нечистоплотных людей, и не только для спекулянтов. Запомнились мне два дела.

(Совершенно естественно, что я не буду упоминать фамилий тех, кого мы судили. Много времени прошло с тех пор, и думаю, что эти люди стали достойными гражданами.)

Одно дело было такое. Есть в Москве завод, который среди прочей продукции выпускал резиновые сапожки. Очень дефицитную по тому времени вещь, мечту дам и девушек. И был при этом заводе здравпункт. Заведовал им врач. Его-то мы и судили. Дело в том, что на заводе служащим выдавались эти самые сапожки для так называемой «контрольной носки». Дело было новое, и завод интересовался, как эти сапожки выдерживают всякие погодные и иные условия. Врач пользовался большим уважением на заводе, и ему довольно бесконтрольно давали сапожки по фабричной цене. А он их продавал. Подлость дела, с моей точки зрения, заключалась еще и в том, что продавал-то он их по разным ценам: «нужным» людям по себестоимости, своим коллегам-врачам вдвое дороже, упоминая о том, что кому-то нужно было «дать», чтобы получить эти сапожки, а задержали его на рынке, где он эти сапожки прода-

вал по совсем умопомрачительной цене. Все это было установлено материалами дела, хотя и коллеги-врачи, и «нужные люди» пытались выгородить его. Но материалы дела есть материалы дела, да и свидетели называли уж какие-то очень разные цены. И когда мы, понимая всю тяжесть такого наказания, предложили дать этому врачу пять лет, потому что нас потряс не только сам факт спекуляции, а и та «табель о рангах», которая заставляла этого врача назначать разные цены за сапожки, Лев Евгеньевич согласился с нами.

Второе дело было и более сложным и более легким. Молодой человек, участник Великой Отечественной войны, токарь, в конце войны был ранен в ногу и заболел остеомиелитом. Токарем работать он не мог, и его трудоустроили — перевели в какую-то закусную, где он должен был продавать водку. Пришли в закусную представители ОБХСС и сделали так называемую «контрольную закупку» — триста граммов водки. Слили ее в мензурку и обнаружили, что не хватает двадцати граммов. А это грозило парню пятью — семью годами тюрьмы. Следствие почему-то тянулось очень долго. За время следствия парень вылечился, вновь стал токарем на одном из заводов, выполнял норму более чем на двести процентов и заслужил уважение товарищей. Молодая его супруга сидела в зале суда с новорожденным на руках. С завода парню были даны самые лучшие характеристики. Но закон есть закон. Да к тому же еще адвокат была молодой и неопытной, и чувствовалось, что помочь своему клиенту она не особенно может. Должен сказать, что парню этому сочувствовали все: и мы, народные заседатели, и свидетели из ОБХСС, которые сами были инвалидами войны, и, как мне кажется, точнее — тогда казалось, а теперь я в этом уверен, и сам народный судья. Я помню, как он волновался во время перерывов. И вдруг он задал одному из свидетелей неожиданный вопрос:

— Скажите, свидетель, а если бы вы взяли в качестве контрольной закупки, ну, скажем, сто граммов водки и обнаружили недостачу семь-восемь граммов. Что, тогда дело тоже передали бы в суд?

— Нет, — ответил свидетель. — Тогда просто его наказали бы в административном порядке.

И вдруг я увидел, как оживилась адвокат. Она быстро поделила двадцать граммов водки на три, и получились те самые семь-восемь граммов, которых не хватило бы на сто граммов водки. А эти граммы могли быть следствием неумения торговать, то есть не была смочена мензурка, которой разливали водку, и эти злополучные граммы могли остаться на стенках мензурки.

Мы оправдали парня.

И вот еще одно дело. Дело о мошенничестве, которое было поучительно не столько для самого подсудимого, сколько для «пострадавших».

Мне иногда казалось, что в делах о мошенничестве часто сами пострадавшие пытаются также совершить преступление, но попадают в руки более опытного мошенника.

А дело было такое. Шел по Петровке гражданин Чалычава, уроженец города Зугдиди, как было написано в деле, без определенных занятий. Чем занимался он в Москве, было никому не известно. Но вот на Петровке встретил он двух знакомых студентов-заочников какого-то института, которые шли довольно грустные. А познакомился с ними Чалычава в каком-то ресторане.

— Почему грустные? — поинтересовался Чалычава.

«Студенты» ответствовали, что нужен ПАСК — лекарство для лечения туберкулеза. А заболела нежно любимая тетя в городе Кутаиси.

— Есть один человек в Министерстве здравоохранения, — сообщил Чалычава, — можно достать ПАСК, и стоит это будет тысячу рублей (деньги опять-таки «дореформенные»).

— А на десять тысяч ПАСКа ты не можешь достать? — поинтересовались «студенты», — ведь не одна тетя больна туберкулезом. Мы найдем еще несколько человек, которым нужен ПАСК.

Чалычава согласился. На следующий день в вестибюле Министерства здравоохранения, которое находится в Рахмановском переулке, «студенты» передали Чалычаве десять тысяч рублей. Он вручил им кепку, чтобы не раздеваться в гардеробе, поднялся на второй или третий этаж и выскочил на Неглинную улицу другим выходом. «Студенты», подождав шесть часов, обратились в милицию. Был объявлен розыск.

Чалычаву задержали через несколько дней за то, что он около ресторана плевал в ветровое стекло какой-то зарубежной машины. Хотели дать ему пятнадцать суток, но сыграл свою роль всесоюзный розыск, его узнали, и он предстал перед судом.

Чалычава знал, что ему грозит наказание в виде двух лет тюрьмы. Ни больше и ни меньше. Такова была статья закона, и все было доказано. Но когда шел допрос подсудимого, то хохотали и присутствующие в суде, и сам подсудимый. Да и мы, народные заседатели и судья, с трудом сдерживали улыбку. Мрачными были только пострадавшие. Они понимали, что с Чалычавы уже немного возьмешь.

— Вы действительно могли достать ПАСК? — спросил судья у Чалычавы.

— Был один человек в министерстве,— ответил тот.

— А как его зовут? — поинтересовался судья.

— Он записан в моей записной книжке,— ответил Чалычава.

— А записную книжку вы, должно быть, потеряли? — посочувствовал судья.

— Ай, какой умный судья! — восторженно сказал Чалычава.— Как ты догадался?

Последнее слово подсудимого было просто-напросто восхитительным.

— Я уверен,— сказал он,— что наш уважаемый народный суд, во главе которого замечательный судья, которого я не могу уже называть товарищем, а называю гражданином, и выдающиеся народные заседатели назначат мне справедливое наказание, потому что...— тут он посмотрел на пострадавших,— потому что дураков учить надо.

Так вот, весь судебный процесс Лев Евгеньевич Алмазов вежливо и убедительно показывал, что «пострадавшие» волновались не столько за тетю, которая была больна в Кутаиси, сколько за те деньги, которые они не смогли заработать на этом самом ПАСКе.

Много дел провел я вместе с Львом Евгеньевичем Алмазовым. С тех пор лет прошло не мало.

За мою не слишком уж короткую жизнь я встречал многих людей, у которых многому и многому учился. У одних учился мастерству, у других — правильному поведению, в жизни и на сцене, у третьих — доброте. А у Льва Евгеньевича Алмазова я научился уважительному отношению к закону и волнению за судьбы людей, и эти мои записи — дань уважения и любви к Льву Евгеньевичу Алмазову, ныне председателю Московского городского суда.

Почему же мои записки называются «Я играл этого человека»? А вот почему. В программе «Дела семейные» в пьесе Бориса Ласкина «Слушается дело о разводе» главные роли играли Мария Владимировна Миронова и Александр Семенович Менакер. А я играл роль народного судьи. И я попытался в этом образе передать все то лучшее, что увидел, работая с Львом Евгеньевичем Алмазовым, передать дорогие для меня его черты, не внешние, конечно, а его ум, человечность и манеру его поведения в процессе.

Удалось мне это или нет — я не знаю. Но пытался. А если хотите проверить меня, то есть долгоиграющая пластинка, на которой записан весь наш спектакль. Послушайте... Может быть, и получилось.

**В комиссиях
законодательных
предположений**

**УЛУЧШАТЬ
ОХРАНУ
ТРУДА
ЖЕНЩИН**

В нашей стране большое внимание уделяется охране труда женщин. Советское трудовое законодательство содержит нормы, определяющие условия работы женщин и специальные льготы для них. В частности, запрещено привлекать к сверхурочным работам, к работам в ночное время и в выходные дни, направлять в командировки беременных женщин, матерей, кормящих грудью, а также женщин, имеющих детей в возрасте до одного года. Женщин, у которых есть дети в возрасте от года до 8 лет, нельзя привлекать к сверхурочным работам или направлять в командировки без их согласия. Есть и другие правила, касающиеся женского труда.

Как практически выполняются все эти нормы и правила?..

Комиссии законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР 28 марта этого года на совместном заседании рассмотрели вопрос о применении законодательства об охране труда женщин на предприятиях некоторых отраслей промышленности.

Доклад сделал член Комиссии законодательных предположений Совета Национальностей М. М. Ибрагимов. Комиссии заслушали также сообщения министра промышленности строительных материалов СССР И. А. Гришманова, министра целлюлозно-бумажной промышленности СССР К. И. Галаншина, министра легкой промышленности СССР Н. Н. Тарасова, первого заместителя министра химической промышленности СССР Л. И. Осипенко.

В прениях выступили депутаты В. И. Прохоров, Л. Ф. Бажукова, М. Г. Феоктистова, З. Т. Кулиева, а также заместитель председателя Комитета народного контроля СССР В. И. Залужный.

На заседании выступил председатель Комиссии законодательных предположений Совета Союза И. В. Капитонов.

Выступавшие отметили, что на большинстве предприятий указанных министерств законодательство об охране труда женщин в основном соблюдается. Принимаются меры по дальнейшему облегчению и оздоровлению женского труда. Проведение в жизнь Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, республиканских кодексов законов о труде, усиление пропаганды трудового законодательства в коллективах предприятий — все это способст-

ует дальнейшему укреплению государственной и трудовой дисциплины и улучшению условий работы женщин.

Министерства промышленности строительных материалов, химической, целлюлозно-бумажной и легкой промышленности проводят работу, направленную на облегчение труда женщин и выполнение требований законодательства.

Значительную работу по контролю за соблюдением законодательства об охране труда женщин проводят местные Советы и профессиональные союзы.

Однако на предприятиях министерств, о которых идет речь, еще есть серьезные недостатки в соблюдении законодательства об охране труда женщин. Об этом говорится в решении, принятом Комиссиями законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

На отдельных предприятиях бывают нарушения норм, запрещающих привлекать к сверхурочным работам, к работам в ночное время и в выходные дни беременных женщин, матерей, кормящих грудью, а также женщин, имеющих детей в возрасте до года. Редко, но все еще встречаются случаи, когда беременным женщинам незаконно отказывают в переводе на более легкую работу.

Руководители ряда предприятий мало заботятся о привлечении на производство женщин, которые имеют возможность работать неполный рабочий день или неполную рабочую неделю.

В решении Комиссий законодательных предположений

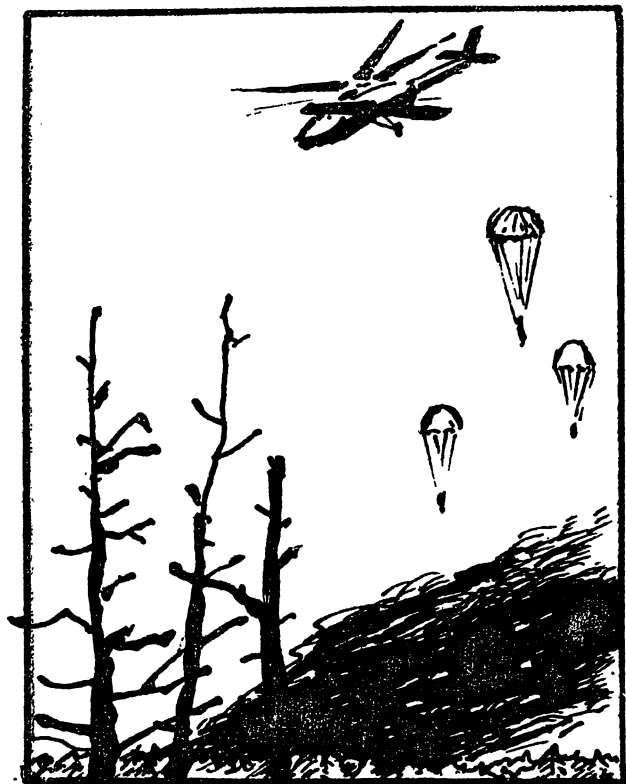
даны конкретные рекомендации министерствам, сообщения которых были заслушаны.

Кроме того, Прокуратуре СССР рекомендовано усилить надзор за соблюдением законодательства об охране труда женщин, обратив особое внимание на выполнение норм закона о приеме, увольнении, переводе на другую работу, командировках, режиме рабочего времени и отдыха беременных женщин и матерей, имеющих малолетних детей.

Высказаны также рекомендации Верховному Суду СССР и Министерству юстиции СССР: принять меры к улучшению деятельности судебных органов по рассмотрению трудовых дел; систематически обобщать судебную практику по делам, связанным с нарушениями трудового законодательства.

Сделаны некоторые рекомендации и ряду других министерств и ведомств.

В заседании комиссий приняли участие заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР А.-М. Клычев, Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Я. С. Насриддинова, Генеральный Прокурор СССР Р. А. Руденко, министр юстиции СССР В. И. Теребилов, Председатель Верховного Суда СССР Л. Н. Смирнов, заместитель председателя Госплана СССР М. Е. Раковский, заместитель председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы В. П. Барыбин, председатель Комитета советских женщин В. В. Николаева-Терешкова и другие ответственные работники.

ПОЖАР В ТАЙГЕ

«...Все массовые случаи лесных пожаров, а также отдельные крупные лесные пожары рассматривать как чрезвычайные происшествия...»

(Из Постановления Совета Министров РСФСР от 9 июня 1959 года «Об усилении борьбы с лесными пожарами»)

В начале июля 1971 года летчик-наблюдатель, совершавший плановый облет таежного массива на севере Иркутской области, заметил густой столб дыма. Тотчас же он сообщил на базу, руководителям района. На место был сброшен десант парашютистов-пожарников.

Но пожар быстро набрал силу, и на борьбу с ним ушло много дней, усилия сотен людей: парашютистов-пожарных, работников милиции, рабочих экс-

педиции, всех жителей района, добровольцами отправившихся на борьбу со стихией. Страшные бедствия принес огонь: сгорели тысячи гектаров тайги, уничтожены были гнездовья птиц, места обитания ценных лесных животных, нарушены водные режимы рек. На борьбу с Чонским пожаром № 12 (как и каждому большому пожару, ему было присвоено имя и дан номер) затрачены были большие государственные средства.

Одним из первых на место происшествия прибыл следователь, чтобы сразу, «по горячим следам» определить, была ли чья-либо вина в возникновении пожара. И если была — то чья? Скоро удалось выявить виновных: рабочего геодезической партии Токарева, оставившего в тайге на ночь костер, и бригадира Елфимова, знавшего и по существу санкционировавшего это преступное деяние.

Следствие было проведено быстро, и уже через месяц (пока пожар еще полыхал) состоялся суд. Признав Токарева виновным в преступлении, предусмотренном статьей 99 Уголовного кодекса РСФСР (то есть в неосторожном уничтожении или повреждении государственного или общественного имущества), суд приговорил его к трем годам лишения свободы. За халатность Елфимову (статья 172 Уголовного кодекса РСФСР) была определена мера наказания в два года лишения свободы.

Но, признав свою вину, и тот и другой не согласились с приговором и обратились в областной суд с кассационными жалобами. Токарев отмечал, что он был «не в курсе дела, что нельзя огонь оставлять в яме, что он всегда так делал, что его так учили». Елфимов оспаривал утверждение суда, что «их» пожар не могли потушить более месяца, пытался доказывать: «Мы зажгли лес шестого июля, а девятого этот пожар уже был ликвидирован». Обратилась в областной суд и геодезическая экспедиция, возмущенная величиной иска, предъявленного ей, — около трех миллионов рублей. Руководители экспедиции аргументировали несогласие тем, что, по их мнению, пожар, возникший по вине сотрудников экспедиции, действовал три-четыре дня, что не было проведено экспертизы, что ущерб исчислен неправильно. Областной суд отменил приговор и отправил дело на доследование в следственный отдел УВД.

Два дня, приняв к производству дело, следователь Николай Иванович Метелкин ознакомился с ним. Протоколы допросов, свидетельские показания, карты, схемы выгоревшего леса, цифры нанесенного ущерба. Все это в деле, все вроде бы ясно. И почти все оспаривается экспедицией.

Первые следы пожара увидел Метелкин еще по дороге на место происшествия, когда летел в самый северный район Иркутской об-

ласти — в Катангский. Следователь сразу и не понял, что насторожило его, когда он снова приник лицом к иллюминатору. Вроде бы тайга была такая же, какую видел он ее всего каких-то десять минут назад. И день был тем же, солнечным и ярким, и небо до неправдоподобности голубым. Все было прежним, и только на горизонте в блистательно белые снега, в живую плоть тайги медленно вторгались палевые, рыжие и даже золотые (так показалось Метелкину) замывы.

Они были даже красивы издали, эти замывы. Но чем ближе подходил к ним самолет, чем яснее обозначались их контуры, тем тревожнее становилось на сердце. Впереди, растекаясь на десятки километров, ползла по тайге ржавчина. Ржа разъедала живую плоть дерева совсем так же, как разъедает она железо. Громадным ржавым пятном на живом теле земли предстала перед глазами следователя гарь Чонского пожара.

— Вот, гляньте, сколь погублено тайги-то. Ой-е-ей, сколько! — сказал кто-то рядом.

И Метелкин понял, что эти слова не забыть ему теперь никогда.

Как же все было? Шаг за шагом следователь добирался до истины, воссоздавая картину пожара.

«...Мы прибыли на берег Чоны в начале июля,— писал в своих показаниях обвиняемый Токарев,— разбили лагерь, стали готовиться ставить геодезическую вышку. Пятого числа бригадир Елфимов послал меня рыть яму для ориентировочного знака. Я уж по ним специалист стал. Отошел на 250 метров, выбрал место. Пошел за Елфимовым: «Проверьте. Так? Не так?» Он пошел, проверил, сказал: «Правильно». Я стал копать. Метра полтора выкопал, а там вечная мерзлота начинается. Ну, я, как всегда мы делали, разжег костер, чтоб лед подтаять, а сам за просеку принялся. Да, прежде сел передохнуть, покурить. Сигарету загасил, чтоб искорки не было. Сушь стояла в ту пору страшная. А тут повар стал кричать на ужин. Я пошел. Елфимову доложил, все сказал: мол, вырыл на полтора метра, костер разложил в яме. Он сказал: «Правильно». После ужина легли спать. Наутро я хотел идти к яме, но Елфимов приказал: «Тут всем работать». Я ему напомнил: «Костер там прогорит. Надо будет дальше копать». Он ответил: «Знаю, где копать». А часа через два шофер как закричит: «Братцы! Горим!» Дым поднимался в той стороне, где я вчера был. Мы все побежали, а там уж...»

Огонь слабыми, тщедушными ручейками полз по вершинке сопки, неуклюже взбираясь на малые деревца и кустарники, вдруг быстро взметывался и тут же опадал и снова вился змейкой по земле, перебираясь с одной сушинки на другую. Вершина сопки

чуть-чуть курилась, и огонь совсем был не страшный и ленивый. Замяв несколько змеек, Токарев остановился, не зная, что делать и к чему приложить топор, который держал наготове. Далеко внизу ломились через тайгу его товарищи, и в полгора уже гасил парашюг первый приземлившийся пожарник. Совсем успокоившись, Токарев принялся топтать огонь ногами. Потом, срубив тяжелую густую ветку ели, принялся и ею охаживать квелье струйки огня, все дальше и дальше уходя по вершине к месту своего пожига. Рядом кто-то тоже топтал и охаживал веткой огонь и кто-то кричал: «С лопатами давай сюда! С лопатами!»

Токарев уже было подался на голос, хотя в руках у него, кроме еловой ветки и топора, ничего не было, но вдруг увидел скрытый доселе от него склон сопки, а увидев, отпрянул, пораженный страхом. Там, по склону, клубясь и взрываясь густыми клубами дыма, катил отчаянно рыжий вал огня. Этот вал вздымался к небу, разом опал, но не сникал, а, окрепнув, еще больше выплевывал грибовидные столбы дегтярно-черного дыма и уходил все ниже и ниже к густым борам в подножье сопки.

Токарев увидел, как наперерез этому огненному валу по чистому брусничнику спешат крохотные фигурки парашютистов, беспомощно слабые перед огненной стихией, туда же, к брусничнику, спешили и рабочие бригады, что-то крича и махая руками. Токарев тоже побежал туда, на мгновенье остановившись перед выкопанной им ямой, в которой кроваво алели уголья.

Но особенно полно и объемно воссоздал следователю картину пожара секретарь райкома партии Георгий Павлович Масягин.

Метелкин уже был наслышан об этом человеке, о его поистине героической работе во время пожара. Буквально каждый, рассказывая о пожаре, упоминал о секретаре райкома. «Награжден медалью за отвагу на пожаре,— говорил один.— Да и кого же, как не Георгия Павловича, награждать-то? Ведь он, считай, за этот месяц дома и дня не был. Все на пожаре да на пожаре». Другой отмечал: «В тяжелые дни Масягин сумел объединить людей, сумел так организовать дело, что ни один человек на пожаре не пострадал. Ни одной жертвы! А это, поверьте, было непросто». «Наш секретарь работал на самых опасных участках пожара»,— с уважением вспоминал третий.

Георгий Павлович рассказывал Метелкину подробно, понимая, что следователю необходимо не просто определить, кто виноват в возникновении пожара, но и восстановить происходившее в малейших деталях.

— Я получил сообщение о пожаре днем и вылетел на происшествие. Подлетели к реке Чоне, смотрю — мать честная! — с правой стороны, за Чоной, прямо густой такой дымище, ну, думаю, конец. Срочно возвратились в Ербогачен, за ночь народ весь на Чону перебросили. Огонь распространялся быстро. Пятнадцать километров в час и даже больше. Я тут же распорядился узнать: кто где есть в тайге. Ведь застигни огонь человека — не убежать.

...Несколько суток люди без сна и отдыха боролись с огненным валом. И все-таки затихший на ночь, будто выбившийся из сил пожар утром, потаенно обойдя просеки и минполосы, перекинулся через Чону, широко разлился по тайге и двинулся в сторону райцентра.

К этому времени Масыгин уже дважды выступил по районному радио, призвав все население райцентра выйти на борьбу со стихией. И даже мальчишки и девчонки, стайками табунившиеся на улицах, спрашивали у каждого: «А где тут на пожар записывают?»

Создан был штаб борьбы с пожаром. На первом же заседании штаба Масыгин строго распределил роли: кому где из руководителей быть, кому за что отвечать. Организовав защиту районного центра, сам вылетел на передовую линию огня.

Вертолет приземлился на лысоватой сопке.

Отсюда, с лысины, было хорошо видно окрестность. То, что он увидел, даже его, привыкшего с детства ничему не удивляться в тайге, бросило в дрожь. Где-то еще далеко, там, где остались рабочие экспедиции и парашютисты, густо валил дым, подкрашенный кровавыми замывами огня, но этот вал дыма и пламени не был вытянут в какую-то определенно очерченную границу. Огонь далеко опередил этот вал, ручьями и реками втекал в тайгу и закольцовывал ее новыми очагами пожара. Две такие реки текли к подножью той сопки, на которой находился сейчас Масыгин. Еще час-полтора — и они сомкнутся, отрезав путь к реке.

В тайге властвовала сила огня. Эта сила то рождала огненные смерчи, которые, ломая ветви, волчками ходили меж деревьев, то стелила под ноги дым и, словно бы отдуваясь, стонала обочь тропы. Ветер дул то с юга, то с севера, то нагонял уже лишнюю дыма жестокогорячую волну, то вовсе затихал, как будто предоставлял возможность человеку услышать все приближающийся и приближающийся рев пожара.

Где-то впереди тяжело ухнуло, и гром, прокатившись вокруг, перешел в хорошо знакомый рев. Небо над ним было черным, он только теперь заметил это. Пепел плыл по небу, вздымаясь и опадая, и в этом черном облаке, накоротке, загорались кроваво-красные искры.

Пожар через несколько дней перебросился через Чону и шел с большой скоростью к Нижней Тунгуске. Правый его край при таком течении должен был захватить Ербогачен. А если изменится ветер? То уже не край пожарища, а весь бушующий, только чуть-чуть замирающий на ночь вал огня обрушится на райцентр.

Ветер менялся к худшему. Об этом сказал Масыгину командир вертолета.

— Будем встречать огонь на дальних подступах, надо срочно пересмотреть линию обороны.

— ..Сколько же опасных моментов было,— Масыгин со вздохом вскинул глаза на следователя.— Каждый день. Да что там каждый день — каждую секунду. Чуть задержали огонь, а тут новое сообщение — загорелось внизу по течению реки километров за пятнадцать. Там марь, но дальше невысокий хребет, а на нем сосняк отличный. Бросили людей туда, а он все распространяется, верхом пошел. Народ собрался как на войну. Два трактора пустили. Люди наши... просто замечательный народ. Все бегут: где записывают, где записывают? Даже женщины. Я говорю им: «На вертолетах мужчин будем перебрасывать». А они говорят: «Мы пойдем тоже, пойдем пешком, что мы, хуже вас?»

На ручье Юктукон самое страшное было. Ну, ночь прогасили, утром смотрю: перебросило через нашу минполосу и полыхает. А туда женщины пошли. Мать честная, отбой давать надо. Куда же они в этот дым, в огонь? Приказали отходить по дороге, она еще не окружена была, но с обеих сторон уже полыхало.

А огонь уж подступал к Ербогачену. Остановить его можно было только одним: сделать отжиг, пустить встречный пал. Собрал я всех на аэродроме.

...Люди, уставшие, грязные, в рваной и прожженной одежде, истомленные долгой борьбой со стихией, собравшись вместе, тесно встав плечом к плечу в шеренги, строгие и молчаливые, чего-то ждали сейчас, готовые пойти в огонь и в самое жаркое пекло, но не отступить, не сдаться. В молчаливом ожидании стояли люди, и Масыгин — нет, не понял — просто почувствовал, чего ждут они. И он, выйдя вперед, встал перед ними, открытый всем глазам и взорам, невысокого роста, лысеющий седой человек, в засаленной, измазанной сажей и кое-где прожженной брезентовой куртке, неуклюжий немного, не очень большой и оратор, он поднял руку и вдруг сказал неожиданно:

— Спасибо вам, товарищи,— замолчал ненадолго, и каждый понял это «спасибо» как благодарность за то, что долгими днями и короткими ночами защищал свой дом, свою таежную родину, свою

тайгу от великой напасти, благодарность не от этого вот хорошо знакомого им человека, а от кого-то другого, и даже не от человека, нет, от духа, что ли, от силы, способной противостоять любой напасти.— Спасибо вам, товарищи...

А потом, словно стряхнув с себя усталость, начал энергично:

— Теперь так: десятки расходятся по просеке, вдоль всего фронта. Бочки с водой готовы. На каждый участок будут и еще воду подвозить и лошадьми, и машинами, и вертолетами. Воду не жалеть! Каждая десятка берет с собой солярку. Сейчас пожар по низу идет, самое время пускать пал. Всем на дальние фланги. Сигнал к отжигу — три красных ракеты и сирены.

Обвязав лица, руки всем, что подали им, трактористы вели машины вдоль бушующего огненного фронта. Бензобаки закрыты мокрой хвоей, запеленаты стеганками, пиджаками, донельзя накалились ручки управления.

Масягин надел поданную кем-то телогрейку, шапку, пошел, прикрывая лицо от нестерпимого жара, к тракторам и, поравнявшись с ведущим, зашагал рядом.

Двести, сто, пятьдесят метров остается до конца последней борозды. Сухим огнем занимаются чуть согнутые спины трактористов, на Масягине тлеет телогрейка. «Только бы не взорвались бензобаки, только бы дойти...»

Двадцать пять метров, десять, пять...

Трактора облегченно загудели, вырвав из целины лемеха плугов, покатались по вспаханному полю, все дальше и дальше, прочь от огня...

— Георгий Павлович, сбрось-ка стержанку... Горишь...

Кто-то стянул с него телогрейку, бросил оземь шапку, принялся их топтать. Только сейчас почувствовал Масягин нестерпимый жар.

— Фу ты, черт, жарит-то как...

Жадно выпил поднесенную кружку воды. Настоявшаяся в жаре вода показалась ему родниковохолодной, так что зубы заломило.

— Ну, теперь, товарищи, окарауливать. Ни огонька за полосу. Иначе сгорим.

Словно рев десятков разом запущенных реактивных турбин потряс землю. Взмыл к небу громадный столб пламени. С корнем вырвало и, закружив юлой, бросило высоко к черным облакам дыма пылающую факелом сосну. Раскололся старый голец, камни брызнули в стороны, рая и легко расщепляя вспухшие черные стволы деревьев. Сшиблись два огня, два огненных вала, два зверя.

На миг в этом кромешном реве, в этом урагане словно бы родилось второе солнце, разом лишив все вокруг красок. Только бе-

лая пустота, белое зияющее жерло огня. Пустота в мире. Все сгорело в этом белом жерле. А потом — мрак!

Утром было получено известие: огонь, пройдя по берегу за реку километров на двадцать, завяз там в сырых куговинах и сник. На всей территории района пожар был локализован, а через два дня ликвидирован.

Обычно в каждом деле самое трудное — выявить виновных. Здесь было иначе: Токарев и Елфимов ни разу не отступили от своего: «Да, виновен».

В следственный изолятор, где содержались заключенные, следователь приехал с утра, приготовившись к разговору. В комнату для допросов первым доставили Токарева. Следователь взглянул на человека, сидевшего, понуро повесив голову. Сквозь уже отросшую щетину волос на голове обнаженно, незащищенно просвечивала желтоватая кожа.

— Но я же не знал! — вдруг страстно заговорил Токарев. — Вы можете мне не поверить... но я не знал. Только и слышал: «Быстрее, быстрее копай. Копай, а то премии лишимся». А как вечную мерзлоту быстрее копать, когда под рукой только лопата? Вот начальнику партии подумать бы о технике, а то чуть не допотопным способом работаем. Но о технике никто и не заикался: зачем лишние расходы... Попал я в переплет. Куда ни брось — злодей, а у меня и выхода-то не было. Ну, рассудите — времени нам на летние работы Севером отпущено немного, грунт тяжелый, техники нет.

— Ну, хотя бы дежурных оставляли...

— Дежурных... А люди где? Набирать-то стараются поменьше, чтобы сэкономить. Экономили на копейку, а пожгли — ох, ох-ох!

Елфимов, вызванный следом, держался твердо. Он сидел чуть набычившись, на каждый вопрос следователя вскидывал глаза, долго не отводил взгляда. Повторял то, что написал в жалобе: пожар ликвидирован к 9 июля; с суммой ущерба не согласен; 52 тысячи — согласен, но не больше, не миллионы. Он твердо отстаивал «честь мундира» экспедиции.

Метелкин быстро писал протокол, потом задал вопрос:

— Расскажите, почему вы вообще допускали порочный стиль работы, пользуясь методом отжига при рытье ям? Вы же знали, что в пожароопасный период разведение огня в тайге разрешается при строгом соблюдении определенных правил?

Елфимов замялся, поняв, что сейчас придется выбирать между собственными интересами и интересами «мундира». Заговорил нерешительно:

- Я не знал... Меня не предупреждали.
- Но вы знакомы с техникой пожарной безопасности?
- В общем, да.
- Точнее?
- Не очень подробно.
- Вы, двенадцать лет проработавший в геодезической экспедиции, не знали правил обращения с огнем в тайге?
- Оказывается, знал не совсем точно.
- Еще вопрос, Елфимов: почему вы так упорно отрицаете левобережный пожар? Ведь от малого пожара по правому берегу Чоны вы не отрещиваетесь? Так?
- Наш он, что там говорить.
- Значит, для привлечения вас к ответственности по статье 172 Уголовного кодекса РСФСР есть уже достаточные основания. Вы это понимаете?
- Да,— кивнул Елфимов.
- А я вот не понимаю, как можете вы столь определенно говорить об обстоятельствах, при которых не присутствовали. Вы же не видели ни того, как перекинулся огонь на левый берег реки, ни той работы, что была проведена по тушению пожара, ни даже его окончания. Ведь в это время вы уже были доставлены в Ербогачен к следователю.

Елфимов молчал.

Метелкин долго смотрел на его опущенную голову, на сильные плечи, которые сейчас были безвольно опущены, и вдруг задал тот, главный вопрос:

— Скажите, Елфимов, почему горит тайга?

Елфимов опустил голову и промолчал.

Больше всего сил, времени, энергии потребовала от следователя Метелкина проверка тех утверждений, что выдвигали руководители экспедиции. Часть из них была в жалобе, направленной в областной суд. Основное и первое: «наш» пожар был вскоре потушен, мы имеем отношение лишь к пожару по правому берегу реки Чоны, а на левый берег он перекинулся оттого, что парашютисты неумело, неграмотно пустили пал.

Свое утверждение руководители подкрепили и документами — в деле имелись две справки. Несколько жителей Ербогачена, тушившие пожар, писали в первой, что «12/VII пожар, в основном, был ликвидирован, оставалось вести контроль за кромками. В результате обходов возникновения огня не обнаруживалось. 14 июля, находясь

на таборе, нами было замечено возникновение пожара на западной кромке».

Вторая указывала на тех, кто «раздул» затухший пожар: «13/VII видим: в излучине реки горит лес и одновременно садится вертолет прямо на речку и высаживает работников авиационно-пожарной команды и парашютистов... На вопрос они ответили: «Летнаб сказал нам: зажечь этот лес в излучине реки, чтоб он выгорел». А ихние работники уже идут и зажигают от речки. Мы пошли обратно на табор. 14 июля прилетел вертолет МИ-4 и привез к табору бригаду, всех забрал, повез к речке, где раньше делали отжиг парашютисты: Там горело, но тушить уже было поздно. Огонь шел по обеим сторонам речки».

Но Метелкин решил сам удостовериться в правдивости свидетельств. И вот вызван первый из рабочих, подписавших справку,— Юрьев.

Он рассказывал многословно, но следователь не перебивал, стараясь не упустить ничего доселе ему не известного.

— Скажите, а встречный пал пускали?

— Да, встречный пал не раз делали,— осторожно ответил Юрьев.— Разве без пала-то огонь в такую сушь остановишь?

— Я имею в виду тот, что тринадцатого июля пускали парашютисты на правом берегу Чоны.

— Сам я пал не видел. Его на мыске пускали, а мы кромку обрабатывали. Но потом огонь перекинулся на левый берег.

— Вы видели, как перекинулся?

— Не. Чего не видел — того не видел.

— А вот экспедиция ссылается на ваши свидетельства, утверждает, что пожар по левому берегу возник по вине парашютистов.

— Как так? — Юрьев замер, даже шапку перестал мять.— Как это на наши свидетельства? Ничего такого я не говорил.

— А справку вы подписывали? Вот прочитайте,— Метелкин раскрыл том на закладке.

— И вправду знакомая бумага,— сказал свидетель.— Подписывал. Точно.— И добавил.— Мы возвратились с пожара числа двадцатого, на передышку нас привезли, а тут Арсентьев — это начальник партии — приходит, говорит, надо, мол, рабочих спасать, засудят ни за что, разве они, мол, виноваты, что сушь такая, а парашютистам, говорит, ничего не будет, ихняя работа такая... Ну, мы и подписали бумагу, что он принес.

И остальные вызванные подтвердили слова Юрьева.

Следователь не просто убедился, что справки сфабрикованы, а искал точные данные о том, как долго действовал Чонский пожар

№ 12. Иркутская авиабаза ответила на его запрос: «...Патрульным самолетом Ербогаченского оперативного отделения 6 июля 1971 года обнаружен лесной пожар номер 12 в 60 км восточнее Ербогачена на месте работы экспедиции. Были приняты меры по его тушению... но пожар к исходу дня распространился на площади 800 га, остановить его не удалось... Лишь 17 августа локализован выпавшими осадками, 18 августа ликвидирован на площади 26 800 га, 6500 га пройдено верховым.

Других пожаров в этот период времени в районе действия пожара № 12 не было».

Следователь не ограничился и этим документом, запросил ежедневные сводки Иркутской авиабазы и, идя от сводки к сводке, от радиограммы к радиограмме, уверился: пожар, возникший 6 июля, был погашен лишь 18 августа.

Следующим вопросом, на который Метелкин должен был получить определенный ответ, был вопрос о правомерности пала, что пускали 13 июля, пытаясь остановить пожар.

Николай Иванович отправил десятки отдельных требований в Улан-Удэ, Хабаровск, Москву, Читу, Усть-Кут, Ербогачен, Киренск, Бодайбо — откуда вылетали парашютисты на тушение Чонского пожара № 12. Задания местным следователям были обширные: вызывать и допросить в качестве свидетелей таких-то, таких-то парашютистов: когда они вылетели на пожар, сколько совершили прыжков и где, кто руководил их действиями, пускали ли они встречный пал, где и когда, кто был в охране, не было ли случая, чтобы пал пошел в сторону, противоположную пожару...

Ответы их, как камушки в мозаике, составили полную картину. Пожар к девятому был частично приостановлен, но поднявшийся на следующий день ветер вновь раздул его и погнал к реке Чоне. Возникла реальная угроза, что огонь перекинется через реку, и тогда уж на пути его не будет преграды вплоть до Нижней Тунгуски, на берегу которой раскинулся районный центр Ербогачен. На правом берегу Чоны уцелел участок строевого леса, загорись эти высокие деревья — и огонь легко перемахнет через Чону. Решено было пустить встречный пал, то есть, окопав намеченный участок да имея еще в тылу реку, поджечь его. По законам физики огонь устремится навстречу пожару, создающему над собой естественную тягу. Эту ответственную операцию поручено было проделать опытным парашютистам под руководством Торопова. Сутки работала большая группа специалистов и добровольцев, чтобы подготовиться к встречному палу. Огонь, сшибившись с огнем, замер. Люди дни и ночи «обрабатывали» кромку, то есть следили за тем, чтобы ни язычок

пламени, ни искра не прошли. Но 14 июля с самолета-наблюдателя был сброшен вымпел: «Срочно эвакуируйтесь! Огонь перешел на левый берег выше по течению реки».

И хотя в показаниях парашютистов, местных жителей, летчиков-наблюдателей не было расхождений, следователь отправил все документы для исследования пожарно-техническому эксперту. Применяется ли метод отжига для тушения лесных пожаров? Когда? Правильно ли действовала группа Торопова? Почему возник пожар на левом берегу Чоны?

Этот ответ Николай Иванович ждал особенно напряженно. Понимал, что решалась судьба людей, несших нелегкую огненную вахту в тяжелые дни бедствия. Решался вопрос, как их назвать: героями или, как старалось представить руководство экспедиции, преступниками. Когда пришел конверт со штампом Управления пожарной охраны, следователь нетерпеливо разорвал его, быстро пробежал глазами по строчкам: «...Применяется отжиг, и создание просеки с загородительной полосой на поверхности земли. Задача: локализовать действие пожара. Отжиг, или встречный пал,— наиболее эффективный способ для тушения пожаров, так как требует меньше сил и средств. Он основан на том, что верховой лесной пожар без поддержки низового не может распространяться по кромке деревьев на большие расстояния.

Учитывая эту особенность, для создания опорной полосы используют дороги, речки, просеки...

Парашютисты группы Торопова при отжиге действовали правильно.

Переход огня с правого берега Чоны на левый был возможен, так как во время верхового пожара искры и головни летят на расстояние в полкилометра, в некоторых случаях происходит возникновение новых очагов в 4—5 км от фронта пожара».

Тщательно подобрав все показания, заключение пожарно-технического эксперта, следователь Метелкин вечером составил постановление: «В возбуждении уголовного дела по факту неправильных действий парашютистов, производивших отжиг леса при тушении лесного пожара № 12, отказать ввиду отсутствия в их действиях состава преступления».

И последнее, что требовало проверки в процессе предварительного следствия: какова же сумма ущерба, причиненного таежным пожаром.

Руководители экспедиции определили эту сумму в 52 тысячи рублей. Следователь, готовя доказательства для суда, решил провести

комплексную экспертизу. Акт ее занял не одну страницу, а в выводах стояло:

«Общая сумма ущерба, причиненного Катангскому лесхозу в результате действия лесного пожара № 12, составляет 1 166 136 рублей.

Расходы авиабазы, связанные с тушением лесного пожара № 12, на основании соответствующей справки составляют 36 100 рублей».

Следствие подошло к концу, и Николай Иванович Метелкин мог определенно, аргументированно ответить на каждое положение кассационного определения, на каждое утверждение письма руководителей экспедиции, мог приступить к составлению обвинительного заключения по делу Токарева и Елфимова.

Расследование с полным основанием позволило утверждать, что рабочий Токарев «неосторожно уничтожил лесные массивы в результате небрежного обращения с огнем», а его бригадир Елфимов проявил халатность, выражаясь словами Уголовного кодекса, проявил «невыполнение или ненадлежащее выполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения, причинившее существенный вред государственным или общественным интересам».

Но только ли они были виноваты?

Метелкин проверил истинность утверждения Елфимова, что тот, мол, не знал о запрещении использования метода отжига для закладки фундамента. Уж очень неправдоподобно выглядело это утверждение: ведь в деле имелись справки, что рабочие бригады Елфимова с правилами пожарной безопасности ознакомлены, а правилами запрещается «в пожароопасный сезон, то есть в период с момента схода снегового покрова в лесу до наступления устойчивой дождливой осенней погоды или образования снегового покрова, разводить костры в хвойных молодняках, старых горельниках, на участках поврежденного леса (ветровал и бурелом), торфяниках, лесосеках с оставленными порубочными остатками и заготовленной древесиной, в местах с подсохшей травой, а также под кронами деревьев. В остальных местах разведение костров допускается на площадках, окаймленных минерализованной (то есть очищенной до минерального слоя почвы) полосой шириной не менее 0,5 метра. По миновании надобности костер должен быть тщательно засыпан землей или залит водой до полного прекращения тления...». При допросе начальника экспедиции Лысенко, заместителя главного инженера Завидовского, начальника партии Арсентьева (людей, непосредственно

отвечающих за соблюдение правил безопасности) следователь задавал каждому и такой вопрос: можно ли пользоваться методом отжига для оттаивания мерзлоты? Их ответы были разными. И следователь их тщательно зафиксировал в протоколах:

— О том, что в пожароопасный период разрешается разрабатывать шурфы огневым способом, не может быть и речи,— ответил Лысенко.— Никто из руководителей этого никогда не предписывает. Разумеется, такая работа — преступление.

Арсентьев сказал более уклончиво:

— Ну... надо соблюдать технику безопасности... Не оставлять костров без присмотра, при уходе их тщательно тушить. Бригадир должен организовать дежурство, а при необходимости — и смены дежурств. Кстати, я так и инструктировал Елфимова и рабочих.

— Это все?

— Думается, достаточно.

Завидовский отвечал со снисходительной улыбкой:

— Огневой способ не является запрещенным, если соблюдаются все правила предосторожности.

— Перечислите, пожалуйста, их,— предложил следователь.

— Надо выбрать место, очистить его, проверить, нет ли рядом гнилых деревьев, желательнее, чтобы близко была вода. Необходимо постоянное наблюдение.

Получалось, что руководители, в первую очередь отвечающие за технику безопасности, за пожарную безопасность, не знают точно, как следует работать в лесу в пожароопасный период. Так чего же ждать от рабочих, ими инструктируемых?

Или не инструктируемых?

...Правила, законы, предписания не терпят отступлений. Иначе — беда.

«Да полноте! Не запугивайте»,— так и звучало в каждом слове руководителей экспедиции, когда мы беседовали на эту тему.

— Пожар — чистая случайность,— сказал, как отрубил, Лысенко,— ну, один раз в одной бригаде чуть отступили от правил.

Один раз?

На очной ставке Токарева и Елфимова между ними состоялся примечательный диалог.

«Токарев. Петр Александрович, я в вашей бригаде работаю два сезона. В прошлом году я выкопал 14 ям, в этом — 8. Правильно?

Елфимов. Правильно.

Токарев. Я ведь всегда копал после отжига. Всегда оставлял на ночь костер. Вы всегда были в курсе дела. Вы меня так учили. И все так действуют.

Елфимов. Да. Я сам был уверен, что это правильно. Я думал, что, как и всегда, пожара не возникнет».

Уверен... Думал... Двадцать два раза Токарев под руководством Елфимова играл в опасную игру с огнем. А зачем было играть с пожаром в пятнашки, когда Правила пожарной безопасности в лесах СССР, утвержденные Советом Министров СССР, подробно и точно излагают, как же нужно обращаться с огнем?

За последние два года только в бригаде Елфимова двадцать два раза мог вспыхнуть пожар. Он вспыхнул на двадцать третий раз. Но двадцать два раза случайно не загоралась тайга. Случайно не загоралась! Потому что уж коль скоро Правила предупреждают: не бросайте в лесу горящих спичек и окурков, не вытряхивайте из курительных трубок горячую золу (есть там и такой пункт!),— что уж тут говорить о поlyingающем костре, оставленном в безлюдном месте без всякого присмотра! Двадцать два раза за два года! А Елфимов проработал в экспедиции двенадцать лет.

— И вы думаете, что руководители экспедиции были не в курсе дела, каким образом ставятся геодезические знаки, думаете, не знали, что применяется отжиг? — с гневом говорил нам Георгий Павлович Масыгин.— Прекрасно знали! Когда экспедиция приехала на работу в наш район, руководитель, как положено (формальности-то они все выполняют!), зашел для регистрации в исполком. Я как раз был там, стали говорить об особенностях края. Предупредил, что у нас вечная мерзлота подходит близко к поверхности. Грунт тяжелый. Считаю, сплошной ледяной монолит. Спрашиваю: «Чем будете долбить? Техника имеется?» Тот улыбнулся: «Лопаты, кайла». «Как же сможете план выполнить (я уж посмотрел, что задание у них большое)?» Он эдак спокойно: «Мы каждую бригаду усилили. Добавили по два человека». — «Да разве это усиление?» Значит, они, как и в прошлые годы, заранее знали, что будут рабочие огонь разводить, лед оттаивать. Да. Только скрывали.

...Конечно, вина тех, кто непосредственно раздул огонь, неоспорима. Но разве менее виноваты руководители, которые знали о порочных методах, применяемых в их бригадах, и ничего не сделали, чтобы перестроить работу? Теперь они каются, утверждают, что на ошибках выучились. Но допустима ли столь высокая «плата за обучение»?

Да и искренне ли их раскаяние? Дали ли они принципиальную оценку свершившемуся?

Нет.

Наоборот. На суд экспедиция выделила общественного защитника, а не обвинителя. И это по делу, причинившему миллионный

ущерб (не говоря о других бедах)! Но ярче всего позиция экспедиции проявилась в той характеристике, что направлена была в суд:

«...Администрация, партийная организация и местный комитет экспедиции просят при разборе дела техника Елфимова П. А. учесть следующее: техник Елфимов П. А. работал при постройке геознаков в течение 12 лет, не имея замечаний по нарушению правил техники безопасности, в частности нарушений пожарной безопасности, что случай, происшедший в его бригаде, единственный; ранее, на протяжении нескольких лет, бригада, руководимая Елфимовым П. А., отмечалась как одна из лучших бригад. За добросовестное отношение к порученному заданию Елфимов П. А. награждался почетными грамотами, благодарностями... Коллектив экспедиции просит передать его на поруки.

Начальник экспедиции Лысенко А. В.

Секретарь партийной организации Соколов Ю. Е.

Председатель МК профсоюза Трофимов Г. Ф.».

Так товарищи Лысенко, Соколов, Трофимов вместо того, чтобы строго разобраться в причинах, приведших к чрезвычайному происшествию, изо всех сил старались выгородить преступников.

Страшное дело, когда в тайгу идут равнодушные люди. Беда неминуема. Чуть позже, чуть раньше, но неминуема.

ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ

Советские люди кровно заинтересованы в охране социалистической собственности. Статья 131 Конституции СССР обязывает каждого гражданина СССР беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность — священную и неприкосновенную основу советского строя, источник богатства и могущества Родины, источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Общепризнанным достоянием являются и наши лесные богатства. В. И. Ленин придавал

большое значение заботе о природных ресурсах. Он рассматривал охрану природы как дело большой государственной важности. Когда в парне санатория в Горках по распоряжению заведующего санаторием Вевера срубили совершенно здоровую ель, Ленин, узнав об этом, тут же написал своей рукой «Постановление о наложении взыскания на заведующего санаторием «Горки» Э. Я. Вевера». В постановлении мы читаем: «За допущение такой порчи советского имущества предписываю подвергнуть

т. Вевера, заведующего санаторием при советском имении Горки, аресту на 1 месяц».

Коммунистическая партия и Советское правительство проявляют неустанную заботу об охране природных богатств и рациональном использовании естественных ресурсов. Достаточно напомнить, что во всех союзных республиках приняты «Законы об охране природы». 20 сентября 1972 года Верховный Совет СССР принял Постановление «О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов».

В очерке Т. Копыловой и Ю. Сбитнева «Пожар в тайге» убедительно показано, какой огромный вред может причинить преступная небрежность отдельных людей народному достоянию — лесу. А чем можно измерить тот ущерб, который наносится красоте нашей природы, если на месте величественного леса, нашей гордости и богатства, мы видим, говоря словами авторов очерка, «громадное ржавое пятно на живом теле земли...»?

Одно из средств охраны народного добра, в том числе и лесных богатств страны, — уголовный закон. Посягательства на социалистическую собственность, которые закон признает преступными, выражаются не только в различного рода хищениях. Преступлениями признается и уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества.

Непосредственной причиной пожара, о котором идет речь в очерке, явилась неосторожность рабочего Токарева, который оставил на ночь костер, разведенный им в яме. Пре-

ступна ли эта неосторожность? Да, она является преступлением против социалистической собственности.

Обратимся к закону. В статье 99 Уголовного кодекса РСФСР (а такие статьи есть и в уголовных кодексах других союзных республик) говорится: «Неосторожное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества, повлекшее человеческие жертвы или иные тяжкие последствия, а также уничтожение или существенное повреждение лесных массивов в результате небрежного обращения с огнем или источниками повышенной опасности, — наказывается лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года».

Таким образом, статья 99 Уголовного кодекса РСФСР предусматривает ответственность за неосторожное преступление. Как видно из текста закона, Токарев должен отвечать за это преступление, ибо пожар произошел в результате его небрежного обращения с огнем.

«Но ведь я не знал, что это может вызвать пожар, я всегда так делал», — говорит Токарев. Однако подобное «незнание» не только не освобождает его от ответственности перед законом, но и, напротив, оно — один из основных признаков преступления. Небрежность — одна из форм преступной неосторожности. Она налицо в тех случаях, когда, как указано в статье 8 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, хотя дол-

жно было и могло их предвидеть.

Токарев мог и должен был предвидеть плоды своей небрежности.

Существуют «Правила пожарной безопасности в лесах РСФСР». Их соблюдение — гарантия, которая позволяет избежать пагубных последствий. Тот, кто работает в лесу, обязан, именно обязан, четко знать эти правила и точно их исполнять.

Беспечное, легкомысленное отношение к гражданскому долгу, пренебрежительное отношение к правилам предосторожности привели к тому, что Токарев не проявил должной предусмотрительности. Мелкие, своекорыстные заботы («а то премии лишимся!») были для него и бригадира Елфимова главными, оказались на первом плане. Именно поэтому они и не задумывались над тем, какой опасности подвергался лес или, говоря языком закона, «не предвидели возможности наступления общественно опасных последствий, хотя могли и должны были предвидеть». Их действия с полным основанием признаны преступными.

Бригадир Елфимов, как должностное лицо, обязан отвечать за свою небрежность по статье 172 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающей ответственность за халатность. В ней указано: «Невыполнение или ненадлежащее выполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие небрежного

или недобросовестного к ним отношения, причинившее существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан, — наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до одного года, или увольнением от должности».

Как убедился читатель, прочитав очерк «Пожар в тайге», нельзя недооценивать общественную опасность неосторожных преступлений, основными причинами которых являются равнодушие, беспечность, пренебрежительное, легкомысленное отношение к общественным интересам, к установленным правилам предосторожности. Вместе с тем уголовные кодексы союзных республик предусматривают уголовную ответственность и за умышленное уничтожение государственного и общественного имущества.

Например, в соответствии с частью 2 статьи 98 Уголовного кодекса РСФСР «умышленное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества, совершенное путем поджога или иным общеопасным способом, или повлекшее человеческие жертвы, или причинившее крупный ущерб либо иные тяжкие последствия, а также умышленное уничтожение или существенное повреждение лесных массивов путем поджога — наказывается лишением свободы на срок до десяти лет».

В. ДЕМИН,
прокурор отдела Прокуратуры
СССР, старший советник юстиции,
кандидат юридических наук

ленных. За пьяную драку. Свидетели показывают, что вчера поздно вечером Жмачкин ехал на своей машине в Троицкое через село Сергеево. Там видели, как Барыбин сел к нему в кабину. Жмачкина еще два часа тому назад разыскали. Говорит, что мужчину подвозил. Сначала он ехал в кабине, потом в кузове, но когда в Троицкое приехал — попутчика уже не было. Наверное, по дороге спрыгнул...

Следователь достал из планшета и развернул набросанную от руки схему места происшествия.

— А вот здесь, метрах в двадцати, мы нашли на полянке пятно крови... Будто там раненый лежал. Вполне вероятно, что Барыбина каким-то образом замапили на поляну, ударили и, думая, что убили, оттащили в придорожные кусты...

Пока следователь рассказывал свою версию, я уже мысленно составлял план работы. Вызван я был на происшествие как судебно-медицинский эксперт, и мне предстояло дать свое заключение. Дело в том, что для решения многих правовых вопросов требуются специальные врачебные и естественнонаучные знания. Следователь не может «объять необъятное» и знать в совершенстве химию, медицину, биологию. Для этого-то нас, экспертов, и приглашают участвовать в расследовании подобных дел.

Взвесив полученную от следователя информацию, решаю, что надо начинать с пятна, найденного на поляне. Следователь назвал его «пятном крови». Конечно, это было сказано условно. Правильнее сказать, что оно похоже на кровь. Потому что только анализ может точно определить его происхождение. Судебная медицина, точнее, один из ее важнейших разделов — судебно-биологическая экспертиза, и занимается исследованием крови, различных выделений организма, волос.

Когда эксперт-медик прибывает на место происшествия, он обращает внимание на любые пятна, напоминающие кровь. О многом могут рассказать эти пятна. По цвету можно определить, когда было совершено преступление: со временем кровь изменяет свой цвет. По ее пятнам иной раз можно установить, где совершено преступление, в каком положении находился потерпевший и многое другое.

БЕРЕЖНОЙ РУДОЛЬФ ВАЛЕНТИНОВИЧ закончил военно-медицинский факультет при Куйбышевском медицинском институте имени Дмитрия Ульянова. В специальных журналах выступает со статьями о разных проблемах судебной медицины. Кандидат медицинских наук. Заместитель начальника Центральной судебно-медицинской лаборатории Министерства обороны СССР.

Но не всегда сходное с кровью пятно оказывается в действительности кровавым. Вот почему первый вопрос эксперту: кровь ли это?

...На поляне, где остановился «газик», я сразу увидел место с подозрительным пятном: оно было аккуратно прикрыто большим куском полиэтиленовой пленки. Это сделал следователь, чтобы сохранить пятно в целостности до моего приезда,

Захватив с собой чемодан с набором реактивов, я приступил к исследованию.

Существует много методов для определения — кровь это или, предположим, краска. Конечно, самый верный метод — спектральное исследование. Оно основано на известном физическом явлении: когда свет проходит через призму, он разлагается на составные части, образуя спектр. Если между источником света и призмой поместить какое-либо вещество, оно будет поглощать волны света определенной длины, и на фоне спектра возникнут затемнения — линии и полосы. Каждое вещество вызывает затемнения в строго определенной части спектра. В красных кровавых шариках содержится красящее вещество — гемоглобин. Даже микроскопического количества крови достаточно, чтобы на спектре появились присущие только гемоглобину линии или полосы поглощения. Не помогают преступникам никакие попытки смыть и уничтожить следы крови: в любых случаях гемоглобин обнаруживается на спектре.

Для спектрального анализа нужны лабораторные условия, специальная аппаратура. Но в полевых условиях анализ можно провести и с помощью набора специальных химических реактивов. Они дают возможность установить, является подозрительное пятно кровью или нет. Если пятно кровавое, то с помощью специальных сывороток эксперт устанавливает, кому принадлежит кровь: человеку или животному. Если животному — то какому именно: собаке, курице или, скажем, корове.

А вот если человеку — то здесь для судебного медика словно раскрывается книга, по которой он может многое прочесть.

Одна из наиболее важных особенностей крови — ее поразительная индивидуальность, неповторимость для каждого человека. Все хорошо знают, что узор на подушечках пальцев строго индивидуален, и это позволяет разыскать преступника по отпечаткам пальцев на различных предметах. И совсем мало кто знает (кроме специалистов), что в принципе такой же неповторимой индивидуальностью обладает и кровь.

В крови, например, имеются особые белки, названные антигенами. Эти антигены находятся в красных кровавых шариках — эритроцитах — в различных сочетаниях. Каждое такое сочетание присуще определенной группе крови. Разделение крови по группам дало врачам возможность пользоваться эффективным лечебным средством — переливанием крови, а судебные медики использовали это для своих целей. Ведь если на месте происшествия обнаружено пятно крови одной группы, а кровь подозреваемого относится к другой — значит, кровь на месте происшествия ему не принадлежит.

Сейчас уже открыто около ста антигенов и пятисот групп крови. Кроме того, кровь содержит множество ферментов, строение которых неодинаково у различных людей. И если исследовать ее по этим

группам и системам, то очень трудно найти двух людей с одинаковой «формулой» крови.

Мало того: передача антигенов от родителей к детям подчиняется строгим законам наследования признаков. К примеру, если у отца и у матери группа крови А, то от них не может родиться ребенок с группой В. Потому что антиген В должен быть получен ребенком или от отца, или от матери. Подобная закономерность позволяет проводить экспертизу крови в делах о спорном отцовстве, материнстве и замене детей.

Чудесные антигены обладают еще и поразительной устойчивостью к различным внешним воздействиям, на них не влияет даже время. Ученым удалось обнаружить антигены у египетских мумий, «возраст» которых более трех с половиной тысяч лет!

...Трава, листья и земля со следами крови тщательно упакованы и отправлены в лабораторию. Получены первые вытяжки из пятен крови. В специальные конические пробирки, куда помещены эти вытяжки, капаем сыворотку — каждая из них реагирует на специфический белок животного.

Следователь с нетерпением ждет результата. И вот ответ — кровь принадлежит зайцу.

Озабоченно смотрит следователь на мон пробирки. Спорить со мной не решается, и в то же время ему обидно за свою версию.

— Вот ведь незадача! — говорит он. — Видно, подкараулила рыжая косога на полянке! Чуть нас в тупик не загнала.

— Давайте еще раз осмотрим дорогу, — предлагаю я.

Следователь соглашается. Решено еще раз тщательно осмотреть место происшествия.

По пути заезжаем в больницу. Надев халаты, вместе с хирургом осматриваем Барыбина.

— Большой тяжел, — вздыхает хирург, — но жить будет. И кто же его так? Все лицо парню разбили! Сколько швов пришлось наложить!

Возвращаемся в кабинет, и я прошу хирурга подробно рассказать мне — каков был внешний вид раны до обработки. Врач рассказывает долго, обстоятельно: «Да вот у меня тут в истории болезни все записано, даже рисунок сделан».

— Значит, так, — подводим мы итог, — удар был нанесен в лицо с большой силой каким-то тяжелым предметом, возможно камнем или палкой...

Мы возвращаемся на место происшествия и подробно осматриваем каждую веточку, каждый листик. В кустах, где лежал Барыбин, находим несколько кусочков древесной коры с засохшими капельками крови.

Мимо нашего «газика» по лесной дороге проносится грузовик с колхозниками. Ветки деревьев хлещут по пассажирам, которые взвизгивают на слишком глубоких рытвинах.

Мы со следователем смотрим друг на друга, и, по-видимому, одна и та же мысль мелькает у нас. «Кусочки древесной коры с засохшими капельками крови, — думаю я, — а не свидетельствуют ли они о том?..»

— Напомните мне, что рассказывал шофер, — прошу я следователя. — Барыбин исчез из кабины или из кузова?

Следователь улыбается:

— Из кузова, из кузова.

Мы внимательно осматриваем сучья над дорогой и находим, что искали. Толстый сук свисал над дорогой в нескольких метрах от нас, прикрытый листвой. Забравшись на крышу «газика», мы тщательно, миллиметр за миллиметром осматриваем его. И вот наконец находим небольшой участок с поврежденной корой, а в расщелине древесины... два волоса.

— Тут, видимо, и разгадка,— говорит следователь,— очевидно, стоявший в кузове Барыбин не заметил в темноте свисавшего над дорогой сука. Сильный удар по голове выбросил его из кузова и отшвырнул в кусты. А шофер этого мог и не слышать: дорога-то какая!

— Но,— заключил следователь,— пока это еще предположение. Последнее слово за вами. Еще надо доказать, что кровь на коре и волоски из расщелины принадлежат Барыбину.

И опять лабораторные исследования. Анализ показал, что кровь на древесной коре относится к группе АВ, типу М, является резус-положительной... Кровь Барыбина имеет ту же «формулу». А вот с волосами дело посложнее: уж очень их мало, простое сравнение их под микроскопом с волосами Барыбина дает неубедительные результаты. Ну, что ж, опять обратимся за помощью к антигенам.

Дело в том, что не только кровь имеет строго определенный набор антигенов: все ткани и жидкости содержат те же самые антигены. Вот почему по крошечному обломку ногтя, по слюне на окурке, по волосу можно отыскать преступника или, наоборот, снять подозрение с человека невиновного.

...Анализ подтвердил, что два небольших волоска — с головы Барыбина. Тяжкое подозрение было снято с Валерия Жмачкина. А еще через две недели Барыбин уже и сам смог рассказать, как произошел несчастный случай.

Трудно сказать, как бы повернулось дело, если бы не методы современной судебно-медицинской экспертизы, которые позволяют по пятнышку крови, по отдельному волоску установить истину.

В детском саду.

ВСЕГДА В БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ

Пятьдесят пять лет прошло со дня издания Декрета об организации государственных мер борьбы с огнем. Далеко вперед шагнула за годы Советской власти пожарная техника: от конных выездов и ручных насосов — до современных отрядов, оснащенных скоростными специализированными автомобилями, самолетами, вертолетами, поездами, теплоходами и катерами. В распоряжении пожарных отрядов новейшие средства борьбы с огнем.

Успех в тушении пожара зависит от мужества, решительных действий и ловкости бойцов. А все это достигается ежедневной тренировкой, систематическими занятиями на учебных полигонах, постоянной боевой готовностью. Среди бойцов пожарной охраны немало бывших солдат, таких как отличник боевой и политической подготовки Первого отряда военизированной пожарной охраны города Москвы ефрейтор В. Филатов, портрет которого вы видите на четвертой странице вкладки. На его счету немало благодарностей за отвагу и доблесть, проявленные при тушении пожаров.

И все же пожар легче предупредить, чем погасить. Вот почему особое внимание уделяется профилактике. Соблюдать нормы противопожарной безопасности — долг каждого гражданина. Ведут постоянный надзор за состоянием пожарной безопасности на предприятиях и в учреждениях инспектора пожарной охраны. Большое внимание уделяется защите от огня природных богатств нашей страны. Недавно Совет Министров СССР издал Постановление «О мерах по усилению противопожарной охраны лесов и торфяных месторождений» («Известия» от 29 мая 1973 года). Советское правительство еще более повысило ответственность населения за сохранность от пожара лесных угодий и торфяников, дало задание ряду министерств разработать и наладить производство технических средств и химических веществ для тушения лесных пожаров. Противопожарные нормы помогают сберечь от гибели социалистическое добро, жизни людей. И выполнять их обязан каждый.

Неосторожное обращение с огнем, безответственность, разгильдяйство — вот в большинстве случаев причины пожара. Установить их, выявить виновных — задача дознавателей пожарной охраны. В их распоряжении совершенная криминалистическая техника. Она позволяет быстро найти причину загорания. А причин может быть множество: небрежно брошенный горящий окурок, самовозгорание масляных тряпок, сваленных в кучу по халатности нерадивых хозяйственников, может быть и короткое замыкание в электропроводке, а то и поджог в преступных целях. И во всех случаях виновные будут изобличены, а собранные вещественные доказательства послужат уликами для привлечения виновных к ответственности. И за свои действия они ответят по всей строгости закона. На второй странице вкладки вы видите, как работают на месте происшествия дознаватель Управления пожарной охраны УВД Мосгорисполкома капитан А. Р. Зайцев, начальник пожарно-технической станции полковник-инженер А. Г. Анохин и фотограф прапорщик П. В. Резниченко.

...Звучит сигнал учебной тревоги. Мчатся к своим машинам люди в брезентовых костюмах и стальных касках. Через несколько минут они вступают в единороство с огнем (снимки на развороте вкладки). Пусть сейчас этот пожар — учебный. Но лишь прозвучит сигнал боевой тревоги, пожарные так же быстро и умело вступят в борьбу со стихией, спасая нашу социалистическую собственность, имущество и жизни людей.

В. СТРЕЛКОВ

На вкладке фото В. ЗИМИНА.

БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОРУЧИТЕЛЕЙ

*ПОМОЩИ
ПРОСИТ... ПРОГУЛЬЩИК*

Наши консультации:

ТОРГОВЛЯ НА КОЛХОЗНОМ РЫНКЕ

**КАК ВОЗМЕЩАЕТСЯ ВРЕД,
ПРИЧИНЕННЫЙ ТРАНСПОРТОМ?**

**ПРАВА УЧАСТНИКОВ ОБЩЕЙ
СОБСТВЕННОСТИ**

СТАДИЯ ПРЕДАНИЯ СУДУ

— беседа об уголовном судопроизводстве

**СОХРАНЯЮТСЯ ЛИ «СЕВЕРНЫЕ» НАДБАВКИ
ПРИ ПЕРЕХОДЕ НА РАБОТУ ПО СОБСТВЕННОМУ
ЖЕЛАНИЮ?**

**КАКОВ ПОРЯДОК НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТНИКОВ
ПРЕДПРИЯТИЙ НА ОБУЧЕНИЕ В
ВУЗЫ И ТЕХНИКУМЫ?**

Общественный порядок — дело каждого

— интервью с работниками
Новокраматорского машиностроительного
завода имени В. И. Ленина

Собеседник

ОТДАЙТЕ НА ПОРУКИ...

В Сокулукском районном народном суде слушалось дело Владимира Шуткина. Подсудимый, лет двадцати пяти, угрюмо смотрел то в зал, то на судей. Что он мог возразить против предьявленного ему обвинения?

В колхозе отмечался День работника сельского хозяйства. В клубе гремела музыка, кружились пары. Шуткин тоже «веселился», но по-своему. В тот праздничный вечер он, по собственному его признанию, выпил около литра водки. Не помнил, как добрался до дома.

Рано утром в окно постучал Иван Борейко, с которым он должен был ехать в соседний колхоз. Увидев Владимира, опухшего и всклокоченного, ахнул:

— Как же тебе, пьяному, садиться за руль? Может, не поедем?

— Да я трезвее любого непьющего! — заявил Шуткин, хотя сам еще полностью находился во власти хмеля.

Плеснул в лицо холодной водой и шатающейся походкой вышел из дома.

Минут через десять они уже ехали на тракторе по улицам села, пробуждающегося к новому трудовому дню. Руль плохо слушался: трактор мотало вправо и влево.

— Давай-ка вернемся обратно, — снова предложил Борейко. — Как бы чего не случилось...

— Ты за меня не беспокойся, — отрезал Шуткин, сворачивая на трассу Фрунзе — Ош.

Движение в этот час здесь обычно слабое. Навстречу шел ЗИЛ-131. А впереди, метрах в тридцати, ехала телега, в которой сидело двое.

О том, что произошло спустя минуту, рассказали на суде свидетели.

— Еще издали я заметил телегу с людьми, — показывал шофер ЗИЛа-131 Кулинский, — и позади нее трактор. И вдруг трактор на полном ходу задел телегу. Сидевшие в ней люди упали на дорогу. Лошади шарахнулись в сторону и утащили за собой в кювет человека, державшего вожжи. Это спасло ему жизнь. Второй остался лежать на проезжей части. Трактор объехал его, но сзади был еще прицеп...

Иван Борейко просил Шуткина остановиться и оказать помощь пострадавшим, но тот ничего не ответил и прибавил скорость.

Поблизости оказался военпослужащий Дашенко. Увидев, что тракторист пытается скрыться, он вместе с шофером ЗИЛа-131 бросился

в догоню. Остановили трактор. С трудом удерживая равновесие, тракторист вышел из кабины...

Картина преступления на суде восстановлена полностью. Подсудимый своей вины не отрицал.

И вдруг...

— Слово предоставляется общественному защитнику, — объявляет судья Раиса Антоновна Чернокушная,

— Коллектив бригады, — начал Сагимбек Аргымбаев, — поручил мне высказать на суде его мнение по поводу случившегося...

— ...Владимира Шуткина мы хорошо знаем, — говорил в своей защитительной речи бригадир Аргымбаев. — Шестой год он трудится у нас в бригаде. Человек добросовестный, что ему ни поручишь — делает точно и в срок. Инициативен. В любом деле показывает пример. В коллективе пользуется авторитетом. От руководства колхоза неоднократно получал благодарности, премии...

Общественный защитник обстоятельно перечислил все добродетели подсудимого. О праздничной пьянке упомянул как бы мимоходом: дело-то такое, в котором не один Шуткин замешан. Только у других все обошлось благополучно, а ему вот не повезло.

— Но ведь, уважаемые судьи, — продолжал Аргымбаев, — Шуткин не нарочно же все это совершил. Причиной всему — нелепая случайность. А коли так, то и нечего его судить особенно строго. Отдайте его нам на поруки!..

Что же кроется за столь поразительным ходатайством?

...Собрали за несколько дней до суда механизаторов в ремонтных мастерских. Кто с г/ля приехал, кого вызвали из дому. Некоторые недоумевали:

— По какому случаю такая спешка?

— На Володьку Шуткина возбудили дело. Судить будут.

— Во-он оно что! Не обошлось, значит?

— Не обошлось. Сагимбек Аргымбаев хочет ему помочь.

Не случайно преступление Владимира Шуткина. Причина — постоянные пьянки. И в тот день, не придя в себя после вчерашней попойки, сел за руль... Но беда могла приключиться и раньше. При таком образе жизни лишь случайно избегал Шуткин аварий, подвергая опасности людей и себя самого, садясь за руль с хмельной головой. И беда случилась! Погиб человек.

Вот что должно было в первую очередь обеспокоить механизаторов тракторно-полеводческой бригады. В самое бы время им спросить себя: как же так получилось, что наш товарищ по работе, с которым мы еще вчера вместе выезжали на поля, жили общими радостями и заботами землепашцев, сегодня вдруг оказался на скамье подсудимых? А ну-ка, уважаемые сельчане, давайте по справедливости разберемся во всей этой истории.

Но механизаторы думали о другом: надо вызволять из беды Шуткина. Давайте возьмем его на поруки! Мнение коллектива — великая сила, суд не может к нему не прислушаться.

Так коллектив тракторно-полеводческой бригады направил в суд ходатайство и отрядил для участия в процессе общественного защитника. Вызвил, так сказать, свое мнение. Семьдесят человек в бригаде. На собрании выступило трое. Остальные? ...Равнодушно проголосовали и разошлись по домам.

Происшедшее для механизаторов — всего лишь досадное недоразумение. Не более. Отсюда и бездумное ходатайство о передаче на поруки, не имеющее ничего общего с законом. А это значит: то, что сегодня случилось с Владимиром Шуткиным, завтра может произойти с любым членом бригады.

Вот почему суд, рассмотрев все обстоятельства дела, в своем приговоре указал: «Ходатайство коллектива тракторно-полеводческой бригады колхоза «Победа» отклонить».

Владимир Шуткин наказан по закону.

СОКУЛУКСКИЙ РАЙОН
КИРГИЗСКОЙ ССР

М. ИВАНОВ

Мне по долгу службы приходится принимать иной раз целые делегации представителей общественности: «Мы к вам по поручению коллектива. Просим передать виновного на поруки...» Начинаешь с ними разговаривать и скоро убеждаешься: ходатаи-то не только не разобрались в причинах случившегося, но и вообще имеют самое смутное представление о том, как все происходило. А что пришли просить за него, так ведь — жалко человека!..

«Пожалели» и Владимира Шуткина. Коллектив тракторно-полеводческой бригады встал на его защиту. Но задумался ли кто-нибудь из механизаторов: а правомерна ли эта защита?

Слов нет, сила общественного воздействия на человека, совершившего правонарушение, велика. Учитывая это, закон допускает возможность освобождения виновного от ответственности и передачи его на поруки. Иногда даже не возбуждается уголовное дело. Это

происходит в случае совершения лицом малозначительного или не представляющего большой общественной опасности преступления, когда факт преступления очевиден, а лицо, его совершившее, может быть исправлено мерами общественного воздействия (статья 11 Уголовно-процессуального кодекса Киргизской ССР).

Малозначительность правонарушения, таким образом, служит веским основанием для удовлетворения ходатайства о передаче виновного на перевоспитание коллектива. Ну, а если уже возбуждено уголовное дело? Возможна ли тогда передача виновного на поруки? Да, возможна. Исключения составляют лишь случаи, когда человек был ранее осужден за совершение умышленного преступления или однажды уже передавался на поруки. Препятствием передаче виновного на поруки может служить и непризнание человеком, в отношении которого возбуждено уголовное дело, своей вины или когда по каким-либо при-

чинам он настаивает на рассмотрении дела в суде.

В остальных же случаях согласно статье 10 Уголовно-процессуального кодекса Киргизской ССР суд, прокурор, а также следователь и орган дознания, с согласия прокурора, по основаниям, указанным в статье 47 Уголовного кодекса Киргизской ССР, вправе прекратить уголовное дело и передать на поруки общественной организации или коллективу трудящихся, возбудившим ходатайство, для перевоспитания и исправления лица, совершившее преступление.

Статья 47 Уголовного кодекса Киргизской ССР (а такие статьи есть и в уголовных кодексах других республик) определяет условия освобождения от уголовной ответственности с передачей виновного на поруки. В ней говорится прежде всего о том, что это допустимо, «если по обстоятельствам дела совершенное лицом преступление и само это лицо не представляют большой общественной опасности и если деяние виновного не повлекло тяжких последствий».

В результате преступления, которое совершил Владимир Шуткин, погиб человек. Погиб потому, что тракторист сел за руль по сути дела в нетрезвом состоянии. Пьянство отвратительно само по себе. Совершенные же преступления в пьяном виде по закону являются отягчающим обстоятельством и влечет за собой более строгое наказание. Об этом бы подумать механи-

заторам, прежде чем писать ходатайство.

Вред от необоснованных ходатайств, имеющих цель как-то выгородить преступника, не следует недооценивать. Ведь снижается воспитательная роль приговора, хотя он и справедлив.

Собрания трудящихся, с которых начинают свой путь необоснованные ходатайства, созидаются иногда по инициативе лиц, заинтересованных в определенном исходе дела: самих провинившихся или их родственников. В результате мнение коллектива фактически подменяется мнением небольшой группы лиц, формируется на основе искаженных, односторонних сведений. Поэтому протоколы общих собраний нередко оказываются на руках обвиняемых или даже осужденных, и те начинают потрясать бумажками: «Общественность возмущена приговором. Разве можно игнорировать общественное мнение?»

Но ведь общественность никогда не была на стороне тех, кто обворовывает, кто совершает преступления против личности и общества.

Закон предоставляет право общественным организациям и коллективам трудящихся обращаться к органам следствия и суда с ходатайствами о передаче им на перевоспитание и исправление лиц, преступивших закон. И этим правом надо пользоваться разумно, целесообразно, с учетом тяжести преступления, личности виновного и других важных обстоятельств дела.

Н. ПРУСАКОВ,
заместитель председателя
Верховного суда РСФСР

Вернул доверие товарищей

Он зашел ко мне домой вечером. Я вначале даже не узнал: в новом костюме, в белой рубашке, при галстукке. Да и вообще внешний облик его изменился — как-то окреп, распрямился человек, расправил плечи.

— Как дела? — спросил я.

— Нормально. Работаю. Вот сегодня, в день зарплаты, с женой ходили по магазинам за обновками для ребятишек... Нет, ни грамма не выпил. Друзья предлагали — отказался. Все, хватит!..

Я смотрел на Мохначева и искренне радовался, что все у него в порядке. Получив деньги, в первую очередь подумал о детях. Человек изменился к лучшему. В этом заслуга всех активистов нашего товарищеского суда. Много пришлось нам повозиться с Мохначевым. Бросил работу, начал пить. Жена прибежала ко мне вся в слезах: «Помогите!..» Встречались мы с ним не раз, беседовали, втолковывали ему, что катится он по наклонной плоскости. Связались с производством. Там вначале отмахнулись: человек любит выпить, пользы от такого ни на грош. Ходили, убеждали. Добились все-таки, чтобы Мохначева приняли снова на производство. После этого постоянно справлялись: как дела у нашего подопечного?

И теперь вот встретились, когда он зарекомендовал себя с хорошей стороны, обрел уважение товарищей.

Прощаясь, Мохначев не произносил громких слов. Крепко, по-рабочему, пожав руку, сказал:

— Спасибо!

Н. МОСТАКОВ,
председатель товарищеского
суда, г. Торжок Калининской
области.

Расскажите об интересном опыте!

Уважаемая редакция!

Я преподаю в техническом училище «Вопросы советского права». Предмет введен как факультативный. Ребятам это расхолаживает — ведь можно и не идти на урок. А хочется организовать урок так, чтобы ребята занимались с интересом. Сейчас же они воспринимают предмет права, как что-то не слишком нужное в жизни.

Каждый урок я строю по-новому, хочу их увлечь предметом, но, к сожалению, пока безрезультатно. Возможно, есть школы и училища, где занятия по изучению права проходят живо и интересно. Поэтому, думаю, преподавателям необходимо было бы обменяться на страницах журнала опытом, какими учебными и наглядными пособиями лучше пользоваться при подготовке к уроку.

Правоведение скоро введут в программы всех школ, следовательно, этот вопрос интересует не только меня.

М. ТИХАНКИН,
преподаватель технического
училища № 12,
г. Алма-Ата.

Когда дети безнадзорны...

До седьмого класса Саша Притуляк учился хорошо. Зачитывался книгами. Одна беда была у него: отец пил. А напившись пьяным, грубо обращался с мальчиком. Отцовское «воспитание» плохо сказалось на Саше: он перестал слушаться, начал дерзить взрослым. За это его однажды выгнали с уроков. Из седьмого класса выставили Мунтяна. Так сошлись они «характерами». Стали вдвоем пропускать занятия, прятаться по закоулкам, курить. Но родителей все это мало беспокоило. Лишь после того, как дело приняло серьезный оборот, мать явилась в школу. Классный руководитель отнеслась к ее появлению равнодушно. Сказала:

— Мне сейчас все равно: присутствует ваш сын в классе или нет...

«Согласитесь, что при таком отношении мальчику недолго было свернуть на неверный путь»,— писала к нам в прокуратуру мать Саши.

Соглашаюсь. Но не совсем. Нас, юристов, безусловно очень беспокоит педагогическое бескультурье некоторых учителей. Но в данном случае позволительно спросить и с родителей: почему вы-то сами не смогли воспитать собственного ребенка?..

— Я познакомился с Б. Косачем, который намного старше меня,— рассказывал Саша Притуляк в прокуратуре.— По его просьбе унес из дому часы сестры и золотые бабушкины крестики. Косач меня напоил и все это забрал. Тогда я решил порвать с ним и больше не встречаться. Но встретиться пришлось...

Косачу не стоило большого труда заставить Сашу совершить кражу продуктов из школьного буфета, выкрасть зарплату бригады, в которой работал сам. Вместе с Мунтяном Притуляк, под воздействием того же «наставника», ограбили несколько продовольственных палаток и магазинов.

...Дома искали пропавшие золотые крестики и медальонные часы, в школе — похищенные из буфета банки со шпротами. Но никто ни разу не хватился исчезающих из дома и из школы ребят: где они, чем заняты?

В этом, мне думается, корни правонарушений среди несовершеннолетних. Лишенный моральной поддержки родителей, окруженный равнодушием в школе, маленький человек легко может оказаться под влиянием какого-нибудь хулигана, согнуться от дурного влияния, как тростинка под дуновением ветра...

Л. КУШНИР,
помощник прокурора г. Кишинева,
советник юстиции.

По «примеру» отца

Выступая в суде в качестве свидетеля, Иван Герасимович Куравлев говорил:

— Пришлось обращаться в милицию, чтобы найти управу на сына.

Сергей, его сын, находившийся в этот момент на скамье подсудимых, ожег отца взглядом:

— А сам-то?..

Беда в семье Куравлевых началась не сегодня. И не вчера. Отец, Иван Герасимович, пил постоянно. Малолетний сын Сергей часто со страхом наблюдал за отцом, боясь приблизиться к нему. Однажды любопытство пересилило страх и, воспользовавшись тем, что отец на минуту вышел из комнаты, он подбежал к столу и одним махом выпил остатки водки в стакане. Перехватило дух... Через несколько дней история повторилась. Потом мальчик напился во дворе, где его угостили великовозрастные дружки. Ради выпивки Сергей начал тащить вещи из дому. Изменился его характер: он становился несдержанным, грубым в обращении с окружающими. Несколько раз в пьяном виде попадал в милицию. Дело дошло до того, что как-то, находясь в состоянии сильного опьянения, он схватил нож и начал угрожать расправой матери и сестренкам...

И вот пятнадцатилетний подросток — на скамье подсудимых.

После того как был зачитан приговор, Иван Герасимович взглянул на сына, но тот отвернулся от него. Тяжелой походкой старший Куравлев двинулся к выходу. Я смотрел ему вслед и думал: осознал ли он хоть сейчас, что не без его ведь пагубного влияния сын приобрел вредную привычку, толкнувшую затем на путь преступления?

П. СУСЛЕНКО,
председатель Свердловского
народного суда г. Фрунзе.

ПО СЛЕДАМ
НЕОПУБЛИКОВАННЫХ
ПИСЕМ

Помощи просит... прогульщик

Недавно редакция получила письмо, на каждом из шести листов которого яркой красной краской напечатано: «Срочно», «Срочно», «Срочно». А внизу той же краской — «Спасите человека».

Автор письма — инженер Минского специализированного монтажно-наладочного управления Олег Михайлович Гаевский. Писал он о том, что его рабочая честь опорочена, непрерывный 20-летний трудовой стаж прерван. Была у него третья очередь на получение квартиры. Все это рухнуло. К тому же, пишет он, меня лишили внушительной честно заработанной премии.

«За что?» — спрашивает автор письма. Он утверждает: все, что с ним случилось, — простое недоразумение.

С помощью прокуратуры Белорусской ССР редакция проверила жалобу Гаевского.

Что же все-таки произошло?

А случилось следующее. 12 июня прошлого года Гаевский на работу явился в два часа дня, а 13 июня — в три часа дня.

Гаевский заявил, что он отсутствовал с разрешения начальника Тихоновича. Тихонович сказал, что никакого разрешения он Гаевскому не давал.

Гаевский утверждает, что утром и днем 12 и 13 июня он был в библиотеке, где ознакомился с технической литературой.

Библиотека официально сообщила: да, Гаевский в библиотеке, в читальном зале, действительно был. Был, но только не утром и днем, а вечером, после 7 часов. И еще библиотека сообщила: Гаевский читал литературно-художественные журналы, которые даже с натяжкой к технической литературе никак не отнести.

Выяснилось, что на самом деле Гаевский днем был не в библиотеке, а на озере. Это в рабочее-то время!

Оказалось, что опоздание на работу 12 и 13 июня — не первое нарушение трудовой дисциплины Гаевским.

Несколькими месяцами раньше Гаевский был в командировке. Был два дня, а в командировочном удостоверении секретарь заводоуправления ошибочно (со слов самого Гаевского — поверила ему на слово) отметила семь дней. Гаевский воспользовался этим и получил командировочные деньги за семь дней вместо двух. Когда обнаружилась ошибка, с Гаевского удержали из заработной платы излишне выплаченные ему деньги. Взыскание денег Гаевский не обжаловал.

Гаевскому администрация за прогул в течение 5 дней объявила выговор.

После случаев 12 и 13 июня администрация, с согласия месткома, уволила Гаевского за систематическое нарушение трудовой дисциплины.

Прогул — самое серьезное и наиболее грубое нарушение трудовой дисциплины. Статья 33 Кодекса законов о труде РСФСР (а такие статьи есть в кодексах законов о труде других союзных республик) устанавливает, что рабочий или служащий за прогул без уважительных причин может быть уволен, если даже к виновному раньше и не применялись меры дисциплинарного или общественного взыскания. Пленум Верховного Суда СССР еще 12 сентября 1969 года разъяснил, что согласно закону администрация вправе уволить работника за прогул и при однократном совершении такого нарушения трудовой дисциплины.

Трудовая дисциплина, высокая организованность имеют важное значение. Особенно нетерпимы любые нарушения трудовой дисциплины, а тем более — прогулы. Каждую минуту рабочего времени нужно использовать для производственной работы, исполнения служебных обязанностей.

Инженер Гаевский жалуется на несправедливое отношение к нему. Однако народный суд в иске о восстановлении на работе ему отказал. Областной суд, а затем и Верховный суд Белорусской ССР решение народного суда признали законным. С таким решением согласилась и прокуратура Белорусской ССР.

Гаевский пишет, что опорочена его рабочая честь. Да, опорочена, но виноват в этом сам Гаевский и никто другой!

Факты подтвердились

В редакцию поступило коллективное письмо рабочих смены № 13 третьего цеха Березовского завода строительных конструкций. Его авторы с возмущением сообщали, что из-за несвоевременного обеспечения стройматериалами в цехе зачастую наблюдаются простои, срываются графики работ. Чтобы выйти из положения, администрация обязывает рабочих «наверстывать упущенное» в субботные дни. При этом приказы издаются с нарушением действующего законодательства.

Свердловский областной комитет профсоюза рабочих электростанций и электротехнической промышленности проверил жалобу рабочих и сообщил нам: «Все факты подтвердились, директору завода тов. Кулаченко указано на недопустимость нарушения порядка привлечения трудящихся к работе в дни отдыха».

Приказ опротестован прокурором

На заводе «Ростсельмаш» создали жилищно-строительный кооператив «Нива». Но строительство домов по различным причинам затягивалось. И тогда... приказом директора завода свыше ста рабочих и служащих — членов кооператива — было переведено в строительный трест для завершения работ по строительству жилых домов.

— Эти приказы, — пишет в редакцию слесарь завода В. Н. Карташов, — вызвали справедливое возмущение рабочих, так как были изданы без согласования с нами. Многие из «откомандированных» ранее строительными работами не занимались и, естественно, ощутимую пользу на строительстве принести не могли. А вот отсутствие их на рабочих местах сказывалось на выполнении заводских производственных заданий.

Редакция попросила прокуратуру Ростовской области проверить факты, изложенные в письме В. Карташова. Вскоре пришел ответ: упомянутые приказы директора признаны незаконными и прокурором Первомайского района г. Ростова-на-Дону опротестованы.

ПРАВОВАЯ
СЛУЖБА БЫТА

Колхозный рынок

Выполнив плановые обязательства перед государством по продаже сельскохозяйственной продукции, колхозы имеют право реализовать ее излишки по своему усмотрению. Для этого и существует колхозный рынок.

Необходим рынок и для граждан, которые вырастили в своем саду или на огороде овощей или фруктов больше, чем нужно самим; рыбаков-охотников, добывших рыбу и дичь в соответствии с установленными правилами рыболовства и охоты; сборщиков грибов, ягод, трав.

Главные же продавцы на колхозном рынке — социалистические организации: колхозы и

потребительская кооперация. Кооперативы призваны продавать на рынке больше продукции, чем все остальные продавцы, удовлетворяя тем самым не только постоянно растущие потребности трудящихся, но и, что не менее важно, диктуя рынку снижение цен на продукты (ведь продукты крупного общественного производства всегда дешевле произведенных в мелком хозяйстве). При поступлении этих продуктов на рынок в больших количествах они приводят в действие механизм «спрос-предложение» и направляют его в сторону снижения цен.

Важно отметить, что цены на продукцию колхозов, реализуе-

мую на рынке, меньше подвержены рыночной конъюнктуре, потому что их устанавливает правление колхоза, и превышать эти цены, если даже ситуация складывается в сторону повышения цен, нельзя.

Конечно, если рынок предлагает в достаточном количестве разнообразный ассортимент продукции и по дешевым ценам, вряд ли у покупателей возникнут против этого возражения. Ну, а если привоз недостаточен? Что тогда? Тогда цены на рынке складываются в зависимости от спроса и предложения. В соответствии с нормами Гражданского кодекса в этом случае цены определяются соглашением сторон. Неправильными являются действия тех местных органов, которые пытаются влиять на рыночные дела не улучшением организации колхозной и кооперативной торговли, а административными мерами. Такие меры не могут улучшить торговлю, а напротив, ухудшают ее, заставляют продавцов-граждан искать другие каналы для реализации имеющейся у них продукции, ослабляют тем самым рыночный санитарный надзор. Влиять на цены можно только экономическими мерами, то есть улучшением колхозной торговли и работы потребительской кооперации.

Подчас недостаток продукции на рынке (и как следствие этого — высокие цены) объясняется неудовлетворительной работой потребительской кооперации. Нередко «вмешиваются» в установление цен на рынке и объективные факторы: погодные условия, удаленность колхозов от рынка, состояние дорог в межсезонье и тому подобное.

Не секрет, что отдельные лица, спекулируя на этих трудностях и недостатках в работе местных органов потребительской кооперации, стремятся «занять ее место» и извлечь максимум нетрудовых доходов. Такая «комиссионная» деятельность, то есть продажа на рынке чужой продукции за вознаграждение, является незаконной. Комиссионной продажей вправе заниматься только социалистические организации.

Поэтому следственные органы выявляют и ведут решительную борьбу с такими лицами. Кстати, контролировать положение дел на рынке имеет право и общественность с помощью постоянных депутатских комиссий местных Советов.

Правовое положение колхозного рынка следующее:

они организуются в городах, рабочих поселках, районных центрах и других населенных пунктах исполкомами Советов депутатов трудящихся с целью продажи колхозами, колхозниками и другими гражданами излишков сельскохозяйственной и другой продукции для более полного удовлетворения потребностей населения в товарах широкого потребления.

Время торговли на рынках устанавливается исполкомами местных Советов депутатов трудящихся.

С торгующих на рынке продавцов взимается разовый сбор. С предприятий государственной торговли и потребительской кооперации, а также с колхозов, занимающих на рынке специально отведенные для них места или помещения (по договорам с дирекцией рынка), разовый сбор не взимается.

На колхозных рынках тор-

гующим (за особую плату) оказываются такие услуги, как: разделка мяса, выдача напрокат весов, гири, лотков и другого торгового оборудования; хранение продуктов в холодильниках, овощехранилищах, перевозка продукции к местам торговли; обеспечение местами в гостиницах при рынках.

Торговля на колхозных рынках разрешается только при соблюдении установленных санитарных правил. Продажа пищевых продуктов допускается исключительно после соответствующей проверки органами ветеринарно-санитарного надзора.

Дирекция рынка обязана принимать меры к расширению ассортимента сельскохозяйственных продуктов и постоянному увеличению их продажи; обеспечивать колхозы, колхоз-

ников и других граждан торговыми местами; предоставлять в аренду колхозам, предприятиям государственной торговли, потребительской кооперации и предприятиям бытового обслуживания помещения для продажи продовольственных и непродовольственных товаров, для организации столовых, чайных, мастерских по ремонту одежды и обуви, парикмахерских и других предприятий бытового обслуживания; обеспечивать торгующих на рынке санитарной одеждой, торговым инвентарем, предоставлять им помещения для хранения продуктов; благоустраивать, реконструировать и ремонтировать рынок в целях расширения торговли и повышения уровня ее культуры и контролировать соблюдение торгующими правил торговли.

В. МАРТЕМЬЯНОВ,
кандидат юридических наук

Возмещение вреда, причиненного транспортом

Поворот был крутой, и потому на этой части улицы вывесили предупреждающий знак. Но шофер ЗИЛа Перфильев не заметил его и, не сбавляя скорости, резко свернул направо. Машину занесло на скользком асфальте. Сломав ограждение, она въехала на тротуар и сбила прохожего.

В тяжелом состоянии его отвезли в больницу.

Перфильев предстал перед судом. Было доказано, что он грубо нарушил правила движения, что и явилось причиной наезда. Помимо этого, в суде рассматривался вопрос о возмещении пострадавшему причиненного вреда...

Согласно законодательству возмещение вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, состоит в выплате потерпевшему денежных сумм в размере заработка (с учетом назначенной пенсии), которого он лишился вследствие временной или стойкой утраты трудоспособности. Кроме возмещения заработка, потерпевшему возмещаются также дополнительные расходы, необходимые для восстановления его здоровья. Если по заключению врачебной экспертизы он нуждается в постороннем уходе, суд вправе обязать причинившего вред возместить нужные для этого расходы. Для потерпевших, признанных инвалидами первой группы, заключение врачебной экспертизы о нуждаемости в постороннем уходе не требуется.

Суду предоставляется также право обязать причинившего вред возместить потерпевшему фактически понесенные расходы на дополнительное питание, протезирование, санаторно-курортное лечение, если последний не получает всего этого через соответствующие организации (профсоюзные, например) бесплатно.

Если пострадавшему для передвижения необходимо приобрести мотоколяску, связанные с этим расходы, по решению суда, также несет причинивший вред. Следует заметить, что такое решение может быть вынесено в исключительных случаях, когда потерпевший по заключению врачебно-трудоустройственной комиссии (ВТЭК) признан не поддающимся никаким видам протезирования.

Транспортные происшествия иногда кончаются гибелью человека. В этих случаях закон

защищает интересы лиц, имеющих право на возмещение вреда. Вред возмещается: несовершеннолетним детям до 16 лет, а если они учатся, то до восемнадцатилетнего возраста (это правило распространяется и на ребенка, родившегося после гибели отца); женщинам старше 55 лет и мужчинам старше 60 лет пожизненно; инвалидам на срок инвалидности; супругу или родителю погибшего, независимо от возраста и трудоспособности, если они не работают, а заняты уходом за его детьми, внуками, братьями или сестрами, до достижения ими восьмилетнего возраста. Перечисленным лицам вред возмещается в размере той доли заработка умершего, которую они получали или имели право получать на свое содержание.

Теперь о лицах, которым можно предъявить иск о возмещении вреда, причиненного смертью кормильца или в связи с повреждением здоровья потерпевшего. Это зависит от конкретных обстоятельств, при которых нанесен вред. Представьте себе такую ситуацию. Гражданин Н. оставил свою машину без присмотра с ключом зажигания в замке и работающим мотором. Некто К., воспользовавшись этим, решил «прокатиться». Сел за руль и, проезжая по одной из улиц, сбил человека, причинив ему увечье. Иск о возмещении вреда следует предъявить как к собственнику машины, поскольку он нарушил правила охраны источника повышенной опасности, так и к лицу, угнавшему чужую машину.

По-иному решается вопрос о предъявлении иска, если машина, сбившая человека, принадлежит государственной органи-

зации (предприятию, учреждению, совхозу и т. д.), а водитель, сидевший за рулем, находился при исполнении своих служебных обязанностей. Например, человека сбил маршрутный автобус. Владельцем источника повышенной опасности здесь является не водитель, а автопарк. К нему и должен быть предъявлен иск. Однако это не означает, что шофер освобождается от ответственности. Если будет установлена его вина в нанесении увечья или смерти человека (был пьян, нарушил правила уличного движения, как в случае с Перфильевым), то помимо уголовной ответственности шофер несет материальную ответственность перед автопарком. Если же вины шофера нет, то он освобождается не только от уголовной ответственности, но и от ответственности гражданской, и автопарк полностью возмещает причиненный ущерб как владелец источника повышенной опасности. Владельцы автомобилей, мотоциклов и других транспортных средств отвечают за вред, причиненный здоровью граждан, или за их смерть независимо от вины. Лишь в двух случаях владелец

источника повышенной опасности может быть освобожден от ответственности: если наезд совершен под воздействием непреодолимых сил (землетрясение, ураган, разлив реки и т. д.) или если вред возник вследствие умысла потерпевшего. Но на владельца машины в этом случае возлагается обязанность доказать умысел потерпевшего.

Кроме того, надо иметь в виду, что грубая неосторожность самого потерпевшего может служить основанием для уменьшения ему размера суммы в возмещение вреда и даже полного отказа в удовлетворении его иска.

Закон строго спрашивает с водителей. Но в последние годы повысился спрос и с пешеходов, по вине которых происходят дорожно-транспортные происшествия. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 6 октября 1970 года обратил внимание судов на то, что пешеходы, нарушившие правила безопасности движения, и если эти нарушения повлекли за собой тяжкие последствия, могут быть привлечены к уголовной ответственности.

Г. САВИЧЕВ,

кандидат юридических наук

Общая собственность

Семья Васильевых и Таировых жили по соседству. И решили построить вместе один дом. Кирпич, лес, дверные и оконные рамы — все приобреталось совместно усилиями. На общие средства производились отделочные работы.

На каких же правах этот дом теперь принадлежит той и другой семье? На правах общей собственности. Заметим, что под понятием общей собственности подразумеваются те случаи, когда одна вещь или один объект (дом, машина и

так далее) принадлежат двум или нескольким владельцам.

Общая собственность может еще и приобретаться. Иногда она образуется, когда один человек дарит другому определенную долю своего имущества. Если имущество умершего по закону или по завещанию перешло к нескольким наследникам, то здесь также налицо общая собственность.

Закон различает общую собственность с определением долей (долевая собственность) и без определения долей (совместная собственность). В первом случае доля каждого участника точно определена: одному, например, принадлежит две пятых общего имущества, другому — три пятых.

При общей совместной собственности доля участников не определяется. На случаи выдела или раздела соответствующие доли предполагаются равными. Суду дано право с учетом конкретных обстоятельств отступать от начала равенства.

Все участники долевой собственности (соразмерно своей доле) уплачивают налоги, сборы и иные платежи по общему имуществу, а также несут издержки по его содержанию и хранению. Если один из них понес какие-то дополнительные расходы, связанные с содержанием общего имущества, и это было сделано с согласия остальных участников общей собственности, то эти расходы раскладываются на всех.

Но вот один из участников долевой собственности решил продать свою долю. Он имеет на это полное право, равно как и подарить ее, обменять. Однако существуют некоторые ограничения в выборе покупателя. Если в роли его выступает со-

вершенно постороннее лицо, остальные участники собственности имеют преимущественное право на покупку отчуждаемой доли по цене, за которую она продается, и на прочих равных условиях (кроме продажи с публичных торгов). В случае отказа или неосуществления указанного права (в отношении дома — в течение месяца, а прочего имущества — в течение десяти дней с момента извещения о продаже) собственник может продать свою долю любому лицу. Если право преимущественной покупки нарушено, то заинтересованная сторона в пределах трех месяцев в судебном порядке может потребовать перевода на нее прав и обязанностей покупателя.

Каждый из участников общей долевой собственности может выделить свою долю из общего имущества. Решение о способе выдела принимается сообща. Если соглашения достигнуть не удалось, то по иску любого из участников спор разрешается судом. Бывает так, что имущество в натуре невозможно разделить без ущерба для его хозяйственного назначения. Тогда заинтересованный в выделе собственник получает денежную компенсацию, соответствующую стоимости его доли.

Иногда требование о выделе доли заявляется не самим собственником, а его кредиторами. Защищая их интересы, закон предоставляет кредиторам такое право с целью обращения взыскания на долю должника в общем имуществе.

Право общей собственности прекращается разделом имущества в натуре, а также если один из собственников приобрел

рел доли остальных собственников.

Если по правомерным основаниям — например, в порядке наследования, в результате дарения — возникнет общая собственность государства, кооперативной или общественной организации с одной стороны и граждан — с другой, то она подлежит прекращению в течение одного года со дня возникновения. Для этого предусмотрено несколько способов: раздел имущества в натуре (если таковой возможен); выкуп организацией долей, принадлежащих гражданам, и наоборот; продажа всего имущества с целью последующего распределения между собственниками, пропорционально их долям, вырученной суммы. Стороны сами решают, какой из этих способов для них удобнее, а при отсутствии между ними согласия вопрос решается в судебном порядке.

Гражданское законодательство специально регулирует вопросы возникновения общей собственности на жилые помещения, а также порядок пользования ими. Правом общей собственности при совместной застройке пользуются те лица, которым решением исполкома местного Совета депутатов трудящихся отведен земельный участок в бессрочное пользование. Если помимо них какие-либо другие лица, например родственники, знакомые, участвовали в строительстве, оказывали и материальную поддерж-

ку, то это вовсе не значит, что они тоже являются собственниками возведенного строения. Право общей собственности здесь может возникнуть лишь в том случае, если между основными застройщиками и теми, кто оказывал им помощь, имела специальная договоренность, а исполком согласился внести надлежащие изменения в документы о предоставлении земельного участка. Следует заметить, что участие в застройке может служить основанием для предъявления к собственнику дома требования о возмещении понесенных расходов.

Порядок пользования жилым домом, находящимся в общей долевой собственности, определяется всеми ее участниками. Распределение помещений между собственниками, как правило, производится в соответствии с их долями. Однако, с учетом конструктивных особенностей дома, в отдельных случаях могут быть допущены некоторые отступления от этого принципа.

Если кто-либо из собственников при наличии установленного разрешения и должным образом утвержденного проекта увеличит за свой счет полезную площадь дома (путем надстройки, перестройки или пристройки), то по его требованию прежний порядок пользования жилыми помещениями и размер долей подлежит соответствующему изменению.

А. СОБОЛЕВ,
кандидат юридических наук

ЧИТАТЕЛЬ НА ПРИЕМЕ У ЮРИСТА

Администрация отказала работнику в оформлении перевода на другое предприятие. Тогда он уволился по собственному желанию, но из-за этого ему не стали платить «северные» надбавки. Правильно ли это? — спрашивает читатель Прокофьев, шофер АТК из г. Воркуты.

По закону каждый гражданин СССР добровольно выбирает место работы, исходя из своих материальных и моральных интересов.

Вместе с тем свободное заключение трудового договора не предполагает безразличного отношения государства к текучести рабочих кадров, наносящей ущерб народному хозяйству. Поэтому в законодательстве о труде предусмотрены меры материального и морального поощрения рабочих и служащих, длительно и добросовестно работающих на одном и том же предприятии. Так, напри-

мер, для привлечения и закрепления рабочих кадров в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях установлен ряд льгот и преимуществ работающим в этих районах и местностях. Одна из них — надбавка к заработной плате. Эти «северные» надбавки выплачиваются за непрерывный стаж работы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

В частности, стаж, дающий право на получение процентных надбавок к заработной плате, не прерывается при переводе работника по распоряжению вышестоящего органа или по согласованию между руководителями предприятий, а также по решению советских, партийных и комсомольских органов. В случае увольнения работника по собственному желанию непрерывный стаж не сохраняется.

Следовательно, права работника, о которых говорилось в письме, не нарушены. Договоренности между руководителями предприятий о его переводе, как видно из письма, не было, работник уволился с прежнего места работы по собственному желанию.

Вместе с тем необходимо отметить, что при наличии уважительных причин увольнение по инициативе работника в определенных случаях не прерывает стажа для назначения «северных» надбавок к заработной плате. К примеру, стаж не прерывается после увольнения в связи с невыполнением администрацией принятых на себя обязательств по срочному трудовому договору. Об увольнении по уважительным причинам делается отметка в трудовой книжке работника, чтобы при определении непрерывного трудового стажа для начисления надбавок к заработной плате не было допущено ошибок.

А. ЦЕПИН,
кандидат юридических наук

В каких случаях к несовершеннолетним применяются принудительные меры воспитательного характера? — спрашивают И. Павленко из Киева и Г. Кузнецова из Новосибирска.

Уголовная ответственность несовершеннолетних, как известно, наступает с шестнадцати лет, а за некоторые преступления — с четырнадцати. Однако, если совершенное подростком преступление не представляет большой общественной опасности, суд вправе освободить его от уголовной ответственности и заменить ее следующими принудительными мерами воспитательного характера:

обязать подростка устно, в личном письме, в заметке стенной газеты

принести извинение потерпевшему;

объявить ему выговор или строгий выговор;

обязать несовершеннолетнего возместить причиненный ущерб из своего заработка (если подросток достиг пятнадцати лет и сумма ущерба не превышает 20 рублей) или устранить материальный ущерб своим трудом.

Суд может передать несовершеннолетнего под строгий надзор родителей или заменяющих их лиц, а также под наблюдение коллектива трудящихся, общественной организации (с их согласия) или отдельным гражданам по их просьбе. Применять эту меру можно только при условии, если суд убедится, что указанные лица или организации способны обеспечить действенный надзор и необходимое воспитательное воздействие на подростка. При необходимости суд назначает несовершеннолетнему также и общественного воспитателя.

Помимо этого суд может поместить несовершеннолетнего в специальные лечебно-воспитательные и воспитательные школы-интернаты, а также в спецшколы и ПТУ закрытого типа со специальным режимом. Это наиболее строгая принудительная мера воспитательного характера, и применяется она к трудновоспитуемым подросткам.

В спецшколы направляются подростки в возрасте от одиннадцати до четырнадцати лет, в ПТУ — несовершеннолетние от четырнадцати до восемнадцати лет.

Уголовными кодексами отдельных союзных республик предусмотрены и другие принудительные меры воспитательного характера: передача несовершеннолетнего на поруки (Белорусская ССР и Литовская ССР), под надзор органов народного образования или учебных заведений (Азербайджанская ССР).

Принудительные меры воспитательного характера не являются уголовным наказанием, и их применение не создает судимости.

Е. СКАКУЛИН, юрист

Расскажите, пожалуйста, существует ли какой-нибудь порядок направления работников предприятий на обучение в вузы и техникумы? — спрашивает И. Наумов из Харькова.

Руководители организаций и предприятий, строек и совхозов имеют право направлять передовых рабочих и служащих на учебу в вузы и техникумы при условии, что по окончании обучения они возвратятся работать на эти же предприятия.

Вопрос о направлении тех или иных работников на учебу решается руководителями предприятий совместно с общественными организациями и рассматривается как мера поощрения за высокие показатели в работе.

Успевающим студентам и учащимся за счет предприятия выплачивается повышенная стипендия (на 15 процентов выше обычной государственной). Молодые специалисты, окончившие вузы и техникумы, должны проработать на предприятиях, направивших их на учебу, не менее трех лет. С согласия руководства этих предприятий молодые специалисты могут быть направлены на работу и в другие организации.

В таком же порядке направляются работники и на заводы-втузы. Студентам заводов-втузов ежегодно предоставляется дополнительный учебный отпуск на 6—12 рабочих дней без сохранения заработной платы, но с выплатой стипендии. На последних курсах предоставляется отпуск на четыре месяца для подготовки и защиты дипломного проекта с сохранением среднего заработка, но не свыше 100 рублей в месяц. Время обучения в заводах-втузах с отрывом от производства засчитывается работникам предприятий в трудовой стаж, дающий право на получение ежегодного отпуска. Средний же заработок за время отпуска исчисляется из фактически отработанного времени на производстве в течение года.

Предприятия имеют право направлять передовых рабочих и на подготовительные отделения при вузах. Кандидатуры в этом случае отбирают непосредственно руководители предприятий по рекомендации партийных, комсомольских и профсоюзных организаций.

В. МИХЕЕВ, юрист

БЕСЕДЫ ОБ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Стадия предания суду

В предыдущих беседах (см. «Человек и закон», 1973, №№ 1—6) мы выяснили, как возбуждаются и расследуются уголовные дела. После окончания расследования все материалы дела должны быть проверены прокурором. В зависимости от результатов проверки прокурор может прекратить дело, направить его на дополнительное расследование или передать на рассмотрение суда.

Но в последнем случае законодатель счел необходимым до того, как дело будет рассматриваться в суде по существу, подвергнуть его еще одной проверке — на этот раз со стороны судьи или суда в целом. Такая проверка производится в особой процессуальной стадии, которая лежит на рубеже, отделяющем дознание и предварительное следствие от судебного разбирательства дела, — в стадии предания суду. Ни одно уголовное дело, направляемое в суд, не может пройти мимо этой стадии и избежать такой проверки.

Следовательно, сущность стадии предания суду заключается в судебном контроле за качеством проведенного расследования. Эта стадия процесса выполняет роль своеобразного фильтра, который должен отсеивать дела о действиях, не содержащих признаков преступления или в силу особых, указанных в законе, условий не подлежащих наказанию в уголовном порядке. Тем самым для лиц, привлеченных к ответственности без достаточных к тому оснований, создается дополнительная гарантия, что они не будут преданы суду, не будут поставлены в положение подсудимых.

Особенность этой стадии процесса в том, что вопрос о виновности обвиняемого в ней не решается и даже не ставится. Здесь обсуждаются более узкие, предварительные вопросы: достаточно ли данных для того, чтобы назначить дело на судебное разбирательство, обоснованы ли собранными материалами выводы обвинительного заключения, нет ли каких-либо нарушений закона. Поэтому, проверяя дело, суд не устанавливает, правильны ли показания свидетелей, заслуживает ли доверия заключение эксперта и так далее. Он смотрит лишь, чтобы в деле имелись доказательства, подтверждающие выводы обвинительного заключения, и чтобы эти доказательства были достаточны для проведения в дальнейшем судебного разбирательства. Но — и это надо еще раз подчеркнуть — вопрос о виновности обвиняемого в стадии предания суду решать нельзя.

Некий Сапаров обвинялся в том, что он скупил в колхозе «Победа» 100 кг сливочного масла, а затем перепродал его на рынке Новосибирска по спекулятивной цене. В стадии предания суду было вынесено определение рассматривать это дело в судебном заседании без вызова свидетелей, как как «их показания не противоречат показаниям обвиняемого, тем более, что обвиняемый не отрицает приписываемых ему фактов».

Правильно ли это определение? Нет, неправильно. Приняв такое решение, суд тем самым уже оценил достоверность показания свидетелей и обвиняемого. А поскольку другие доказательства в деле отсутствовали, в стадии предания суду фактически было предreshено, что обвиняемый виновен в предъявленном ему обвинении. Вот почему Верховный Суд СССР отменил вынесенный Сапарову приговор и направил дело на новое рассмотрение.

Предание суду осуществляется, как правило, судьей единолично. Однако в некоторых случаях он не вправе сам решить этот вопрос и обязан назначить так называемое распорядительное заседание, в котором, кроме судьи, участвуют два народных заседателя, а также прокурор. Коллегиальный порядок предания суду применяется: а) когда судья не согласен с выводами обвинительного заключения; б) при необходимости изменить меру пресечения, избранную обвиняемому на предварительном следствии; в) если обвиняемый несовершеннолетний; г) если обвиняемому за совершенное им преступление грозит исключительная мера наказания (статья 36 Основ уголовного судопроизводства).

Рассмотрение дела в распорядительном заседании начинается докладом судьи. Затем высказывает свое мнение прокурор. Если ранее в суд поступили какие-либо ходатайства обвиняемого, его защитника, потерпевшего или других участников процесса (об истребовании дополнительных доказательств, о приобщении к делу справок, документов и так далее), то эти лица могут быть вызваны в распорядительное заседание и заслушаны в связи с заявленными ими ходатайствами. Вызов свидетелей и экспертов не допускается. После того как прокурор выступит с заключением по поводу ходатайств, судья и народные заседатели удаляются в совещательную комнату и выносят определение.

В зависимости от выясненных судом обстоятельств это определение может содержать одно из следующих решений: возвратить дело прокурору для дополнительного расследования, приостановить производство, передать дело по подсудности, прекратить дело. Во всех перечисленных случаях дело по различным причинам не направляется для рассмотрения по существу. Но если никаких препятствий для дальнейшего движения дела нет, выносится определение о предании обвиняемого суду. С этого момента обвиняемый становится подсудимым.

В определении распорядительного заседания или постановлении судьи о предании обвиняемого суду должен быть решен также ряд частных вопросов, связанных с подготовкой дела к судебному разбирательству: об участии прокурора, общественного обвинителя или общественного защитника; о лицах, которые должны быть вызваны в судебное заседание в качестве подсудимых, потерпевших, свидетелей и экспертов; о месте и времени судебного разбирательства и другие.

Лишь после того как будут выполнены все условия, обеспечивающие нормальный ход предстоящего судебного разбирательства, дело может быть рассмотрено судом по существу.

В. САВИЦКИЙ,
доктор юридических наук

Наши интервью

Жить и работать без правонарушений

Такое обязательство взял на себя коллектив крупнейшего в стране Новокраматорского ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции машиностроительного завода имени В. И. Ленина.

Наш специальный корреспондент Н. Гаврилова попросила секретаря партийного комитета Евгения Александровича Мацегору, его заместителя по идеологической работе Бориса Дмитриевича Первака, председателя завкома профсоюза Владимира Иосифовича Гулакова, начальника юридического отдела Владимира Александровича Волкова рассказать о том, как эти обязательства выполняются.

Корреспондент. Евгений Александрович, расскажите, пожалуйста, что включают в себя взятые коллективом предприятия обязательства — жить и работать без правонарушений?

Е. А. Мацегора. Прежде всего строгое соблюдение советского законодательства о труде, охране социалистической собственности, установленной правопорядка; активную повсеместную борьбу с антиобщественными явлениями. Особенностью нового движения является его массовость. «Образцовый общественный порядок — дело каждого» — таков один из наших лозунгов.

Корреспондент. Несомненно, что в этих условиях большое значение приобретает пропаганда правовых знаний. У вас на заводе большой юридический отдел. Хотелось бы знать, какой вклад в это дело вносят заводские юристы? Этот вопрос к вам, Владимир Александрович.

В. А. Волков. Пропаганду советских законов коллектив нашего отдела считает одной из своих первостепенных обязанностей. Ведь не секрет, что многие правонарушения — результат незнания трудящимися своих прав и обязанностей, правовой некомпетентности руководящих кадров. Поэтому мы систематически проводим семинары по изучению основ трудового законодательства по 4-, 6- и 8-часовой программе.

Руководители цехов и начальники отделов изучают трудовое право по двадцатичасовой программе. Кроме того, для широкого круга трудящихся в соответствии с планами партийного комитета и завкома профсоюзов организован постоянно действующий лекторий. Темы лекций всегда конкретны, например: «Трудовые споры и порядок их рассмотрения», «Дисциплина труда, дисциплинарная ответственность и материальная ответственность на производстве», «Оформление на работу, переводы на другую работу, расторжение трудового договора» и так далее. Юристы выступают не только в цехах, но и на агитплощадках домоуправлений, в Доме культуры, в заводском профилактории. Помимо этого, у нас в отделе трудящиеся в любое

время могут получить лично и по телефону юридическую консультацию или справку. Охотно предоставляет свою трибуну сотрудникам нашего отдела заводская многотиражная газета «Машиностроитель».

Е. А. Мацегора. Мы уже имели возможность убедиться на опыте, что широкая пропаганда правовых знаний способствует росту самосознания трудящихся, воспитанию у них чувства гражданского долга.

Корреспондент. Владимир Иосифович, какое участие принимают заводские юристы в комиссиях завкома по охране соцзакононости?

В. И. Гулаков. Собственно говоря, у нас одна комиссия, она так и называется — комиссия по охране социалистической законности. Но в нее входит ряд подкомиссий: по соблюдению трудового законодательства, охране труда, трудовым конфликтам, охране социалистической собственности, по работе с несовершеннолетними. Сами названия говорят об их назначении. В состав комиссий входят передовики производства, заслуженные и всеми уважаемые люди.

Рейды, смотры, проверки, которые они проводят, как показывает жизнь, довольно эффективно содействуют повышению авторитета советского закона, строго охраняющего интересы рабочих и служащих.

Заводские юристы состоят членами этих комиссий. Юридический отдел, кроме того, руководит правовой учебной профсоюзного актива — членов комиссий, товарищеских судов, народных контролеров.

Корреспондент. Все мы знаем, что важно не только разъяснить закон, нужно еще сделать так, чтобы его соблюдение стало внутренней потребностью, гражданской совестью каждого человека. Как решается эта задача у вас?

Б. Д. Первак. Ни для кого не секрет, что только трудовой коллектив может создать такую моральную атмосферу, которая будет способствовать всестороннему совершенствованию личности, развитию отношений подлинного товарищества и взаимопомощи. Поэтому партийный комитет с исключительным вниманием относится к поддержанию здорового нравственного климата в коллективе предприятия, к укреплению и развитию сложившихся на заводе рабочих традиций. Повышается у нас и роль таких могучих средств общественного воздействия, как рабочие собрания, товарищеские суды, советы рабочей совести. Их усилия направлены против прогульщиков, бракоделов, рвачей — всех, кто своим поведением пятнает гордое звание рабочего человека.

Корреспондент. И последний вопрос. Прошел уже год с тех пор, как ваш коллектив выступил инициатором движения за образцовый общественный порядок. Каковы же достигнутые результаты?

Е. А. Мацегора. Сказать, что мы уже добились полного воплощения выдвинутого лозунга «Жить и работать без правонарушений», нельзя. Тем не менее количество правонарушений трудящимися завода сократилось вдвое. И пока в движении за общественный порядок наш коллектив держит первое место среди предприятий города.

Поучительные рассказы из судебно-следственной практики

Юридический конкурс

ЗА БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ...

Константин Павлович Чугунов давно мечтал об автомобиле, да никак не удавалось скопить денег. И все-таки случай приобрести машину представился — послали Чугунова на Таймыр, в длительную командировку. «Как раз к возвращению и очередь подойдет на «Москвича», — прикинул он и оставил свои новые, северные «координаты» в автомагазине.

...Через полтора года Чугунов возвращался домой. В самолете разговорился с соседом. Познакомились. Чугунов показал ему открытку из автомагазина — подошла очередь на «Москвич-412». Сосед назвался Семеном Георгиевичем Гольским. Десять лет он проработал на Севере, теперь ехал в Краснодарский край на постоянное жительство. Тоже страстный автолюбитель.

— Новые «Москвичи» — отличные машины. — мечтательно сказал Гольский. — За такую и переплатить можно. Только вот ждать очереди долго. — И неожиданно предложил Чугунову: — Продай мне, Константин, свою машину. Я за ценой не постою — как-никак десять лет на Крайнем Севере работал.

Чугунов впервые оказался в такой ситуации — ни за что ни про что можно получить немалые деньги. Конечно, жаль терять автомобиль. Но ведь смотря сколько даст Гольский — а то можно будет потом кроме машины и кооперативную квартиру дочери купить. Только сделка эта беззаконием пахнет. Однако решился.

— Была не была. Тысяч восемь дашь — «Москвич» твой. Три тысячи мне в руки, один на один. Остальные получу в комиссионном магазине.

— Ну что ж, по рукам, — обрадовался Гольский.

Так и поступили. Чугунов в короткий срок успел купить, поставить и снять с учета в ГАИ свой «Москвич» и даже перегнать его в комиссионный. Три тысячи, которые до этого ему передал Гольский, он сразу положил в сберкассу. Остальные 4900 (так оценили машину) магазин ему перечислил на личный счет.

После этого Чугунов вновь записался в очередь на машину. В автомагазине его еще помнили — ведь только несколько дней назад получал машину, а уже снова пришел... Сообщили в ОБХСС, где уже лежало заявление брата Гольского, случайно узнавшего об этой незаконной сделке.

Вскоре Чугунова вызвал следователь. «Ясно, из-за продажи «Москвича»,— решил он.— Но бояться нечего: насчет трех тысяч никто не знает и не докажет. Машину продал потому, что нужны деньги на кооперативную квартиру для дочери. Продажа состоялась через комиссионный магазин».

Однако следователю было известно гораздо больше, чем он предполагал. Чугунова привлекли к уголовной ответственности...

ОТВЕТ НА ЮРИДИЧЕСКИЙ КАЗУС, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 6

Андрей Суровцев не был в сговоре со своими приятелями, не участвовал в разбое. Не совершал он и никаких активных действий, направленных на укрывательство разбойного нападения. И тем не менее он виновен.

Суровцев знал, что готовится преступление. Ему было известно и о совершенном разбойном нападении и какие оно имело последствия. Суровцев обязан был сообщить о готовящемся преступлении, а также о совершенном уже разбое в прокуратуру, милицию или суд. Для этого у него было достаточно времени. Но он этого не сделал.

По закону такое действие, а точнее сказать бездействие, квалифицируется как недонесение о преступлениях.

Недонесение о наиболее опасных преступлениях, к которым относится и разбой, является преступлением против правосудия. Ответственность наступает за то, что человек не выполнил возложенную на него законом обязанность сообщить о готовящемся или совершенном преступлении, подробности которого ему были достоверно известны.

Поэтому Суровцева совершенно справедливо привлекли к уголовной ответственности. Суд признал его виновным в недонесении о готовившемся и совершенном разбое и осудил его по статье 190 Уголовного кодекса РСФСР к трем годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии.

Санкция этой статьи предусматривает наказание в виде лишения свободы до трех лет или исправительных работ на срок до одного года.

ИНФОРМАЦИЯ... ИНФОРМАЦИЯ... ИНФОРМАЦИЯ... ИНФОРМАЦИЯ...

Начальник отдела внутренних дел исполнительного комитета Юсьвинского районного Совета депутатов трудящихся (Пермская область) постановлением от 4 августа 1972 г. оштрафовал гражданина Б. на 15 рублей за появление в общественных местах в пьяном виде, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность.

Прокурор Юсьвинского района принес протест на это постановление по следующим основаниям: согласно статье I Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 июня 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» (Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1972 г., № 25, статья 639) распитие спиртных напитков на улицах, во дворах и подъездах, на стоянках, в сверах, парках и других общественных местах, кроме предприятий торговли и общественного питания, в которых продажа спиртных напитков в розлив разрешена исполнительным комитетом местного Совета депутатов трудящихся, а равно появление в общественных местах в пьяном виде, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, влечет штраф в размере от трех до десяти рублей.

Те же действия, совершенные повторно в течение года после применения мер административной ответственности, влекут штраф в размере от десяти до тридцати рублей.

В связи с тем что Б. был впервые привлечен к административной ответственности, к нему мог быть применен штраф не более 10 рублей.

Постановление о наложении на Б. штрафа изменено.

Товарищеский суд при исполнительном комитете Сухогоаевского сельского Совета депутатов трудящихся (Воронежская область) вынес решение о взыскании за павшую корову с трех граждан пятисот рублей в пользу К...

Прокурор Верхнехавского района опротестовал данное решение, как противоречащее Положению о товарищеских судах, утвержденному Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июля 1961 г. (Вед. Верховного Совета РСФСР, 1961 г., № 26, статья 371), с внесенными в последующем изменениями и дополнениями. Согласно Положению товарищеские суды могут рассматривать дела об имущественных спорах между гражданами на сумму до пятидесяти рублей и лишь при наличии согласия на это участников спора. Стало быть, вынося решение о взыскании с ответчиков пятисот рублей, товарищеский суд превысил предоставленные ему полномочия — дело подлежит рассмотрению в народном суде.

Незаконное решение отменено.

ИНФОРМАЦИЯ...
ИНФОРМАЦИЯ...
ИНФОРМАЦИЯ...
ИНФОРМАЦИЯ...

Недавно кое-кого из жителей города Фрунзе залихорадило от предчувствия скорого получения новой жилплощади, а также от страха потерять деньги, отданные по этому поводу некой Хан. Сама она нигде не работала, но клятвенно обещала своим клиентам «достать» через знакомых квартиры. По ее словам, этих самых знакомых надо было лишь «подмазать». И простачки открывали перед мошенницей свои кошельки. Совершенно естественно, что вместо ожидаемого ордера каждому из них почтальон принес повестку в прокуратуру. Только здесь они узнали, что были самым что ни на есть простым способом обмануты.

Как выяснилось, клиентов — охотников на жилплощадь подыскивал для Хан шофер такси Грачев, за что получал «отчисления от прибыли».

Верховный суд Киргизской ССР приговорил Хан к десяти годам лишения свободы, Грачева — к восьми.

В январе 1972 года за спекуляцию золотом народный суд Ленинского района города Грозного приговорил группу лиц к различным срокам лишения свободы. Определением Верховного суда Чечено-Ингушской АССР и постановлением президиума Верховного суда Чечено-Ингушской АССР приговор был оставлен в силе.

По протесту заместителя председателя Верховного суда РСФСР судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР отменила приговор в отношении одного из подсудимых — В. М. Стегайло — за отсутствием состава преступления. Дело производством прекращено. Как выяснилось, В. М. Стегайло приобрел несколько монет не с целью наживы или спекуляции, а для коллекции, собираемой им в течение многих лет.

Логинов, работая старшим кладовщиком Красноярской лесозаготовительной базы, неоднократно отпускал потребителям лесоматериалы без нарядов, но за взятку. Брал он мзду и за содействие в погрузке этих материалов в вагоны. Таким образом Логинов получил взятки от Кушенова и Шенера из колхоза имени Абая Джамбулской области и от других лиц.

Красноярский краевой суд приговорил взяточника к десяти годам лишения свободы. Взяткодатели также приговорены к различным мерам наказания, предусмотренным законом.

ВРЕМЯ, ЗАКОНЫ, ЛЮДИ

Ф. Попов

Царская грамота и мужицкий суд

Е

сть у русского писателя Степана Гавриловича Скитальца (Петрова), пользовавшегося в свое время довольно широкой известностью, рассказ «Полевой суд». В экспозиции его изложена «странная история» Селитьбы — серого, печального, нищенски бедного села, приютившегося в долине при впадении в Волгу реки Усы и окруженного роскошно-величавой природой.

Так вот: будто бы еще при царе Иване Васильевиче Грозном пришли сюда вольные люди, новгородские ушкуйники стали стражей царства Московского. Оценив их подвиги, царь Алексей Михайлович даровал им всю эту долину, выдав соответствующую дарственную царскую грамоту.

Однако пришло время — на них распространилось крепостное право, а при Екатерине они были подарены вместе с землей, с телом и душой в «майоратное» вечное владение некоему «великолепному» графу и всему его потомству. Царская грамота стала ненужной, ее потеряли. Осталась только легенда о ней.

Но вот крепостное право пало, мужики превратились в «рабочие руки» графских имений, ибо оказались без клочка земли. И надо же случиться так, что в селе загорелась хижина какой-то столетней одинокой старухи. Добрые люди бросились спасать ее пожитки и выбросили в окно маленький старый сундучок. Он разбился, и из потайного, никому доселе не известного ящика выскочил старый пергаментный свиток с именной царской печатью. «И с тех пор,— говорится в рассказе,— двадцать лет ходили ходоки села Селитьбы по судам и палатам больших городов. Они искали все какую-то «подземельную канцелярию» и взамен ее попадали в острог или в сумасшедший дом». Тогда-то мужики и решили учинить полевой суд...

У читателя рассказа С. Скитальца невольно складывается впечатление, что вся эта история имеет фольклорное происхождение, что сквозь нее просвечивает сказка, легенда, фантазия. К такому ее восприятию вроде бы подводит и сам автор, помянув попутно и про волжских разбойников, некогда промышлявших в этих местах, и про Девичью гору, обязанную своим названием легенде о сброшенной с нее в Волгу невинной девушке, и про «красный терем с высоким окном», где воеводина жена тайно принимала удалого молодца, и даже про кровожадного Кудеяра и похищенную им красавицу..

Оказалось, однако, что история эта — не вековечный золотой сон крестьянства о земле и правде, не обращенная в легенду столь же вековая мужицкая иллюзия о милостивом царе-батюшке и не плод творческой фантазии писателя. Скиталец очень правдиво обрисовал реальные события, находящие подтверждение в документах,

обнаруженных нами в Куйбышевском областном архиве. Правда, эта трагедия разыгралась не в Селитьбе, как написано в рассказе, а в двух рядом расположенных деревнях — Русская Борковка и Мордовская Борковка, что в пяти верстах от Ставрополя Самарского. Землей, которую пытались отсудить местные крестьяне, владел граф Орлов-Давыдов.

Не от хорошей жизни затеяли крестьяне спор с сиятельным графом. В 1899 году (время описываемых в рассказе событий) в Русской Борковке было 256 крестьянских дворов, жителей 1271 человек, а наделной земли у них — всего 396 десятин. Не в лучшем положении были и крестьяне Мордовской Борковки. Там на 227 дворов и 1014 жителей приходилось 443 десятины.

Ничтожные земельные наделы при тогдашней технике обработки земли не могли прокормить крестьян, и они часто голодали. А кругом — необозримые поля графа!

Но это еще не все беды борковских мужиков. Начальник Самарского губернского жандармского управления в политическом обзоре за 1899 год, касаясь причин выступления борковских крестьян, вынужден был отметить:

«...Крестьянские наделы находятся окруженными владениями графа Орлова-Давыдова, причем управляющий графа за всякое мелкое нарушение крестьянами прав владельца, за всякую перешедшую границу лошадь, корову, овцу — взимал с крестьян штраф. При этом крестьяне не имели в своих наделах ни воды, ни леса».

Как рассказывают документы, в вещах одной умершей старушки в Мордовской Борковке действительно были обнаружены какие-то старинные бумаги и среди них — грамота царя Алексея Михайловича о пожаловании предкам жителей Борковок 7666 десятин земли.

Царская грамота взбудоражила жителей обеих Борковок, вселила в них сладкую надежду на улучшение жизни. И они решили отсудить землю у графа.

Шестнадцать лет, с 1883 года, крестьяне Русской и Мордовской Борковок хлопотали в различных правительственных учреждениях в Самаре и в Петербурге о возвращении им этой земли. Но, разумеется, хлопоты были безрезультатны. И тогда у крестьян созрело решение о полевом суде.

Картина полевого суда в рассказе С. Скитальца столь впечатляющая и правдивая, что хочется воспроизвести ее хотя бы фрагментарно: *«...Тысячная толпа с женами и детьми, с целым табором телег, сох и лошадей расположилась в поле.*

...Около межи, в центре всего табора, стояло два больших стола, накрытых скатертью.

На одном из них лежали предметы и церковная утварь для молебна.

На другом столе были приготовлены письменные принадлежности — перо, чернила, бумага, и лежала знаменитая кожаная сумка с «царской грамотой».

...Накануне этого дня крестьяне села Селитьбы собрались на сходе и составили приговор о «полевом суде».

Решили они выехать в поле, созвать туда со всей округи «окольных людей», пригласить графского управляющего, уведомить об этом исправника и земского начальника и в присутствии окольных людей, пред лицом начальства, показать управляющему «царскую грамоту», а затем потребовать, чтобы и он положил на стол рядом с ней те документы, по которым граф владеет землей. И тогда — как решат окольные люди, так и будет: коли присудят землю графу — покориться и разойтись, а присудят мужикам — то запахать ее тут же, торжественно, всем селом: пусть тогда граф судится и сам доказывает свое право.

...Скоро к табору подкатила щегольская коляска, запряженная парой вороных лошадей. Коляску сопровождал наряд конных урядников.

Мужики стихли и сняли шапки.

Из коляски медленно вышло начальство.

...Исправник быстрым взглядом окинул море голов, табор, костры и сохи и спросил мягким, хриловатым басом:

— В чем дело? Зачем собрались?

Вся толпа заговорила разом. Даже бабы что-то кричали, волнуясь и поднимая руки к небу.

Исправник замахал рукой:

— Тише! Молчите! Говори кто-нибудь один...

...Стал говорить Башаев, молодой, лет тридцати, живой, энергичный мужик небольшого роста, с курчавой, светлой бородкой.

— Ваше благородие! — взволнованно, смело, звонким голосом крикнул он. — Мы не воровать приехали! Мы приехали свою землю пахать! Свою! Будьте свидетели! Вот здесь налицо господин управляющий, а вот окольные, посторонние люди — мы сами их призвали! Пусть нас здесь рассудят, будем в поле судиться, как наши прадеды судились! Ваше благородие! Посмотрите: вот на этом столе лежит царская грамота, царская! Дарственная! От самого царя Алексея Михайловича. Наша земля! Почему ж ей владеет граф? Пускай господин управляющий положит на другой стол графскую грамоту! Може, его грамота сильнее — тогда мы уедем, там уже окольные

люди будут судить! Мы требуем, нам желательно, чтобы показал, положил... Мы двадцать лет... Пусть положит!

Звонкий голос его разносился по всему полю.

— Пусть положит! — густо откликнулась толпа.

...Исправник замахал платком.

Когда гул затих, он выпрямился, тряхнул волнистой бородой и закричал, напрягая грудь:

— Предупреждаю!.. Вы затеваете противозаконное! Никакого полевого суда нет и быть не должно! Убеждаю вас разойтись по домам!

— Не разойдемся! — загремело кругом.

...Земский начальник давно уже весь трясся от злости. Бледный, с потемневшими горячими глазами, он протолкался вперед и что-то кричал рыкающим голосом, грозя кому-то кулаком.

Рев толпы стал затихать.

— Запрещаю!.. — услышала она грозный окрик.— Уйдите!.. Бунт!

При этом слове все сразу стихло. Словно разом вспомнили все уговор не давать повода к обвинению их в насилии. Толпа словно подавила в себе что-то. Только где-то позади опущенных долу голов вынырнула черная хохлатая голова с дерзкими, острыми глазами, и среди внезапной тишины прозвучал насмешливый, спокойный голос:

— Эй, ваше благородие! Ваше дело — только запрещать! Все вы закуплены графом! Мы ляжем костьми, а не уйдем! Так и знайте!

— Не уйдем! — опять загудела толпа.— Бунтовать мы не станем: мы по закону! Кабы захотели, давно бы... как пыль с лубка стряхнули!

Толпа оскорбленно рычала.

— Господа окольные люди! — нараспев зазвенел голос Башаева.

Он показался на столе, видный всем, и, протягивая народу развернутую хартию, не то кричал, не то пел:

— О-коль-ны-е лю-ди-и! Видели вы нашу царскую грамоту? Вот она-а! Глядите! Вот-от! Видели?

— Видели! — ухнула тысяча голосов.

— А управитель.. своей графской грамоты.. не пока-за-а?

— Не показал! — прокатилось по всему полю.

— Стало быть — чья земля?

— Ваша! — в один голос грянули «окольные люди».

— А коли на-ша-а,— торжествующе продолжал Башаев, все повышая и повышая свой звонкий голос и возбуждением своим заражая толпу,— коли она, матушка, на-аша, то как же повелите вы сделать нам, господа окольные люди? Па-ахать?

— Пашите! — загрохотало поле».

И крестьяне начали пахать. Три дня жили они в поле всем табором, не отпуская от себя окольных людей, дожидаясь губернатора, которого обещали вызвать исправник и земский начальник. На четвертый день явился губернатор, окруженный конной стражей, а за ним везли воз свежих розог, нарезанных в графском лесу.

Еще раз обратимся к тексту С. Скитальца.

«...Не говорил — визжал губернатор... Клейкая слюна брызгала из его рта на золотое шитье мундира.

Начал он речь свою словами: «бездельники», «разбойники», а кончил криком: «Будете наказаны!»

И велел схватить «зачинщиков».

Было их схвачено сорок три, самых старых, самых почтенных, самых уважаемых, лучших людей Селитьбы.

Тут же, на захваченной земле, положили их.

Лежали они на родной земле, окруженные густым кольцом губернаторской стражи, и слышно было, как свистели в воздухе длинные прутья да раздавались глухие, сдержанные, словно подземные, стоны.

Толпа безмолвно и неподвижно стояла здесь же, и слезы текли по лицам людей...

На мужицкие же телеги замертво положили их, окровавленных, и повезли, как везут с бойни освежеванное мясо.

Кровавая лужа осталась на месте казни».

И опять же: можно подумать, что писатель, побуждаемый своими революционными настроениями, сгустил краски, изобразил события крайне тенденциозно. Однако вот строго секретное письмо предводителя дворянства Ставропольского уезда самарскому губернатору, написанное в апреле 1914 года, то есть через пятнадцать лет после событий, о которых идет речь в рассказе Скитальца. Предводитель — владелец поместья, расположенного недалеко от Борковок, был в курсе событий июня 1899 года. Он писал: «В назначенный день крестьяне бывших графских вотчин выехали в поле, куда собралась из смежных селений толпа крестьян в несколько тысяч человек. Руководителем всего происходившего был крестьянин Башаев. (Как видите, писатель, не желая отступать от жизненной достоверности, даже сохранил его подлинную фамилию.— Ф. П.).

Крестьяне требовали, чтобы к ним выехал в поле управляющий графа Бек. На поле явилась полиция во главе с исправником и земский начальник. Крестьяне требовали, чтобы управляющий Бек предъявил им планы и «крепости» на землю. Бек... заявил им, что документы могут быть предъявлены только суду, разобраться же в них на поле невозможно.

После этого Башаев заявил окружающим крестьянам, что доверенный графа отказался предъявить документы на землю потому, что они неправильные; у них же, крестьян, имеется грамота царя Алексея Михайловича, которою земля, находящаяся в настоящее время во владении графа, была отписана их предкам. Вслед за этим Башаев обратился к окружающей толпе с вопросом:

— Православные миряне, признаете ли землю нашей?

Вся толпа закричала:

— Ваша, ваша!

Процедура эта повторялась три раза, и затем Башаев разрешил крестьянам бывших вотчин графа немедленно приступить к распашке его земли.

Плуги уже были наготове, и крестьяне, несмотря на предупреждение исправника и земского начальника, поехали распахивать землю.

Полиция все время находилась на поле, но была бессильна что-либо предпринять ввиду собравшейся тысячной толпы крестьян.

Вслед за этим в Никольскую волость были введены войска, и крестьяне, главные виновники беспорядков, были преданы суду и понесли соответствующее наказание».

Предводитель дворянства умолчал лишь об экзекуции, которой подвергли крестьян. Но об этом находятся свидетельства на страницах самарской либеральной газеты «Волжское слово» за декабрь 1906 года, когда Самарский окружной суд судил большую группу опять же борковских крестьян за разгром графских хуторов в 1905 году. Напомнив о событиях 1899 года, газета писала:

«Из Самары спешно отправили целый батальон солдат. Сняли всех пассажиров с огромного парохода, погрузили солдат с повозками, котдами — настоящий поход! И отправили войной на безоружную деревушку.

Расправа была короткой и беспощадной. Усмирённых крестьян секли. Крестьянин Шарков с рукой, уже перебитой прикладом, был признан «зачинщиком» и тут же подвергнут наказанию... Его повалили. Земский начальник Яровой сел ему на ноги, чтобы не брыкался. Дали двести ударов».

Есть и еще одно свидетельство о расправе, на сей раз свидетель — очевидец. В январе 1918 года в самарской газете «Земля и воля» были напечатаны воспоминания И. А. Кутерева, который, будучи подростком, пришёл на поле, когда крестьяне уже приступили к распашке. Вот что он писал:

«Наступило 2 июня. День был жаркий, солнечный. Я, поступивший тогда лишь во 2-й класс городского училища, пришел с товари-

щами на барское поле часам к 12 дня. Картина была неизгладимая. До 500 сох были за работой. Крестьяне без шапок, в одних рубахах, стройными рядами шли за сохами... Лица серьезные, ни одной улыбки. Все чувствовали важность переживаемого момента. Тысячи любопытных, пришедших из окрестных сел за 15—30 верст, стояли по всему полю, сбивались кучками.

Приказчики, объездчики, лесники, сторожа графа, урядники, стражники делали свое дело. Одни перебегали от одних пахарей к другим, уговаривали бросить пахать, грозили, хватили за поводья лошадей. Другие неслись на сытых барских лошадях из экономии в Ставрополь и обратно, расточали бурные потоки угроз и проклятий...

3-го июня работа продолжалась. Полиции на поле было меньше: теперь она, перепевшись в крестьянское платье, шныряла по кучкам крестьян, которых прибывало сюда все больше и больше, выслушивала разговоры и заносила в свои синодники. В этот день в поле состоялись митинги, говорились речи.

Утром 4 июня разнесся слух, что вот-вот на пароходе должен приехать в Ставрополь из Самары губернатор с солдатами...

После полудня из лесу послышались звуки походного марша. Толпа, около которой мы стояли, затаила дыхание... Оратор, говоривший перед тем стоя на столе, оборвал свою речь на полуслове. Глаза всех устремились на лес, откуда все яснее и яснее раздавались звуки музыки. Из бора выехала коляска с губернатором, его свита, а несколько минут спустя, стройными рядами, с винтовками «на плечо» вышел и батальон солдат, привезенных губернатором из Самары.

Место оратора на столе занял губернатор Брянчанинов, весь красный, в белом кителе, с голстой тростью в руках. Пахари побросали работу, и весь народ, бывший на поле, образовал общий круг. Солдаты выстроились тут же»

Далее Кутерев рассказывает об экзекуции: «Секретарь по спискам, преподнесенным ему полицией, выкрикивал имена виновных, те подходили без шапок, некоторые разутые, минута молчания, затем грозный приказ: «Семьдесят пять!»

Мужичок крестился, ложился на скамью и закрывал глаза... Стоны мучеников, плач зрителей, с одной стороны, суровые, зверские лица судей, шашки наголо полиции, выстроенные ряды солдат с винтовками и усердная работа палачей — с другой».

И здесь, снова — как близок рассказ Скитальца к сохранившемуся документу истории!

Итак, «зачинщики» были «наказаны», как деликатно писал став-

ропольский предводитель дворянства. Башаев и несколько других крестьян осуждены на много лет тюрьмы.

На этом заканчивается и рассказ Скитальца, написанный в 1905 году. Но то была только первая глава драмы борковских крестьян. События, разыгравшиеся вокруг царской грамоты, далеко не завершились.

Царскую грамоту у крестьян отняли — ее приобщили к судебному делу Башаева. Начальству казалось, что крестьяне уймутся. Однако не прошло и года после суда над Башаевым и другими, как крестьяне снова начали хлопотать. Но пока еще не о земле, а о возвращении царской грамоты, чтобы затем снова предъявить свои требования на землю.

Хлопоты о возвращении отобранной грамоты велись от имени жены Башаева, поскольку грамота была приобщена к делу ее мужа. Но в самодержавной России власти были скоры только на расправы. Прошел год, другой, третий, четвертый, а вопрос о грамоте не сдвинулся с места.

Наступил 1905 год. Вслед за рабочими волнениями начались выступления крестьянства. В Самарской губернии аграрное движение особенно широко развернулось с осени 1905 года.

Не остались в стороне от бурных событий Русская и Мордовская Борковки. Здесь у всех еще свежа была память о зверской расправе с беззащитными людьми в 1899 году. И в ноябре 1905 года крестьяне Русской и Мордовской Борковок в первую очередь разгромили Борковский хутор графа Орлова-Давыдова (история знала и такие формы классового возмездия!) — тот самый хутор, близ которого производилась экзекуция в 1899 году.

Дошла очередь и до других хуторов и экономий Орлова-Давыдова в Никольской волости. Крестьяне разогнали стражу, разобрали графских лошадей и другой скот, увезли инвентарь, хлеб из амбаров.

Вспомнили они и о земском начальнике Яровом, о котором даже начальник губернского жандармского управления писал, что он «своими пристрастными решениями, грубостью и нетрезвым поведением озлобляет крестьян». Имение Ярового постигла такая же участь, как и хутора Орлова-Давыдова.

После подавления революции 1905 года по деревням вновь свистели розги и казацкие нагайки, а суды были завалены делами участников аграрного движения. Вожак борковских крестьян тоже судили. Снова большая группа была отправлена в тюрьмы и на казнь.

Но мечту крестьян о земле не могли заглушить ни кровавые рас-

правы, ни звон кандалов. Думы о «царской грамоте», которая, как считали борковцы, давала им в руки бесспорное доказательство их права на землю, не исчезли. И крестьяне, в наивной уверенности, что, имея на руках грамоту, они через царский суд добьются справедливого решения о земле, снова начали хлопоты. Но теперь они обратились за помощью к адвокатам.

За это дело взялся либеральный самарский адвокат, присяжный поверенный В. В. Ветров. Действовал он как поверенный крестьянки Башаевой. Муж ее к тому времени уже погиб в царских застенках. Ветрову удалось преодолеть все судебные рогатки и выхлопотать грамоту. 28 июня 1911 года он получил ее в суде и в тот же день передал своей доверительнице Башаевой. Целых одиннадцать лет продолжалась судебная волокита о возвращении грамоты!

А в ноябре 1911 года крестьяне возобновили свою тяжбу с графом. Избрали ходоков. От Русской Борковки — Ивана Сергеевича Фадеева, от Мордовской Борковки — Алексея Тимофеевича Чернова.

Разумеется, действия крестьян не остались тайной для властей. За Фадеевым и Черновым был установлен строгий надзор полиции. Вскоре начальству было сообщено: Фадеев и Чернов ездили в Петербург, откуда вернулись в ноябре, а 3 декабря вновь оглавились туда же.

Но еще до отъезда ходоков, 2 декабря 1911 года, самарский губернатор направил представление министру внутренних дел. Он писал, что Фадеев и Чернов «крайне вредно влияют на крестьян», и просил министра в административном порядке выслать Фадеева и Чернова из пределов Самарской губернии.

В царской России требования и ходатайства простого народа маркировались годами и десятилетиями. Но что касается карательных мер, тут машина работала быстро и четко. В феврале 1912 года губернатор уже получил ответ из Петербурга:

«По рассмотрении особым совещанием обстоятельств дела о крестьянах Иване Сергеевиче Фадееве и Алексее Тимофеевиче Чернове, избличенных в агитации, направленной к возбуждению односельчан против местного землевладельца, г-н министр внутренних дел постановил: выслать Ивана Фадеева и Алексея Чернова в Олонешскую губернию под гласный надзор полиции на два года каждого».

В начале марта 1912 года Фадеев и Чернов были взяты под стражу и отправлены этапным порядком на место ссылки. Так совершилось царское «правосудие».

Но и этим дело о «царской грамоте» не кончилось. По прибытии на место ссылки Фадеев и Чернов подали прошения: не зная за собой никакой вины, они настаивали на освобождении.

Нам не удалось установить дальнейшую судьбу Фадеева — в архивных документах о нем больше нет никаких сведений. Возможно, что на кладбище той деревушки, куда загнали его царские сатрапы, прибавился еще один могильный холмик. А Чернова в августе 1913 года освободили, и он вернулся в свою деревню.

Опять начались разговоры о земле. Чернов был убежден, что, если взяться за дело умело и с участием адвоката, спор с графом может быть решен судом в пользу крестьян.

В феврале 1914 года сельский сход Мордовской Борковки утвердил «приговор» (постановление), которым А. Т. Чернову и В. Ф. Чекашеву давались полномочия вести дело о земле. (Через несколько дней вместо отказавшегося Чекашева уполномоченным был избран С. В. Горбунков). На этот раз уполномоченные установили контакт с самарским адвокатом, который помог им составить документы по всем юридическим правилам.

Власти опять всполошились. Ставропольский предводитель дворянства Сосновский, пересылая приговор борковских крестьян губернатору, писал: «Я придаю серьезное значение приговору, так как и 15 лет тому назад беспорядки начались также с подобного приговора...».

Власти попали в довольно щекотливое положение: сельский сход, утверждая свой приговор, текст которого был составлен самарским юристом, не нарушал никаких законов, и потому ни к чему нельзя было придрататься. Ставропольский предводитель дворянства обращал на это обстоятельство внимание губернатора: «Прилагаемый приговор не может быть не допущен к исполнению, так как не выходит из пределов ведения сельских сходов, указанных в законе».

И властям не оставалось ничего иного, как установить неотступное наблюдение за крестьянами двух Борковок и за их уполномоченными.

Летом 1914 года, когда началась первая мировая война, дело борковских крестьян о земле приостановилось. Однако наблюдение за ними и за их уполномоченными продолжалось до самой революции. В архиве сохранилось донесение ставропольского уездного исправника от 16 октября 1916 года: «Состоящий под негласным надзором полиции проживающий в дер. Мордовской Борковке А. Т. Чернов перешел на жительство в Ставрополь, где за ним и учреждено негласное наблюдение». (Нам удалось установить и дальнейшую судьбу А. Т. Чернова. С 1917 года он работал лесным сторожем в лесничестве близ Самары, потом в одном из учреждений в городе. По словам его дочери, которая живет в Куйбышеве, в конце 20-х годов Чернов обратился с просьбой к М. И. Калинину о назначении ему

персональной пенсии. Пенсия ему была назначена, и он переехал на жительство в Ставрополь Самарский, где в 1939 году в возрасте 90 лет скончался.)

...Вот она, эта многолетняя, многострадальная «странная история». Чем бы завершилась она? Ведь совершенно очевидно, что никакая царская грамота, никакой полевой суд при участии тысяч окольных людей, никакие самые мудрые и удачливые адвокаты не смогли бы в условиях царизма помочь крестьянам отсудить их землю. Так бы и тянулась, говоря словами С. Скитальца, «эта бесплодная история — бесконечная, старая, обыкновенная, всем надоевшая история мужичьей темноты, подавленности и несправедливости».

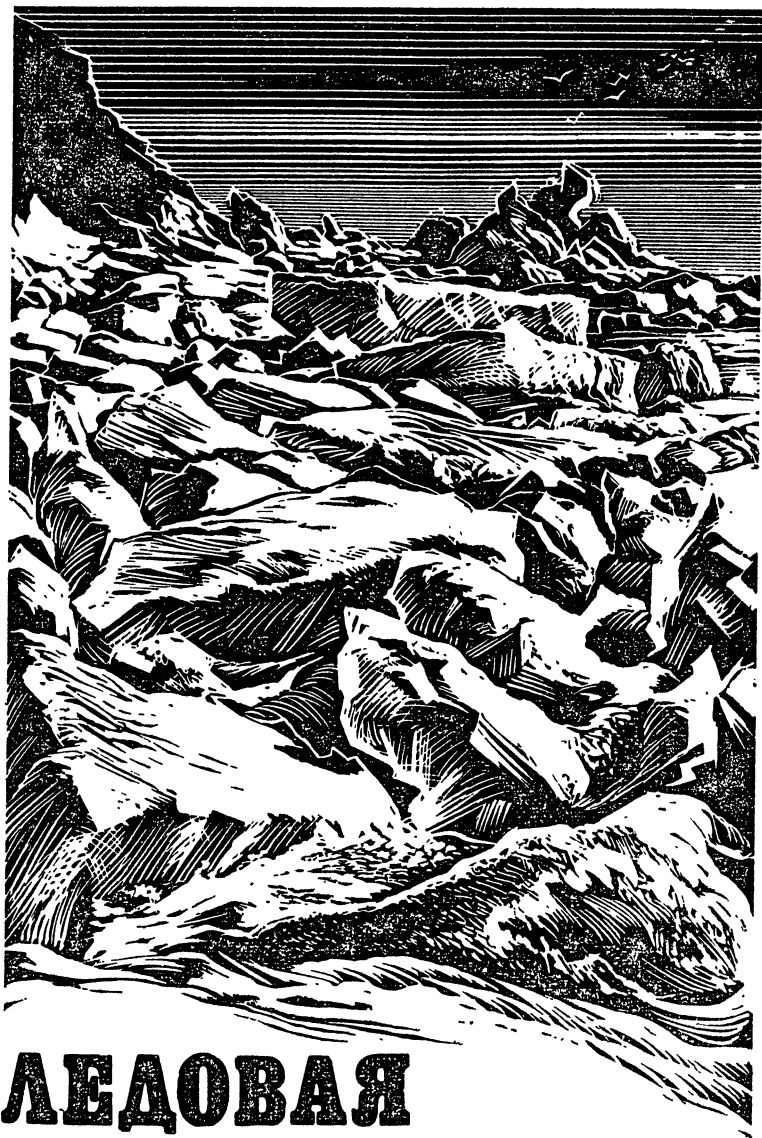
И только Великая Октябрьская социалистическая революция навсегда разрешила давний спор крестьян Борковок и всех других селений России с помещиками. Ленинский Декрет о земле осуществил вековую мечту крестьян. Земля стала всенародным достоянием.

Восторжествовала историческая правда. Восторжествовало социалистическое право.

Рисунок С. ХАЛИЗОВА

АНДРЕЙ МЕРКУЛОВ

ПОВЕСТЬ

ЛЕДОВАЯ СВАДЬБА

Меньше всего Багров был похож на кабинетного обитателя. Но, постучав утром к нему в комнату, которая была одновременно рабочим кабинетом, Веснина удивилась его мирному служебному виду: он даже был в очках. Сейчас Багров больше всего походил на средних лет отца семейства, при котором дегям говорят, чтобы очень не шумели, папа занят...

— Садитесь, пожалуйста,— сказал он и снял очки, чуть прикрыв свои зоркие глаза: очевидно, от чтения бумаг устали. Можно было подумать, что он всю ночь просидел над папками.

Веснина села у стола, как раз под картой острова, ставшей теперь, после поездки по острову, такой знакомой и понятной.

Жест, каким Багров положил на стол надоевшие очки, обезоружил ее и настроил мирно.

— Если коротко рассказать вам о зимовке, чем мы тут занимаемся, тем более что остров вы уже немного видели,— сказал Багров,— надо начать с общей теории дрейфа льдов и чем мы можем быть полезны навигации, не считая ежедневных сводок погоды, которые входят в международный прогноз. Вы бы кое-что почитали. У нас хорошая библиотека. Хотя вашему брату, к сожалению, вникнуть в дело всегда бывает некогда.

— Кое-что я уже читала перед тем, как отправиться к вам. То, что посоветовали в вашем управлении. Правда, многого не успела, но библиотека у вас действительно хорошая. Я уже ее смотрела, здесь почти все есть по моему списку. Может быть, вы еще подскажете?

— Можно посмотреть ваш список?

— Пожалуйста.

— Действительно, то, что надо. Очень мило. Отмечено как раз то, что вы прочли?

— Ну да.

— Тогда мне остается объяснить лишь конкретные вещи, относящиеся именно к нашей зимовке. В свое время я доказывал, что на этом острове она может быть очень полезна. К таким же выводам независимо от меня позже пришел Федотов. Он у нас теоретик. Зимовка тогда была только что создана, и я взял его к себе.

— Как называется точно его профессия?

— Ледоисследователь. Это самое верное слово. А вообще у нас профессии часто бывают смежные. Это все равно что выяснять, кто был Нансен или Амундсен. Гидролог, специалист по морским или речным бассейнам, не может не заниматься проблемой льда. Гляциолог, знаток льда, не может не интересоваться морскими течениями, составом воды, а также метеорологией — изучением погоды, чему все мы, в конце концов, служим. Я, например, по основной своей специальности климатолог, однако больше всего последнее время занимался устройством этой полярной станции, совсем администратором стал, если хотите,— даже диссертацию до сих пор не успел защитить, черт бы ее побрал!

— Понятно.

— Так вот, мы с Федотовым уже много лет работаем над тем, чтобы внести хоть небольшую ясность в картину дрейфа в районе этого острова.

— Сколько же лет?

— Я уже девять, а он шесть... Федотов здесь существует по принципу природности, если хотите. Где лед, там Федотов. Такая у него природа уже сложилась. Если его все же в колонию запрячут, он будет мечтать, чтобы в северную.

— А Кучумов по какому принципу?

— Кучумова не я брал. Это тоже подарок природы, если хотите.

— Как это понять?

— Очень просто. Его нам предложил отдел кадров, я поговорил с ним раз, еще на побережье, и отказался, а потом взял. Да еще на всех его условиях, с женой и своими собаками.

— Значит, вам его навязали?

— Ничуть. Другого не было. Совсем. Начисто. Понимаете? И он это знал, Кучумов. Потому и держался самоуверенно. А я, старый дурак, ведь с самого начала уже думал, что добром с ним не кончится...

— Неужели он казался таким опасным? Один среди всех?

— На маленькой зимовке и один плохой человек много напортит в совместной жизни. Он нам не помогал, а мешал работать — понимаете? Сволочь он был. Хоть и нехорошо так про покойника.

— Действительно, сейчас вам не к лицу его ругать.

— Так ведь я цензурно.

— Все равно. Тем более что он был простой рабочий.

Багров не выдержал.

— Он? Да это я простой рабочий. Все что надо я своими руками делаю. Что у вас за мода зачислять в рабочий класс по низшему уровню грамотности? Где и когда мы живем? Осколиков, шофер, дизелист, — вот настоящий рабочий. Кантиков, бортмеханик самолета, — рабочий. У пилотов в паспорте пишут — рабочий. А Кучумов ведь даже не настоящий каюр. Просто неандерталец, усвоивший от всей цивилизации только два достижения: выпивку и деньги.

— Но если его собакой стукнуть, грамотней он не станет.

Об этой истории с мертвой собакой она подробно слышала от Казначева во время поездки по острову. Они сидели с ним на нартах около охотничьей избы, где произошло несчастье, и Казначев не торопясь рассказывал:

— Собака эта была послабей других, и псы ее все равно загрызли бы, да я нарочно все ее подкармливал, даже шоколад давал, вот она и отъелась. Однако не повезло. В ящиках оступилась и сломала ногу. И главное, сразу ко мне приковыляла. Мы ее с доктором Кошкиным вылечили, распустили ногу. Я ее на кухне держал, чтобы другие собаки не трогали. Но возить нарты она уже не могла. Тогда Кучумов (знал ведь варнак, как мы с ней возились) запряг ее в нарты и давай полосовать, чтобы везла. Осатанел и перебил ей хребет, она и сдохла. Мы собрались вокруг на улице, после завтрака дело было, а он еще храбрится — моя, говорит, была собака! Смотрю, Багор наш идет. Ну, думаю, сейчас меридиан ломает. Он посмотрел — а пса отпрягли, уже и застыл на морозе, — нагнул наш Баг-

ров, взял собаку да как хрястнет ею по каюру. Тот хоть и велик, однако через всю улицу летел. Багров говорит: «Теперь пиши куда хочешь, гнида». А тот встал, вроде даже как пополам согнулся и говорит: «Больше не буду, начальник...» Тут-то они с женой и переселились в котельную. Комнату там отгородили да обставили получше, чтобы не на что им было жаловаться. А то в общем доме они все по ночам у себя вполпьяна бормотали, спать мешали, тут ведь все слышно, как в барабане. Бывало, переберут нам все кости да еще потом запоют — одно и то же, е́сть такая хмурая песня, как отец сына зарезал, что ли, с припевом «Веселый разговор».

— А часто ваш Багров ломает такие меридианы? — спросила она, но Казначев посмотрел на нее только очень внимательно и молча, не спеша достал из кармана свой «Беломор» — видно, пожалел уже, что рассказал ей слишком много...

— Так вы про собаку уже знаете? — сказал Багров. — Конечно, я не имел права настолько выходить из себя. Кучумова этим не воспитаешь, но хоть потише стал. Мне тоже надоело. У нас тут из птиц зимуют только вороны, и то не всегда; он подобрал одного, обмерзшего, с поврежденным крылом, отогрел в котельной, а потом сидит и за крыло больное его дергает, чтобы голос давал. Смешно ему очень. Жаль, я сам не видел. А то еще кочергой бы стукнул. Вам это годится для фельетона?

— Я не фельетоны пишу.

— А-а, все равно. Добром ваше дело не кончается, — сказал Багров. — Вы думаете, что помянуть на весь свет в газете уже счастье для человека? Да ведь как помянуть. А если криво или не вовремя? Расхвалили тут по радио одного нашего молодого ученого, а он не знает теперь куда деваться. Приписали ему то, что другие делали, и никому не докажешь, что он ничего этого вовсе не говорил корреспонденту... Похвалили, называется.

— Корреспонденты тоже бывают разные.

— Знаете, Елена Васильевна, лично вас я несколько обижать не думаю. Вы сейчас скажете, что если узнать корреспондента получше, убедиться в его добросовестности. Все это так, только я все же скептик насчет всякой этой гласности. Вам всегда бывает некогда и не до тонкостей. Дай вам только самую тень сенсации, чтобы все прочли и тут же заговорили, — это ведь все равно, что хорошей борзой кончик хвоста от зайца показать. У вас считается, что журналист за науку в прорубь не полезет, не едет прямая забота, а вот за броским заголовком так прямо и нырнет... Вам знакомы дневники гренландской экспедиции англичан в 1930 году?

— Я их читала.

— Помните, что они говорят о сенсационных заметках? Когда один из них, Огюст Курто, был на два месяца совсем засыпан снегом в доме на станции посреди Гренландии? Самая разухабистая заметка появилась в одной французской газете. В корреспонденции сообщалось, что «мадемуазель Огюстин Курто, единственная женщина, участница экспедиции», провела зиму одна в 225 километрах от остальных и что все попытки мужчин добраться до нее оказались безуспешными... Впервые за миллион лет существования гренландский Ледниковый щит попал в газету. Но как его изображали! Представляете? Что стоит, скажем, в спешке перепутать не только муж-

чину с женщиной, но и порядочного человека с преступником. Я вижу, вы меня почти уже поняли...

— С чего вы взяли все же, что я хочу писать именно про случай с Федотовым?

— Да ведь это дело ваше, о чем писать. Вам не укажешь. Да и опыт у вас есть, в судебных-то очерках... Вам кто-то в редакцию о Кучумове письмо прислал?

— Да. Из его села. Односельчане хвалили его за то, что скромный человек, приемщик пушнины, поехал на трудную зимовку, на далекий остров. Характеристики у него самые нормальные.

— Еще бы! Я бы сам ему, знаете, какую характеристику дал... Только бы в другое место спихнуть.

— Вот и все так делают. Грустно получается.

— Не спорю.

— Все-таки не шутки убить человека.

— Не то слово. Человек сам погиб, а не убит. Несчастный случай.

— Это еще не известно. Подождем, что скажет следователь. Мне просто странно, что после смерти Кучумова никто о нем доброго слова не скажет. И к его жене такое же отношение.

— Про нее я не говорю,— быстро сказал Багров,— Что с нее взять. Богом ушибленная женщина. Да еще мужа потеряла.

— Я ведь была у нее.

— Я знаю. Ну и как?

— Она просит мужа похоронить с почетом, как положено полярнику. Здесь на острове. Чтобы память все же была, что он тут работал.

— Что?! — вскипел Багров.— Она и вам это сказала? Не будет этого. Пока я здесь, не будет.

— Почему?

— Не заслужил. Это не настоящий наш полярник.

— Потому что с вами не поладил?

— Не поэтому. Он не заслужил. Понятно?

— Нет, не понятно. Характеристики вы готовы были любую ему писать, а как погиб, так даже могилы здесь не заслужил. У вас концы не сходятся, Петр Дмитриевич. Вы обещали Кучумовой хлопотать о повышенной пенсии? Жаль, что я все же не юрист, даже толком не знаю, имеет ли она на это право.

— Может быть, имеет. Я уже сказал, что вдове можно посочувствовать.

— Вы сами знаете, чтобы дать ей пенсию,— сказала Веснина,— надо писать все бумаги так, чтобы вышло, что он не по пьянке заблудился, а погиб в пурге, выполняя поручение... Ведь так?

Багров промолчал. Он встал, расстегнул ворот шерстяной своей рубахи и заходил по комнате. Его шаги напоминали ловкую поступь медведя в клетке — несмотря на грузность, он шагал в больших меховых унтах легко и точно. Ей показалось только, что он едва удерживается от искушения пнуть по дороге хотя бы стул какой-нибудь.

— Послушайте, Елена Васильевна, я человек прямой. Писать вам здесь не о чем. О Федотове шум сейчас поднимать просто даже некрасиво. Переживает человек, сами видели, как выглядел он после допроса. Кучумова уже нет. Если я вам показался злодеем,—

ведь думали об этом уже, признайтесь? — ну что ж, пишите! Валайте! И про собаку, и про кочергу пишите... Но только не отрывайте нас сейчас от дела. Нам тут не до вас.

— Вы хотите сказать, что мне здесь делать больше нечего? — спросила она, сама уже еле сдерживаясь.

— Именно! А что такого? — невинно сказал Багров. — Самолет вас мигом доведет до побережья, а оттуда сейчас как раз перебрасывают грузы на полюс, на дрейфующую льдину. Ведь вы на полюсе не были? Когда еще в другой раз придется... Разве плохо для журналиста? Я уже все выяснил — вас сразу туда доставят. Там зимовка образцовая, есть о чем говорить. И к журналистам у них привычка, такая уж их судьба. У них там на всякие интервью практика выработалась, небось с закрытыми глазами шпарят... А у нас что? Так себе островишка среди всяких.

— По дороге вы об этом острове не так говорили.

— Мало ли что я говорил...

— Вот именно...

То, что произошло в дороге, когда они случайно оказались рядом в рейсовом самолете и Багров назвал ей себя, а сам принял ее за жену одного из морских капитанов, летевшую к мужу в порт на побережье, знали только она и Багров, который теперь делал вид, что ничего в этом рейсе не случилось. В одном из северных портов самолет задержался, и пассажирам пришлось ночевать в гостинице — деревянной и двухэтажной, где им отвели номера на втором этаже. Когда она разложила свои вещи, переоделась в спортивный костюм и зажгла настольную лампу, чтобы почитать перед сном, из коридора все еще доносился голос Багрова, который рассуждал сначала о чем-то с летчиками, а потом долго ходил один взад-вперед по коридору, так, что слышно было, как скрипят половицы... Часов в десять он постучался к ней в номер:

— Елена Васильевна...

Она открыла дверь. Багров показался ей очень странным.

— Можно мне с вами поговорить...

Она сказала:

— У меня тут беспорядок...

— Все равно где.

В холле стояли, как водится, два фикуса в деревянных кадках, диван и кресла и никого не было — все ушли на другой этаж смотреть телевизор. Они сели рядом, и она ждала, что он скажет.

— Знаете... Может быть, я покажусь смешным, но мне это очень важно... — Багров не знал, с чего начать. Она ждала, и он решился. — Если спросить вас прямо, вы любите своего мужа?

— При чем здесь муж?

— То есть как при чем... Мне это немедленно надо знать.

— Мужа? Допустим, что я его терпеть не могу.

— Это правда?

— Вы только об этом хотели меня спросить? — Она смотрела на него, стараясь понять, действительно его что-то волнует, или он просто принимает ее за проезжую дурочку.

— Слушайте... Только не перебивайте меня. Я расскажу вам о себе. Все равно вы не пошли смотреть фильм, да и к черту фильм, когда людям не удается поговорить о том, что важно бывает в жиз-

ни. Учился в Ленинграде, меня уже тогда тянуло на Север, я человек, присужденный к Арктике. Как только попал сюда, так и пошло: по три года от отпуска до отпуска, а теперь я специалист, меня всюду хорошо знают, и здесь я, как дома. И все это мне нравится. Но, как многие, у кого кочевая жизнь, я отвык от оседлости, и с возрастом мне стало не хватать привязанностей. Родных у меня нет. Пока был молод, даже не оглядывался ни на города по пути, ни на случайных встречных женщин,— прилетишь, проведешь отпуск, да не как-нибудь, а с громом, и в конце уже, глядишь, надоело, скорей бы сюда, тем более что эту свою теперешнюю зимовку я сам затеял, убедил, что надо ей быть именно на этом острове, и начал строить... Так вот, меня сейчас вызвали из отпуска, а я третий раз за последние десять лет езжу, чтобы жениться. Надоело одному, да все не получается. Надо мной уже здесь смеются. Вы только не перебивайте. Послушайте ради бога. Ведь и у вас в большом городе, мы только признать этого не хотим, кого ни возьми, женаты уже по второму разу... Да и то не всегда удачно. Что же хорошего? Значит, не так это все легко. Когда молод, был глуп, а теперь мне мои деньги мешают.

— Так и мешают?

— Именно. Я ведь еще не старик, чтобы смириться с тем, что сам я жене не очень-то буду нужен...

— А почему вы так думаете? Просто вы не верите женщинам.

— Конечно. Так же, как и они не всегда верят мужчинам. И правильно делают... У нас тут не случайно летчики часто женятся на лету: ведь здесь, кроме как в буфете, пролетом, на перекрестке, иногда и женщины не встретишь. Вот и женятся как придется. А потом чашки врозь — и хоть все сначала.

— Ну, так что же вы хотите сказать?

— Вы еще не поняли?

— Наверное, я так сразу не понимаю.

— Зачем лететь вам к этому мужу? Бросайте все и выходите за меня замуж. Я сразу понял, что вы о нем несколько не думаете.

— Вы с ума сошли! — сказала Веснина. — Да мы знакомы с вами всего полдня. Совсем случайно. Как вы говорите, на перекрестке.

— Ничего подобного. Я вас знаю тысячу лет! Только все никак догнать не мог и вот наконец догнал в дороге.

— Знаете, Петр Дмитриевич, я должна вам прежде всего сказать...

— Пойдите! Ничего не говорите. Ну подождите, послушайте сначала, что я вам скажу. Не подумайте только, что я пошляк, который всем на ходу в любви признается. Наоборот, я сам никому до сих пор не мог поверить, а вам — поверю. Не знаю почему, но я это чувствую. Со мной, конечно, будет нелегко, и характер нелегкий, и живу я черт знает где, но ведь вы туда же летите. К кому-то, о ком даже не спросили ни разу, хотя я почти всех тут знаю... Кто он, моряк? Ну, не говорите, не надо, только не перебивайте.

— Петр Дмитриевич...

— Дайте же мне сказать... Послушать меня вы хоть можете? Я в детстве как-то видел: шла через поле белая лошадь по прямой дороге, совсем одна, я все смотрел, а потом отвлекся, и она пропала, ушла, как за горизонт, и оттого, что я не видел, как она совсем про-

шла, мне все кажется, что она так и идет через свое поле, все прямо, без конца. Так и я, как эта белая лошадь, все иду прямо, без конца, и все один.

— Я понимаю, что вам надо бы жениться, но при чем здесь я?

— Не каждый день встречаешь такую женщину. Да еще когда на Большой земле бываешь раз в три года,— сказал он ей с решимостью.

— Вам не идет быть таким несерьезным. Ведь вы меня совсем не знаете.

— У меня интуиция. Я не первый раз отбираю людей на долгий срок для небольшой зимовки. А это много значит.

— Ничего не значит, раз вы так и не сумели до сих пор жениться.

— Просто боюсь ошибиться. Это очень тяжело потом, когда все придется начинать заново...

— А вы не ошибайтесь,— сказала Веснина.

— Вас вообще не надо было пускать в Арктику,— сказал Багров.— Мы и так тут добровольные мученики на севере диком... Не обижайтесь, это я просто так.

— Петр Дмитриевич, теперь вам лучше всего пойти отдохнуть. Завтра у нас рано вылет. Я тоже устала.

— Завтра все будет поздно. Ну хотите, я перед вами на колени стану, со мной никогда так не было... А завтра днем я расстанусь с этим самолетом, за мной придет другой. Вы ведь даже не сказали мне, куда летите.

— Я завтра скажу. А сейчас уже поздно. Я пойду к себе.

— Одну минуту. Еще одно слово...

— Петр Дмитриевич!

— Ну, хорошо. Идите. Только подумайте, о чем я вас прошу. Вы просто меня еще не знаете. Я очень упрям. Я все равно вас найду. Спросите обо мне — тут все знают, что Багров может меридиан сломать, а своего добьется.

— Спокойной ночи. И не надо ломать меридианы,— сказала Веснина.— Право, не стоит. Завтра вы сами на все посмотрите иначе...

Теперь же он делал вид, что они только полдня знакомы и что он знает ее только как корреспондента, который так не вовремя попал к ним на остров и может доставить лишние неприятности его другу Федотову.

— Вы сами хоть понимаете, Петр Дмитриевич, что делаете?— спросила она.— Только что вы откровенно предлагали мне, корреспонденту центральной газеты, не писать о том, что здесь произошло. Собственную даже версию навязывали о несчастном случае, когда все еще здесь так неясно... А теперь собираетесь вовсе выдворить меня без особых церемоний. И еще могу сказать вам: писать, пока не закончится следствие и суд не состоится, я не буду. И ни один уважающий законы журналист не будет.

— Кошмар,— сказал он вдруг и схватился за голову.— Вот ведь не суеверен, а перед тем, как вас встретить, недаром в одном переулке в Москве кошку черную на дороге увидел: какую-то очень породистую, на шнурке вели и в ошейничке... Я думал, в ошейничке кошка не действует.

— Вряд ли вас похвалят за такое самоуправство даже в вашем управлении. Меня ведь не случайным ветром сюда занесло.

— Очень даже похвалят. Знали бы они, что тут несчастье такое будет, сами нипочем бы корреспондента сюда не пустили. Да хоть и голову мне потом оторвут — не дам я вам Федотова!

— Это не в вашей власти. Откуда вы знаете, о чем я писать буду? Может, вы меня на другую зимовку под конвоем спроводите? — спросила с вызовом Веснина.

Он не успел ничего на это ей ответить — в дверь постучали чем-то железным, и вошел бортмеханик Кантиков: в руках у него были какие-то инструменты, которые звенели, как кандалы.

— Простите... Вы ведь срочно звали, Петр Дмитрич?

— Да, брат мой, срочно, — как ни в чем не бывало сказал Багров. — Видишь ли, мы тут интервью заканчиваем. Уж Елена Васильевна меня простит. Все беды сразу: ключи я потерял. А запасные в сейфе. Кругом черная кошка... Ты давай действуй, у нас секретов нет.

Он взял со стола какую-то книжку и спросил:

— Так на чем мы с вами остановились? Вроде на белых медведях? Вот что сказано, например, в записках у Маккавеева, начальника зимовки на острове Уединения: «Морозы, влажный воздух и постоянные сильные ветры так спрессовывают снег, что через занесенные снегом овраги белый медведь проходит, как по асфальту, не оставляя на нем даже отпечатков своих тяжелых лап... Добыть такой снег можно только при помощи пилы». Запишите страницу: сорок восемь. Или вот еще, я вам тут заложил насчет медведей. Всего ведь не упомнишь, хотя память у меня хорошая... Ну что, Кантиков? Автоген с берега просить, резать будем?

— Да я по замкам не практик. Посмотреть надо.

— Ну смотри, смотри... Вы, механики, колдуны. Все можете.

Багров опять надел очки и порылся в стопке книг на своем столе, из которых торчали уже закладки.

— Вот вам еще на эту тему. «Появление белых медведей в лагере представляло очень серьезную угрозу. Обычно белого медведя считают весьма безобидным и даже забавным животным. Это представление в корне ошибочно. Белый медведь, особенно голодный, — очень опасный, сильный и ловкий хищник, что убедительно доказал первый появившийся на дрейфующей станции медведь...». Читаем дальше. «Медведь обладает бесшумной походкой и молниеносными прыжками». Теперь вам понятно, Елена Васильевна, почему без оружия из поселка выходить запрещено и почему всего ждать можно? Особенно весной, когда они голодные. Так что у нас сейчас и по острову-то не очень походишь. Я ведь вам говорю, что зимовка наша для вас сейчас самая неинтересная...

— Все это мне давно понятно, — сказала Веснина. — Вы ведь это мне сейчас нарочно разъясняете?

— Книжки-то ведь, они тоже на суде рассматриваются как доказательство. Вот на том самом процессе Семенчука, например, приводились очерки Зинаиды Рихтер об острове Врангеля.

— Я вижу, вы уже и к суду подготовились, — сказала Веснина. — Кстати, и от журналистов иногда бывает польза, раз уж вы вспомнили Зинаиду Рихтер. Тоже ведь женщина и тоже была на зимовке...

Вы мне лучше скажите, есть хоть какая надежда найти медведя, о котором говорит Федотов?

Багров с тоской посмотрел в окно, все на тот же склад.

— Никакой. Почти. Я об этом даже не думаю. Может быть, когда стает снег... А вернее всего, раз был ранен, ушел далеко. Здоровые, они даже в Канаду ходят.

— Готово,— вдруг сказал Кантиков и открыл толстую дверь сейфа: внутри, на полке, с самого края лежали ключи.

— Открыл?! Да тебе, брат ты мой, Сергей Прохорович, цены нет. Вот уж не думал... Ведь у меня там всякие дела, да еще и печать советской власти.

— Что ж тут такого особенного? — смутился Кантиков.— Я только его посмотрел, а он взял и открылся.

— У нас всегда так. Что ни сделают, ничего особенного. Спасибо, друг.

— Так что мы решим? — ей все казалось, что Багров пошутил, что он сам понимает, как невыгодно ему сейчас осложнять положение и устраивать скандал.

— То есть как что?

— Насчет моего отъезда. Я полагаю, вы шутите?

— Да все так же, Елена Васильевна. Совсем не шучу. Нечего вам здесь делать.

Она посмотрела на него пристально и долго, в упор, и он, не выдержав, отвернулся.

— Елена Васильевна,— сказал он вдруг тихо.— Будь человеком. Уезжай отсюда. И не смотри на меня так — не могу я с тобой иначе разговаривать. Сама, небось, понимаешь. Судьба меня, что ли, тобой наказала, хуже чем Кучумовым...

Тогда она встала, повернулась и вышла, с трудом удержавшись, чтобы не хлопнуть дверью.

В кают-компании ее ждал Кантиков.

— У вас ко мне дело?

— Да... небольшое правда, но я им давно уже занимаюсь. Для собственной практики. Следовательно сейчас не до того...

— Какое же дело?

— Да ведь пострадавший-то сам преступник,— сказал Кантиков негромко, но очень уверенно.— Это уж как пить дать.

— Вот оно что! В чем же он провинился? — Веснина внимательно посмотрела на Кантикова: неужели он смог заметить что-то неясное, что ее так тревожило в Кучумовых, хотя понять в чем дело она никак еще не могла.

— Кучумов говорил, что законы каждый блюдет только пока на него смотрят... Убеденный был браконьер. Песцов ловил. Мы его только уличить не смогли.

— Ну и что? Теперь он уже неподсуден.

— И она тоже?

— А она тем более. В чем ее винить, когда ей и так горше всех досталось? Муж-то ведь у нее убит.

— Муж у нее и без Федотова вряд ли бы вернулся на этот раз. Пурга с пьяными шутить не любит. А только Федотов преступник случайный, хотя теперь о нем шуму будет много, а вот Кучумов всегда мог преступить закон.

— Почему вы так думаете?

— А вот почему — я до этой Кучумихи все равно доберусь, она наверняка шкурки для продажи держит и спирт прячет, несмотря на строгое запрещение. Это я говорю, чтобы у вас, если вам писать придется, не вышло, что от Федотова пострадали честные рабочие люди... Мы ведь тут с ними жили и знаем их не первый день, что они за люди.

— Это все-таки не доказательство, а предположение.

— Ну вот вы сами были у Кучумовой. Как вам у нее понравилось? Верит она в бога или сама в себя, а может быть, только нас всех морочит?

— Нет, не верит. Если вы уж такой наблюдательный, может быть, сами заметили, что иконы у нее просто зря висят. Не так, как должно быть по ее вере.

— Да что вы! — удивился Кантиков. — Вот насчет икон я еще не думал...

— А вы подумайте.

— Я только думаю всегда очень медленно. Так вернее, — сказал Кантиков.

— Оно и лучше. Это мне надо спешить, поскольку командировка моя может кончиться раньше срока... А не могли бы вы просто помочь разобраться тут кое в чем. Да вы не бойтесь. Ведь это Багров вбил себе в голову, что я собираюсь писать именно про случай с Федотовым, а ведь я приехала совсем по другому поводу...

— Это он, очевидно, потому, что вы ведь иногда о судебных делах пишете, — деликатно сказал Кантиков.

— Мне сейчас просто надо написать о зимовке, о ее людях, чем вы тут все занимаетесь... Всегда так: хороший очерк читать все любят, а как помочь написать — или отмалчиваются, или отшучиваются. Вот как ваш командир самолета, — сказала она сердито.

— Это верно... Чем же вам помочь?

— Просто я никого еще не знаю. Разве что Багрова, поскольку летели вместе и он кое-что рассказывал... А вот Хребтова совсем не знаю.

— Вот уж нашли о чем жалеть, — как-то очень уж неприязненно сказал Кантиков.

— Это почему же?

— Выжигает он и паяц. Это факт.

— Как выжигает?

— Очень просто. Бывают такие, совсем уже стукнутые деньгами.

— Скажите пожалуйста... Даже не подумаешь...

— Здесь, конечно, не подумаешь. У нас тут и денег нет в обращении. Только я его еще по Камчатке знаю, здесь он недавно. Устроил он там как-то свои именины и нашего брата, весь экипаж — я тогда в георазведке летал, — тоже позвал в ресторан. А потом, представьте себе, каждому гостю счет подали! Вот ведь юморист чистый... У нас все с деньгами, не жалко, но противно... Замок-то на сарай он повесил. У нас тут за замком хоть самолет посылай, не сразу выщешь. Да и к чему? Покойного Кучумова и так никто не тронет.

— Действительно, странно... Значит, это его замок?

— А еще стишки пишет. Тоже вроде нашего Пети с его романом.

— Хребтов пишет?!

— Ну да. Пришел к нему сегодня на склад за документацией, он мне две тетради сунул, я не поглядел сразу, а это, оказывается, стихи. Тетради у нас все одинаковые завезли, только и делаем что путаемся. Да вот посмотрите.

— А удобно мне?

— Подумаешь! — сказал Кантиков. — Мне он их почему-то под-сунул. Петя Радугин сначала тоже свой роман от всех в подушку прятал пока он слишком большой не стал, а теперь наоборот: сам его в разные места посылает.

— А стихи когда вам отдать?

— Да хоть завтра утром, когда опять к Хребтову пойду. Мне ведь надо документацию, а не стихи. Я их и читать не стал...

Она вдруг почувствовала, что во всем, с чем она здесь столкнулась, есть, должен быть, определенный, хотя и скрытый еще смысл. Интересно бы узнать, что думает по этому поводу следователь... Спросить бы его, да подумает еще, что вмешиваюсь не в свое дело. Сейчас он уехал к избе, с ночевкой, забрав продукты. Он не спеша и основательно смерит там все, что надо, сначала снимет на пленку, а потом, очевидно, выпилит кусок двери, прошитой двумя пулями из карабина, чтобы вместе с телом Кучумова отправить на экспертизу в лабораторию, где исследуют наклон канала отверстий, пробитых в досках, рассмотрят тщательно их характер, сравнят со сквозной раной на теле Кучумова — каюра и бывшего приемщика пушнины, из-за которого она сюда приехала и которого теперь уже нельзя даже спросить: что у него за странная жена и как это они ухитрились примирять строгую религию баптистов с пьянкой...

Остров наплывал ей навстречу, поворачиваясь то одним, то другим берегом: возможно, так будет выглядеть чужая дальняя планета перед космонавтами будущего... Остров становился резче в подробностях, и красный отсвет среди черной мглы придавал ему какую-то космическую таинственность, как в цветных научно-фантастических фильмах. Остров плывал теперь перед ней то целиком, то частями — при красном свете фонаря в ванночке с проявителем один за другим возникали изломистые крутые берега, узкая Долина Песцов, заметенные снегом острые скалы горного хребта — кадры, отснятые Весниной вчера с самолета. Если писать ни о чем не придется, у нее все же будет для редакции отличный фотоочерк с развернутыми подписями о далеком острове.

Каждому, кто мечтал о дальних путешествиях, достаточно было взглянуть на фотографии острова, чтобы втайне почувствовать приглушенный повседневной городской жизнью зов дальних берегов, который лишь отчасти утоляют книги... Но за последнее время мы так часто снимали с Арктики еще недавно окружавший ее покров романтики, так хвалились ее теперешней доступностью, ее обжитостью, так гордились тем, что почти безлюдное веками северное побережье стало теперь доступным, — с городами, поселками и даже

с неимоверной сутолокой в гостиницах, где весной, во время больших экспедиций, и места-то на ночлег не достанешь...

«Не от этого ли,— подумала она,— мы пытаемся подчас в своих статьях низвести всю Арктику до уровня любого материкового захолустья. Первых полярников страна встречала как героев. После спасения со льдины, раздавившей пароход «Челюскин», их, еще ошеломленных встречей с городом и всей этой праздничной весной, везли в новых легковых «газиках» по Москве, которая ликовала, забрасывая их цветами... А теперь почему-то многие стали думать, что в Арктику может ехать всякий, было бы здоровье». Между тем вспомнился ей совершенно такой же точно, на эту тему, давний разговор на Камчатке — о том, что дальние наши края, нуждаются во все не в первых попавшихся по вербовке. Сюда нужны люди с хорошей подготовкой, сильным характером.

Как она уже убедилась, у каждого зимовщика день был занят до предела, своей работой и общим хозяйством; сейчас все разошлись по лабораториям, светлыми весенними днями вездеход и экипаж самолета работали с полной нагрузкой — всех интересовали самые ранние, едва заметные признаки приближающейся первой подвижки льдов, за которой так упорно следили много лет Багров и Федотов.

Веснину удивило, когда вдруг в пустом и гулком доме она опять услышала голос Кантикова,— потом она узнала, что он немного простудился и экипаж самолета в коротких рейсах вокруг острова решил обойтись без него. Комната летчиков была в самом конце коридора, но Кантикова и оттуда было слышно — бортмеханик развлекался в одиночестве: она услышала воинственный аккорд гитары, Кантиков пел романс:

Бывает так, что мы смеемся,
над тем, что нужно нам самим,
легко надеясь, что вернемся,
— но тает прошлое, как дым...
Дороги не окинешь взглядом.
И потому не так легко
искать не то, что было рядом,
а только то, что далеко...

Вдруг завизжала на ржавом блоке и хлопнула входная дверь, грузные шаги в мягких унтах послышались в коридоре. Кантиков, очевидно, тоже обратил на них внимание и запел громче:

Как месяц в небе, одиноким
летишь ты в дымных облаках,
но то, что кажется далеким,
пройдет от сердца в двух шагах...

— Хватит тебе голосить,— громко сказал в коридоре Багров.

— Будет сделано,— издали ответил Кантиков.

Повернулся ключ, и Багров проговорил за стеной:

— Вот уж не было печали. Все сразу на мою голову.

Веснина вдруг вспомнила, что фотолaborатория пристроена вплотную к комнате Багрова. Тонкий голос Хребтова, заместителя начальника зимовки, старшего метеоролога, сказал за перегородкой:

— Нервничаешь ты, Петя.

— Конечно. Теперь по всем зимовкам только и разговору будет,— отозвался еще один голос.

Весниной показалось, что это доктор Кошкин. Ей стало неловко. Она уже решила уронить что-нибудь на пол, чтобы они знали, что их могут слышать из фотолaborатории.

— Признайся, ты ей в дороге комплимент закручивал? — спросил Хребтов.

— Говорю тебе, она не женщина, а журналист,— сказал Багров с досадой.

— Это что ж, порода такая? — допытывался Хребтов.

— Ты зря насчет породы. Порода-то в ней как раз самая настоящая... Одни глаза чего стоят,— заметил Кошкин.

— А ты ее принимаешь так несерьезно. Может быть, графиня,— сказал Хребтов.

— Да мне хоть кто,— загудел Багров.— Вы тут все как гусаки переполошились. Бороды долой, ходят, как по Невскому, хвостом вверх, механик за все время столько слов не сказал, как сегодня перед ней раскошелился, а пилот как стал в полет ее приглашать, чуть ногу не оторвал, так шаркал...

— Ногу пришьем, доктор есть,— сказал добродушно Кошкин.

— Я утром уехать ее просил,— сказал Багров.— Не потому, конечно, что женщина. Сами понимаете.

— Узды на тебя нет,— печально сказал Кошкин.— Хоть бы советовался. Знаю я, как ты просишь. Да теперь ее отсюда краном не вытащишь. Ведь у каждого свое самолюбие. Да и любопытство подзадорить этим можно.

— Пусть так. Но теперь всем бы нам особенно помолчать надо... Это ясно?

Надо бы выйти и сказать, что ей все слышно. Но они уже столько всего наговорили, им самим теперь будет неудобно смотреть ей в глаза.

— Да ведь тоже не так легко,— сказал Хребтов.— Каждого попросить персонально? А ты подумал, как это будет выглядеть? Круговой порукой. Да еще в уголовном деле.

— Пока нормально выглядит. Учти, я ведь сам ничего не знал, как у вас тут было, никаких подробностей, пока сюда летел. На твоей это совести, заместитель. Об этом потом поговорим. Пока что никто не проболтался.

— А Кучумова?

— Меньше всего теперь боюсь. От бортмеханика и то вреда можно ждать больше: раз немой заговорил, его не остановишь.

— Похоже, ты уже толковал с Кучумовой? — серьезно и очень даже сердито спросил его Кошкин.

— Ну говорил. Пенсию она просит, которая ей, конечно, не положена. И похороны чин чином, поскорей да с почестями. Ну, я, конечно, ей пенсию наобещал — лишь бы скорей отсюда уехала.

Кошкин сказал очень серьезно:

— Не дело, Петр. Ты бы все-таки советовался. А то начинаем тут молчанку устраивать, недоговаривать... Да еще Кучумовой липовыми подачками рот затыкать — вот уж за кого не поручусь надолго...

— Ах, Иван, Иван, душа ты доверчивая. Все бы тебе ждать, как образуется. Досидишься, что Федотова совсем за горло возьмут...— Багров вдруг заговорил страстным шепотом, но так, что каждое слово отчетливо было слышно.— Известно только, что Федотов убитого на зимовку сам приволок и пули своей не отрицает. А если Кучумов-то пьяный, да это после всего, что уже у них в тот вечер было, дверь к нему с ружьем открыл, а у Глеба нервы не выдержали,— что если так, спросит следователь? Какую статью Уголовного кодекса писать? Уже не несчастный случай. И ты тогда на суд свидетелем пойдешь. Но и Кучумова тоже. И скажут тебе на суде: «Доктор Кошкин, очень вы были известны своей правдивостью, но теперь кое-что недоговариваете». Перекрестный допрос — и готов доктор... Много ты тогда на суде поможешь? Суда ждать — ведь это эксперимент на живом Федотове делать. Я тебе прямо говорю: если Глеба в суд потащат, я не выдержу. Куда хочешь пойду... Только кто мне поверит? Ведь закон и факты будут против... А вся его работа? А след останется на нем после осуждения, когда каждая свинья ни за что его сможет этим ткнуть?

Долго все молчали. Багров сказал:

— Приказать не могу. Но если вы со мной еще считаетесь...

— Ладно, ты уже почти приказал,— отозвался Хребтов.

Дверь в комнату Багрова, очевидно, открывалась так тихо, что Веснина даже не слышала, как туда еще кто-то вошел, пока не узнала четвертый голос, хрипловатый тенор Казначева:

— Петр Дмитрич... К ужину давать пельмени? У нас два мешка на морозе лежат.

— Постой с пельменями, Егор... Что ты скажешь про нашу гостью? Как она тебе?

— Серьезная дама,— сказал Казначев.

— А ты ей что рассказывал?

— Только про собаку вашу. Все равно ведь узнает, Петр Дмитриевич.

— Да черт с ней, с собакой! — вскричал Багров.— Пусть меня хоть в «Крокодиле» рисуют. Я тебя спрашиваю: сказал ты ей или не сказал?

— Как можно, Петр Дмитриевич,— серьезно ответил Казначев.

— Ну, смотри. А то плохо человеку будет.

Веснина уже не слушала дальше... Теперь она знала к кому идти. К доктору Кошкину, про которого говорят, что он никогда не врет.

Кошкин принял ее в своей небольшой больнице — в самом конце общего дома отгорожены были две комнаты, и вход в них сделан был как из общего коридора, так и отдельно, с улицы. Больничка эта была как игрушечная.

— Входите, входите! Я давно вас жду! Уже который год,— сказал он серьезно.— Сижу здесь и поджидаю. Гостей-то у нас мало-вато. Нам бы у эскимосов учиться ездить в гости.

— Правда, Иван Герасимович, что они только взглянуть на вас на собаках по льду такового приезжали?

— А что тут такого? Не во мне дело,— без всякого тщеславия,

очень просто сказал Кошкин.— Тут сто верст не расстояние, да и время есть. Когда на побережье корову привезли, они также приезжали, даже пугались, говорили: медведь хорошо, я его кушать буду, а этот рогатый зверь больно страшно ревет... Иной раз вижу: лупит всюю и прямо ко мне: «Ты доктор?» Думаю, за врачом его прислали. А он поворачивается тут же, кричит: «Доктор видел!» и гонит к родственникам еще верст триста, рассказать... Это даже хорошо, что они удивляться еще не разучились.

У Кошкина была привычка все время переставлять что-нибудь на своем столе — как будто он еще не до конца навел в этом мире полный порядок,— но в движениях его не было суеты, с какой нервной люди вертят в руках все время какой-нибудь предмет. Это был коренастый широкоплечий здоровяк, очень уравновешенный; на все он смотрел открытым взглядом голубых бесстрашных глаз, как будто впитавших в себя за много лет несравнимую чистоту и спокойствие полярного неба в ясный весенний день.

— Представляете? — пожаловался он Весниной.— Ни разу почти ничем не болел. Просто безобразие. За всю жизнь хоть бы чем стукнуло, раз только молоток со шкафа упал, набил мне шишку, да палец как-то нартами прищемил, но в горячке даже боли не заметил. Я поэтому очень страдаю, когда другим больно,— чувствую себя виноватым.

— Расскажите мне о людях зимовки. Как врач или как парторг — как хотите.

— Если даже я просто как человек расскажу, не будет никакой разницы,— заметил Кошкин.

И он рассказал ей о зимовке — очень просто и ясно: о том, что иногда волнует их вдаль от континента. Здесь не было шума и суеты, но все-таки порой их охватывала тоска, как перелетных птиц,— и тогда они вспоминали город, мерцающий огнями по вечерам, город, где иной раз и есть куда пойти, да некогда. Но чаще всего они вспоминали осень, которой здесь, в сущности, совсем не было. Бурная весна и короткое лето вспыхивали на острове сразу. В Долине Песцов, представляющей собой настоящий климатический оазис, закрытый скалами, отдающими ему тепло круглосуточного солнца,— летом поверхность гор была даже чуть ли не на десять градусов теплее окружающего воздуха,— склоны быстро покрывались яркой зеленью камнеломок и полярных маков. Ручьи сбегались с горного ледника на хребте в небольшую речку, впадающую в конце долины в Озеро Обманов. Птицы шумно слетались сюда с материка — сначала пуночки, потом подорожники, кулички и утки, и белые куропатки. На обрывистом восточном берегу гнездились крикливые базары чаек, и весной над островом пролетали таинственные караваны черных казарок,— долгое время их пролет смущал многих полярников, заставляя верить в существование неведомой земли на самом севере, пока кольцевание не убедило ученых, что эти большие гуси просто летят через полюс в Канаду... Но осени здесь не было, даже в долине — трава вдруг сразу становилась рыжей от первого дыхания раннего холода в конце августа, и скоро все опять заносило бесконечным снегом. Здесь не было деревьев — стволки полярной ивы, толчиной со спичку, на срезе обнаруживал многолетние кольца. Климат превратил здешнюю иву в крохотного лилипута, меньше

даже искусственных деревьев в карликовых садах Японии. И всех здесь мучила тоска по листьям — их лопотанию под ветром и бесконечному разнообразию, означавшему томительный шорох привычной жизни...

— Чем же вы все здесь занимаетесь?

— Вам разве не говорили?

— Только в общих словах.

— В этом году льды у нас около острова должны вскрываться, как мы говорим, «по Федотову»: он предложил новый математический метод расчета дрейфа. Надеюсь, понятно, насколько это необходимо...

— Что же мне обо всем этом до сих пор ничего не сказали толком?

— А нужно ли было говорить раньше времени?

— Почему же вы теперь говорите?

— Да ведь на днях все уже станет ясно... Я, например, верю.

— Но ведь это очень серьезное дело.

— Тем более не надо было говорить о нем раньше времени.

— Так вот отчего Багров нервничает...

— Конечно. На всю эту работу ушло много лет, они оба только этим и жили.

Так вот оно что. Еще неделю назад они ждали, как вскроются льды, и говорили только об этом. А теперь они еще ждут, что решит следователь...

— А что вы скажете о Кучумове?

Кошкин чуть задумался.

— Вы знаете, мы несколько идеализируем теперь тех, кто лет сто или больше назад осваивал это побережье. Промышленники и поморы были народ грубоватый и достаточно жестокий; среди них попадались одержимые, лишь бы дойти на край света, или те, кто просто хорошо знал свою выгоду и умел за нее бороться в этих суровых местах. Кучумов поздно родился. Мы судим теперь о полярнике по тем убежденным в своей идее интеллигентам, которые ради науки стали настоящими землепроходцами. А он был безграмотен — конечно, не то чтобы писать не умел. И был жесток от природы. Но он один среди нас мог уйти в пургу без компаса и вернуться, как будто так оно и быть должно... Не пил бы, так не обморозился и не вышел бы к избе под выстрел.

— Откуда у него наколки? Мне об этом Кантиков рассказывал.

— Татуировка? Да тут по побережью таких красивых много. У него и дружок был, матрос с парохода, тоже весь в таких узорах.

— А вы сами работаете над научной темой?

— Но я ведь не ученый. Просто практик с наблюдениями.

— Мне говорили, что вы статьи пишете.

— Кто их не пишет?

— Что же вас самого интересует больше всего?

Он рассказал ей о своих наблюдениях за много лет: статистика неуклонно показывала, что именно в Арктике, где в представлении обывателя было больше опасностей, количество ранних смертей и несчастных случаев на самом деле оказывалось теперь намного меньше, чем в городах. Год за годом он наблюдал также за физи-

ческим и моральным состоянием людей, особенно во время долгой ночи. Все его выводы и данные представляли большой интерес для самых различных экспедиций, в том числе для подводников и для подготовки первых полетов человека в космос.

Он объяснил ей, очень убедительно, что в одних и тех же трудных условиях люди, даже при внешнем физическом сходстве, ведут себя очень по-разному. Люди более примитивные и грубые, с ограниченным кругозором, часто опускаются гораздо легче, чем те, кто сознательно устремлен к серьезной цели. Он рассказал ей, насколько разными могут быть оценки одних и тех же трудностей. «Эта длинная ночь, в продолжение которой мы были объята мраком, в полном смысле непроницаемым, гибельно действовала на всех нас и на все», — писал Кэн, зимовавший на твердой земле в Гренландии. Однако Нансен, чей длительный дрейф во льдах всегда останется образцом научного подвига для историков, говорил об этом совсем по-другому: «Арктическая ночь не произвела на меня никакого влияния, способного в каком-нибудь отношении состарить или ослабить: напротив, я помолодел».

— Иван Герасимович... А вам на собаках не приходилось ездить с острова? Ведь берег относительно близко.

— У нас теперь есть самолет. Вы хотите узнать, можно ли на собаках добраться до берега?

— Ну да. Это очень сложно?

— Как вам сказать... — Кошкин чуть насторожился и посмотрел на нее как-то задумчиво. — Смотря кому и в какое время. Тоже ведь сноровку надо. Кучумов, например, добрался бы. Но сейчас уже нельзя, в проливе льды разводит. Весной это очень сложное путешествие.

— Как будто бы так и погиб геолог Толль, когда по непрочному льду отправился весной с острова Беннета?

— Очевидно. Так, во всяком случае, предполагают.

— Впрочем, это я просто так... — сказала она и собралась уже прощаться.

— Вы куда? — всполошился Кошкин.

— Боюсь, что совсем уже надоела.

— Как вам не стыдно! Да я вас просто не отпущу. Я же вам говорю, что годами тут сижу и жду гостей, и вот тебе на, поговорили... Вы еще даже чай мой не пили, а без этого, что были у меня, вовсе не считается... Я вот сейчас, — хлопотал Кошкин, включая тут же плитку. — Будете в Москве всем рассказывать, что пили «Кошкин-чай».

— Да что ж в нем особого? — улыбнулась неволью Веснина.

— А вот увидите... Садитесь, никуда я вас не пущу. Да и скажите мне честно: вы ведь собаками не иначе как насчет Федотова интересовались? Думаете, что он на собаках сбежит?

— Да нет, я просто так спросила.

— Вас, литераторов, — сказал Кошкин, — часто подводит воображение: всюду вам мерещится что-то особенное.

Кошкин выключил плитку, достал две круглые пиалы и стал разливать в них свой знаменитый чай, секрет которого оказался в том,

что к нему добавлял сироп из голубики, которую доктору присылали из Сибири.

За окном солнце светило все так же обманчиво ясно, хотя по часам день шел уже к вечеру; самолет вернулся из очередного рейса, и теперь Кантиков возился у мотора — Весниной казалось, что она уже привыкла смотреть, как пробуют мотор на земле, на малых оборотах, и даже этот шум был ей чем-то приятен, и хорошо было следить, как окрашенные концы лопастей, дрогнув, вдруг быстро раскручивались, снова сливаясь в призрачный круг цвета стрекозиных крыльев, сквозь который легко проглядывались даже дальние холмы и дороги вдоль берега.

Из котельной вышла Кучумова, чтобы разбить ломом смерзшуюся кучу угля, и Веснина с любопытством смотрела на ловкие и сильные движения этой немолодой уже женщины. Совсем рядом с котельной Федотов с Осколиковым, собираясь на лед, грузили в кузов вездехода похожую на массивный штатив для фотоаппарата трехногую лебедку, с помощью которой берут из проруби пробы морской воды и донного грунта. Из дома вышел Казначев и выбросил на свалку какую-то банку: собаки шли за ним по пятам, цепочкой, как туристы по горным тропам, но как только банка шлепнулась на снег, бросились все сразу. Добыча досталась самой маленькой лайке, но она все равно не могла ею воспользоваться, потому что все сели вокруг и ждали, когда она перестанет рычать и отвернется, чтобы тут же наскочить и вырвать. Потом Багров с Хребтовым, о чем-то договорившись, направились к одной из лабораторий, вынесли оттуда какой-то прибор и стали его регулировать, направляя на солнце, — тотчас все собаки бросили свое дежурство на свалке и пошли за ними к лаборатории, где опять расселись вокруг — совсем как примерные студенты на лекции.

Заметив, что солнце бьет в глаза, Кошкин встал и поправил шторму.

— Видел я тут однажды редкую картину, — сказал он без всякого перехода, не оборачиваясь и глядя в окно. — Что там театр! Одно лето холодным слишком у нас выдалось, и чайки-моевки не снесли яиц. Но они остались на острове и вот все время изображали семью: насиживали пустые гнезда, даже поворачивали будто бы яйца, так что, только добравшись до гнезда, можно было убедиться, что оно совсем пустое. Но они согревали в нем несуществующих птенцов и изображали, что кормят их. К тому же к осени все у них перепуталось: одни все еще играли, что яйца высидевают, другие птенцов кормили, а третьи все еще строили свое гнездо, носили в него мох. Просто тяжело было смотреть — как в сумасшедшем доме для актеров, которые перепутали все роли.

Казалось, что он, глядя на дальний берег, опять видит там, как чайки на целый год потеряли рассудок: тысячи птиц, в остолбенении обманутых чувств, играли на высоких диких скалах древнюю трагедию потерявших детей после большой войны и сошедших от этого с ума, а внизу вместо оркестра бил прибор и холодный океан раскинулся перед этой космической сценой бесконечным амфитеатром.

— Мы стремимся хоть последней, непоправимой войны избежать, — сказал Кошкин. — А то, если даже в живых кто останется, так будут на всех континентах, как те чайки, ворошить пустые гнезда.

Ведь это именно в наш век одни научились оживлять сердце, а другие изобрели лагерь, крематории и душегубки. Ведь и в эту войну кто в партизаны пошел, как Казначев, а кто к немцам в полицию. Вот что значит разные люди.

— Догадываюсь, о чем вы думаете тут в долгие свои ночи. Зла еще немало на земле. Я вот тоже сейчас думаю: а кто бы мог здесь зла желать, скажем, не только Федотову, но, может быть, прежде всего самому Багрову?

Они посмотрели друг на друга — никто не хотел высказаться первым. Какая-то тайна все время мешала им, как будто они хотели и не решались еще ее преодолеть.

— Не знаю,— сказал Кошкин.

— Ведь могло быть так, что они все же виделись. Кучумов с Федотовым. Успели даже что-то сказать друг другу там, в избушке. Может быть, даже Федотову пришлось защищаться?

— А потом ему только и оставалось, что инсценировать несчастный случай? Вы так думаете?

Они говорили теперь почему-то вполголоса, и, хотя Кошкин опять стоял у окна, ей все было слышно.

— Ведь как все это судить. Человек издерган, на самом пороге большого своего открытия, которому отдал столько лет,— продолжала настойчиво Веснина,— и тут такая беда. Конечно, во всем надо было сразу признаться. Так мы считаем. Ведь ему же будет хуже. Я сама всегда пишу, что именно так следует поступать, но я всегда понимаю, как это трудно сделать. И если не признался сразу, как поправляться бывает трудно... Ведь не только в этом деле — все мы, к сожалению, не очень еще любим поправляться сразу, когда ошиблись.

— Мы тут сидим, чай пьем,— сказал удрученно Кошкин,— а следователь там ищет. Второй день уже. Продукты взял, чтобы все посмотреть и оформить не спеша. Казначева и Осколикову взял в понятие. Они уже вернулись, а он остался. И если все не так, как говорит Федотов, будет только хуже.

Они помолчали, представив себе, как это все может еще повернуться.

— Скажите, доктор,— спросила она опять,— а были у него основания защищаться? Если даже Кучумов вошел?

— Да ведь он был пьян. Очень даже,— как-то особенно настойчиво сказал доктор.— Честно говоря, я бы предпочел иметь дело с медведем, чем с пьяным Кучумовым. И ни секунды бы не колебался, если бы видел, что тот уже поднимает ружье.

— Но поднимать ему зачем?

— Я в вашей же газете в одной статье читал, что бывает, преступления совершаются теперь без серьезных и сложных мотивов, а просто от распущенности в пьяном виде... Недаром же нас теперь так беспокоит пьянство.

— Что ж он, грозил всей зимовке ружьем, когда напьется, а вы унять его не могли?

— Ружьем он еще не грозил, но все-таки зол был очень именно на Федотова. Считал, что зря его заставляют так много ездить. Они вообще не ладили. А в последнее время без Багрова Кучумов распустился. У Глеба тоже характер: он молчит, молчит, а потом так скажет, что не скоро забудешь.

— Ружьем не грозил, а почему мы все говорим теперь с вами о ружье Кучумова? — допытывалась она, не отступая.

— Кто знает, что у него, у пьяного, на уме. Ведь вышел-то он бродить в пургу с ружьем. В конце концов, что мы гадаем... На то и следователь здесь. Правосудие само во всем разберется.

— Вы сами, как врач, скажите: что с нервами у Федотова?

— Скверно,— сказал Кошкин.— После долгой ночи все не очень хорошо себя чувствуют.

Кошкин опять сел за свой стол и стал расставлять на нем в другом порядке чашки.

— Полярная ночь не всем дается легко. На некоторых она действует угнетающе. Постоянная темнота начинает надоедать, раздражать, люди мечтают хоть день провести при солнечном свете,— а везде электричество: в доме, у крыльца и у научных павильонов. Одни и те же обязанности каждый день, один и тот же узкий круг

людей — все это исподволь начинает надоедать даже стойкому человеку. У некоторых нервы сдают, появляется излишняя возбудимость, раздражительность, замкнутый круг навязчивых мыслей, — даже опытный полярник иной раз удивляется, откуда берется эта повседневная ко всему нервозность. После полной темноты окна еще долго светятся густым синим цветом, ненадолго появляется ярко-оранжевое солнце, потом начинается смутный и слабый серый день. К весне уже кажется, что время совсем остановилось, а сейчас, вот уже к вечеру, в мае, несколько раздражает постоянный яркий свет, без привычных сумерек... Здесь все дается большими порциями: лето приходит почти без весны, уходит совсем без осени, а зима возвращается уже в августе. Надо иметь большую выдержку, чтобы работать ровно, и у Федотова она есть, он человек, уверенный в своем деле. Он здесь проводит уже шестую зиму, отдыхать ездил, но в остальное время много работает. Это как раз хорошо. Но ему приходилось часто выезжать на лед с каюром, которого он терпеть не мог. Нансен однажды искренне признался, как, зимую с Иохансеном в тесной хижине, они уже видеть не могли друг друга, но сдерживались до конца и этим сохранили себе жизнь. Федотов, может быть, не Нансен, а уж Кучумов — и говорить нечего.

— Иван Герасимович, — неожиданно спросила Веснина, — а что же все-таки тут скрывают от следователя? И от меня... К чему это, доктор?

— Так я и знал, что добром его идеи не кончатся, — уныло сказал Кошкин. — Ведь говорил я ему, что из этого все равно ничего не выйдет. Скрывай не скрывай, а надолго все равно не скроешь.

— Конечно, не выйдет. Он только сам сломает на этом голову, кое-кому на радость. Да еще именно теперь, когда он так нужен в качестве полноправного начальника зимовки. Ну, ладно пресса, тут разговор особый. Но разве можно скрывать что-то от следователя?

Когда она пришла к себе, ей захотелось наконец немного собраться с мыслями. За эти несколько дней ей самой не пришлось говорить со следователем, хотя он успел уже всех опросить и теперь уехал к избушке с понатыми. Казначев и Осколикova вернулись, а он остался, совсем один в этой избушке, ближе всех к северу, где до самого полюса не было никакого жилья...

Ей уже не первый раз приходилось думать, что очень трудно бывает написать именно о том, о ком хочется. Все кажется не так, пусто, вяло, много общих мест и нет чего-то главного, — она знала, что не хватает чаще всего умения просто и ясно рассказать про человека. Ведь это и на самом деле очень трудно. Намного легче было собрать цифры и занимательные подробности, чем создать портрет, характер, передать те приметы душевного облика, которые так живо даются нам в устной беседе. И часто она замечала, как, хорошо описав то, что иногда интересует читателей в первую очередь, — обстоятельства дела, которым человек занимается, — все же упускаешь многие живые черты. Ей всегда хотелось увлечь не сюжетом, а характером, но это было труднее всего.

Следователь Тминов понравился ей выдержкой: он сделал все, чтобы люди перестали нервничать и продолжали заниматься своей

работой. В таком маленьком коллективе, почти все время привязанном к одному общему дому, даже незначительные происшествия воспринимались как событие. Тминов был молчалив, все эти дни он казался незаметным, никто здесь ни разу не слышал, чтобы он хоть немного повысил голос. Но это было не от безразличия. Веснина знала, что у Тминова не может быть, как думал Багров, какого-либо предвзятого мнения. Много раз ей приходилось встречаться с работниками прокуратуры — они всегда ценили, если следствие ведется спокойно. И она понимала, какая сложная задача стояла перед следователем. Быть может, это будет одним из самых значительных дел в его жизни. Но он обязан во всем убедиться сам, и никто не должен был ему мешать, как этого хотел Багров, наивно думая, что поможет Федотову.

Не так давно здесь, на Севере, следствие проверило объективно обстоятельства смерти боцмана Никифора Бегичева, известного полярного исследователя. Это была нелегкая задача. В 1928 году вообще не удалось добраться до его могилы — «из-за отдаленности и труднодоступности места захоронения», как отмечалось в то время в следственном деле. Однако через много лет все же смогли провести настоящую научную экспертизу и установить, что Бегичев погиб от цинги.

Было очень соблазнительно написать и о самом Тминове. «Следователь за Полярным кругом» — это был увлекательный сюжет, но сейчас главное в том, чтобы не мешать: она была уверена, что помочь Тминову было бы самым лучшим способом помочь и Федотову... Собирая материал, она старалась ни с кем не беседовать раньше следователя, хотя у нее было очень мало времени; но вскоре она убедилась, что Тминов в первые же дни уже выяснил у зимовщиков все, что могло его сейчас здесь интересовать. Теперь он основательно занялся осмотром избушки и ее окрестностей.

Над островом, когда не было облачности, стояли уже почти сплошные светлые дни; казалось, солнце, ненадолго скрывшись за горизонтом, всплывает вновь, как огненный поплавок, из океана. Из-за непрерывного ослепительного блеска уже нельзя было снять на улице темные очки, хотя, как она узнала, еще опаснее были пасмурные дни с их будто бы приглушенным, рассеянным светом — именно в такие дни легче всего по неосторожности заболеть «снежной слепотой».

Глядя на тропу, которая вела к избушке и по которой они ездили еще в первый день с Казначевым, она думала, что часа за полтора смогла бы пройти по ней сама. Ей уже не терпелось узнать, что скажет следователь о тех сведениях, которые она совсем случайно привезла с собой. Она понимала, что доставит этим Тминову немало новых забот.

Но он мог оставаться здесь, сколько ему понадобится, а ей придется закончить командировку, как только придет с побережья вертолет гидрологов, которого ждали со дня на день.

Быть может, и с Тминовым придется связываться уже потом, как они договорились на крайний случай. Но этого будет мало, чтобы узнать получше его самого. И очерк о нем тогда вряд ли будет написан. Очень жаль: все же она успела убедиться, как толково и об-

стоятельно он работает, несмотря на небольшой еще свой стаж и сложность всех обстоятельств этого дела.

О тех, кто служит правосудию, ей всегда казалось, сказано еще слишком мало. Во всяком случае не больше чем о тех, кто следит за погодой. Ведь большинство судебных очерков излагают, как правило, сюжет самого дела. И не случайно. Она уже имела возможность убедиться, что много говорить о себе криминалисты вообще не любят...

Уже поздно вечером, при уютном свете настольной лампы, Веснина открыла наконец тетрадь и стала читать.

«...И бесполезно писать красками, изделиями человеческих рук,— прочла она среди цифр и подсчетов в тетради,— эти сонные грезы земли. Выдавшим эту красоту ничего не прибавится, а незнакомым покажется картиной такой же чуждой и непонятной, как пейзаж чуждой планеты, как страницы поэзии селенинов... Гостеприимство возрастает с каждым градусом широты,— читала она дальше в тетради.— Быть может, потому, что на Севере посещение каждого человека вносит в жизнь некоторую перемену; быть может, потому, что там возвращаются к простейшим жизненным законам: сегодня я могу помочь тебе, завтра, быть может, ты поможешь мне... Не тепло радует нас, а отсутствие привычного холода. Где же верная мера человеческого ощущениям? Не так ли и счастье людское?» Выписки шли в тетради как попало, но все же намного чаще, чем попадались стихи. Выписки эти почти всегда не были даже подписаны и не указано, откуда взято. Некоторые она узнавала, уже встречала их раньше: «Мой проводник Джергели, семь лет летовавший на островах и видевший несколько лет подряд эту загадочную землю, на вопрос мой, хочешь ли достигнуть этой дальней цели, дал мне следующий ответ: «Раз наступить ногой и умереть»,— эти слова были взяты из отчета геолога Э. В. Толля перед последним его походом в поисках таинственной земли Санникова, когда он сам погиб у берегов острова Беннета. «Собака живет сегодняшним днем, часом, даже моментом. Человек способен жить и терпеть ради будущего... Тяжело, ужасно тяжело, страшно тяжело, все еще тяжело... Помилуй нас бог, нам не выдержать этой каторги! В это ужасное место притащились мы с таким трудом и не имеем в награду даже сознания, что сделали это первые... Мечта моей жизни, прощай! В конце концов, мы показали хороший пример своим соотечественникам; если не тем, что попали в скверное положение, так тем, что встретили его как мужчины, оказавшись в нем. Мы могли бы справиться, если бы бросили заболевших... Простите за почерк, сейчас минус 40, и так было почти целый месяц... Дневники найдут при нас или на санях»,— это все были строчки из последних писем капитана Роберта Скотта, с трудом нацарапанные, когда он погибал уже у Южного Полюса.

С самого начала, еще только перелистав, она вдруг поняла, что первая из двух тетрадей вообще не принадлежит Хребтову, да и написаны они были разным почерком.

И ей нетрудно было догадаться, чья это тетрадь,— только это несколько ее не утешило и ничего еще не объяснило.

Веснина, конечно, ничего не поняла в цифрах и расчетах, хотя могла догадаться, что прежде всего именно они должны иметь подлинную научную ценность,— но, кроме всяких цифр, всяких выписок

и стихов, здесь были и собственные мысли, как в дневнике, и некоторые из них показались ей очень и очень тревожными.

«Почему забираются в такие места? В старину думали, что движущей силой была погоня за сокровищами, но сокровища исчезли, а люди продолжают странствовать по свету. Затем говорили о жажде приключений. Путешествие на нартах или сидение на Ледниковом щите очень мало похожи на приключения. Может быть, любопытность? Желание снять покров тайны с неведомых явлений природы в самых заброшенных местах? Как ничтожны все мирские заботы для человека, находящегося в условиях, подобных здешним; какими грандиозными и жуткими представляются здесь явления, от которых сердце сжимается страхом, силы, которые вращают Вселенную в пространстве...» Полярник, погребенный под снегом на два месяца посреди Гренландии, не мог еще предвидеть, что через тридцать лет люди ступят в космос, но он это предчувствовал. Даже теперь не все еще понимают, что освоение Арктики, а особенно Антарктиды было огромной генеральной репетицией выхода в космос, когда человек испытывал — сможет ли он жить в условиях внешнего холода, темноты, одиночества и ограниченности передвижения?

Другой полярник, переписавший теперь эти слова из гренландского дневника в свою тетрадь, прекрасно понимал уже, что именно тренировка в ледяных просторах, массовое покорение Арктики оставили в истории нашей страны такой же глубокий след, как и бурное развитие авиации за последние полвека, и стали главой, предшествующей штурму околоземных орбит, — так же, как плавания Колумба и Магеллана открыли эпоху освоения всего земного шара.

В тетради среди математических расчетов все эти выписки, цитаты и собственные записи были вкраплены, как мозаика, — только без всякого порядка и последовательности. Стихи, которые она здесь прочла, показались ей немного странными, и в то же время ясно было, что написаны они и поправлены сразу, под влиянием того смутного настроения, которое ищет выхода в таких же смутных словах; и ясно было, что человек привык в часы досуга в одиночестве разговаривать сам с собой.

И сразу почти, на следующей странице, торопливые строчки, — ей показалось, тревожные и опасные, как штормовое предупреждение: «Кучумов обречен. Почему, по какому праву он повис на нашей шее как груз далекого, первобытного прошлого?» Эта мысль повторялась настойчиво и часто. «Кучумов хищник. Физиологически люди не делятся на травоядных и мясоедов, когда о человеке говорят «хищник», это слово точно соответствует тому, от чего произошло, — хищение. Кучумов вор и бандит по убеждениям; даже если он не может здесь вовсе себя проявить, то все равно исправлять его уже поздно».

В конце концов, она даже бросила читать все подряд и стала следить уже только за тем, что относится к Кучумову. Все это казалось ей знакомым: за общими рассуждениями настойчиво шли самые простые, довольно тревожные выводы, все время возвращаясь к одной и той же точке, как ток в замкнутой цепи, — к тому, что Кучумова нельзя терпеть. «Работая в Арктике, мы с Кучумовым оба достаточно хорошо обеспечены, но ему сколько ни дай, всегда надо

будет прихватить еще. Отсюда это гнусное браконьерство, в котором никто у нас уже не сомневается. Что касается меня, если я застану его у капканов, просто тут же избью ружейным стволом, даже если мы будем один на один, несмотря на то, что он намного выше и весит вдвое больше меня...».

Вот опять, сказала она себе. Как это она сама сразу не подумала? Ведь именно это необходимо срочно сообщить следователю.

Вдруг ей показалось, что под самым окном возник какой-то странный звук, похожий на вздох. Как будто мимо протащили что-то завернутое в мешок.

Потом издадала донесся тяжкий и долгий стон, совсем не похожий на человеческий голос и сменившийся долгим и ровным шорохом. Вздвогнув от неожиданности, она прислушалась с испугом — опять все было тихо...

И вдруг, как выстрел, как будто в огромной лампе лопнуло стекло, послышался оглушительный треск со стороны моря, закончившийся гулким рокотом, отзвук которого замер где-то в горах... Она не сразу догадалась, что у берега под нажимом бесконечных ледяных полей океана сдвинулись наконец прибрежные льды и часть торосов, нагромоздившихся и нависших в зоне берегового припая, с таким странным гулом обрушилась в море.

Взволнованная непривычным шумом, Веснина еще долго не спала, немного нервничая, — так странно было впервые услышать древний голос этих пустынных берегов.

В тишине, казавшейся теперь такой напряженной, ей снова слышалось: сперва как будто бы плач ребенка. Но на этот раз совершенно живой и близкий. Все громче и громче, голос нарастал в тоске — такой напряженный и дикий, залиvistый, жуткий и тонкий. Дойдя до невыносимого долгого крика, вдруг все оборвалось одним истошным воплем. Нервы у нее не выдержали. Она вскочила, оглядываясь и чувствуя, что это уже не шум с океана, что на этот раз действительно кричали здесь, у самого дома...

В наступившей тишине, когда хорошо стало слышно, как в доме торопливо и спокойно тикают будильники, а за стенкой кто-то отчетливо и громко выругался хриплым спросонья голосом, она опять догадалась, что это такое: разбуженные шумом льдов, на улице, под самым окном, все вместе дружно и ошалело взвыли два десятка откормленных, крепких псов.

Веснина подошла к окну, приоткрыла штору, ей показалось, что кто-то свернул за угол склада, — и все собаки тоже одновременно посмотрели в ту сторону... Потом она услышала, как скрипнула дверь котельной, в окне которой как будто бы мелькнуло неясное белое лицо. Значит, вдова тоже не спит и даже выходит ночью бродить по улице у дверей склада, где лежит теперь ее охотник.

(Окончание следует).

Рисунки И. СМЕРНОВА

ИЗ
ДНЕВНИКАСУДЕБНОГО
КУРАТОРА

Общественным куратором взрослых я стал из личных побуждений и интереса к педагогике. Просто в один из дней я пришел в суд и подал заявление. С этого и началось... Через несколько недель я принес судье присягу и получил удостоверение куратора воеводского суда Варшавы. Так я стал членом той многочисленной армии на общественных началах, куда зачисляются люди самых различных специальностей, объединенные одним общим увлечением — педагогикой.

Новый уголовный кодекс, вступивший в силу в 1970 году, возложил новые обязанности на судебных кураторов. Теперь, помимо наблюдения за лицами, условно освобожденными из мест заключения, и отбывшими срок рецидивистами, суд мог поручить куратору и контроль за поведением осужденного, которому дан перерыв или отсрочка в отбытии наказания. Куратор обязан также контролировать выполнение наказания, касающегося ограничения свободы. По его предложению суд может изменить требования, предъявленные ус-

ловно освобожденным, а в случае его неправильного поведения — заменить условное освобождение реальным наказанием. О результатах работы кураторов свидетельствует, между прочим, тот факт, что благодаря им только в одной Варшаве около девяноста шести процентов условно осужденных больше не возвращаются к преступной деятельности.

Итак, я принял присягу, и очень скоро после этого меня пригласили в суд, где дали ознакомиться с некоторыми делами. Меня заинтересовала история двадцатипятилетнего Анджея Г. Из его характеристики следовало, что это человек нервный, крайне неустойчивый, хулиган и вор. К труду никогда не проявлял никакого интереса, не имел специальности, еле окончил начальную школу.

Батюшки, думаю, что с таким делать, как направить его судьбу? Еще раз бросаю взгляд на судебные документы, где ясно написано: «Освобожденный должен лечиться в клинике для нервных и работать». Это означает, что в течение нескольких лет за ним будет осуществляться кураторское (мое, думаю я) наблюдение и, кроме того, ему придется отрабатывать на общественных началах определенное количество часов в неделю в пользу местного Совета.

Тут же подумал, что начать надо с его родителей. Сажусь в трамвай и еду через Вислу на другой конец города. Трачу на это больше часа. В дороге одолевают сомнения. Парень-то взрослый, что могут мне сказать отец да мать? И все же еду.

Семья живет в старом доме. Квартира довольно просторная, содержится в чистоте. Анджея, конечно, дома нет. Мать и брат разговаривают со мной нехотя.

— Как ведет себя Анджей? Думает ли он серьезно о работе и лечении? — задаю я первые вопросы.

— Ведет себя хорошо, — не очень уверенно отвечает мать. — Вы не застали его дома, потому что он бегаёт в поисках работы. Насколько мне известно, собирается и к врачу. А если иногда забежит с приятелями выпить пива, то не считать же это преступлением.

Брат согласно кивает и настороженно смотрит мне в глаза.

— Анджей должен остерегаться алкоголя, который уже несколько раз приводил его на скамью подсудимых.

Долго продолжается наш разговор, и я чувствую, как постепенно начинает таять ледок между нами, уступая место доверительности.

Прощаясь, оставляю Анджею визитную карточку с моим адресом и служебным телефоном. Жду потом звонка. Не дождался. Через неделю нанес новый визит. Анджея опять нет дома. Теперь на лице матери отражаются не испуг и осторожность, а грусть и подавленность.

— Что-то случилось плохое?

— Вы знаете, сына нет дома, он вернется только через три месяца. Вообще жаль ваших трудов, он уже, пожалуй, погибший человек.

— Взяли его? Он сидит?

Женщина молча склонила голову.

— Вначале я не хотела вам об этом говорить, думала, все как-то обойдется... Анджей, как вернулся из тюрьмы, встретился со своими старыми друзьями. Целыми днями таскался с ними по городу, ходил пить пиво, знакомился с какими-то девицами. Я ему объясняла, умоляла. Когда слова не помогали, пугала милицией, судом, но Анджей не обращал на это внимания. Те приятели имели на него большее влияние, нежели родная мать. Я как предчувствовала, что он опять туда попадет...

Женщина заплакала. Сквозь слезы продолжала рассказ. На заседании дисциплинарной коллегии она узнала обо всем. На улице сын в нетрезвом состоянии приставал к прохожим, провоцировал драки, оскорблял работника милиции и оказывал ему сопротивление, когда тот призывал его к порядку. Анджея приговорили к трем месяцам ареста.

Быстро пролетели для меня эти три месяца, и в один из дней ко мне на беседу пришел молодой высокий мужчина. Вместе с ним была маленькая худенькая девушка.

— Я Анджей Г.,— представился он,— а это девушка, с которой сейчас встречаюсь.— И стал отрывисто пояснять: — Вот ищу хорошую работу. Был в отделе по трудоустройству. Пойду, наверное, на стройку, там неплохо платят. В клинике уже тоже был. Прописали мне какие-то таблетки. Свои часы отработаю тогда, когда устроюсь.

— Через две недели принесешь мне справку,— деловито прерываю его.

— Хорошо.

— Может быть, хочешь приобрести какую-нибудь хорошую специальность? Как куратор могу помочь поступить в вечернюю школу рабочей молодежи.

— Э, куда там... Учеба мне трудно дается, у меня голова для нее не приспособлена.— Чувствую, Анджей пробует открутиться.

С момента этой встречи прошел почти месяц. Анджей не показывался, проигнорировал и мой письменный вызов. Явился только по вызову суда. На меня смотрел недружелюбно.

— Зачем вы меня, собственно, вызываете в суд, я ведь не нуждаюсь ни в какой помощи?

— Суд должен знать, что происходит с его подопечным. Ближе

к делу. У тебя есть справка с места работы и доказательства, что ты лечишься?

Анджей растерянно молчал. Потом дал мне какой-то номер телефона. Говорит, рабочий. Я проверил. Никто там не знал никакого Анджея Г. В клинике он был только один раз, взял лекарство и больше не показывался. Зато сотрудники районного отделения милиции и соседи часто видели его в пивных барах, у кинотеатров, у ресторанов и кафе. Дома он говорил, что идет на работу, а в действительности ехал с приятелями в центр в поисках дешевых развлечений.

Мой контакт с Анджеем становился все более трудным. Что делать? Я посоветовался с профессиональным куратором (старший консультант, на которого возложена обязанность по контролю над осужденными после отбытия ими наказания) и судьей. Мы решили, что, если, несмотря на многочисленные напоминания и предупреждения, он не изменит своего поведения и не откажется от паразитического образа жизни, я воспользуюсь своим правом куратора и обращусь в суд с предложением о направлении Анджея Г. в исправительно-трудовое учреждение. Пожалуй, в истории с этим парнем я потерпел поражение.

Профессиональный куратор, когда давал мне читать дело Леха Ц., сказал:

— Это особого рода подопечный. Он был похитителем автомобилей. В трамвайной катастрофе потерял обе ноги. Одним словом, молодой инвалид. У него нет никакой специальности. Обо всех остальных особенностях вы узнаете на месте. Я жду первого отчета о наблюдении, срок, как всегда,— две недели.

Моя первая встреча с Лехом произошла в кафе. Вначале разговор не клеился. Лех меньше говорил, а больше слушал. Совершенно случайно я заметил, что у него на руке узорчатая татуировка, у молодых людей часто обозначающая принадлежность к преступному миру. Еще заметил, что он прекрасно передвигается на протезах. Я спросил его о несчастном случае.

— Как вам сказать, просто я слишком много выпил и попал под трамвай. Несколько лет упорно учился ходить на протезах, и теперь все получается. Когда подлечился, родители купили мне «Трабант». Ехал в нем «навеселе» и разбил вдребезги. Потерю машины не мог пережить, тяга «к мотору» не давала покоя.

За ресторанным столиком он познакомился с такими же любителями «мотора», как и сам. Они пересаживались в чужие машины

(открывали их своими ключами) и уводили. За это «увлечение» Лех Ц. заплатил несколькими годами пребывания в местах заключения. Там он обнаружил в себе интерес к черчению. Поступил на курсы, но не закончил. Пришло решение об условном освобождении.

— Вы не думайте, что я избегаю работы. Вот, пожалуйста, прочитайте.— Он протянул мне справку.

Директор кинотеатра подтверждал, что Лех Ц. работает билетером.

— Тебе нравится эта работа?

— Не очень. Тяжело выстаивать на протезах несколько часов в день. Быстро устаю.

Я пообещал, что помогу сменить работу. Пошел в артель инвалидов. Оказалось, что есть возможность получить надомную работу. С этой новостью и поехал к Леху Ц.

Нашел его в многоэтажном «муравейнике» на окраине города. Скромно обставленная однокомнатная квартира — старая софа, столик для радио, несколько стульев. Лех очень обрадовался новости, которую я принес.

— Работая дома, я смогу заочно окончить чертежные курсы,— заметил он.

Мы решили, что вначале он должен подлечиться и укрепить здоровье.

— Открою вам один секрет,— улыбнулся парень,— районный врач получил для меня путевку в санаторий. И потом, не так уж я одинок, как это кажется,— у меня есть девушка. Она выпускница института физкультуры.

Я засиделся у Леха Ц. до позднего вечера. Сам не знаю, как это случилось, но без вопросов с моей стороны он откровенно рассказал о своих семейных делах.

Когда ему было четыре года, родители развелись. У отца была частная парикмахерская, но он ее пропил. В пьяном состоянии устраивал дома скандалы. Когда он ушел, они вздохнули с облегчением. Мать вторично вышла замуж. Она и отчим относились к Леху сердечно. Даже когда он вырос и пошел не по той дорожке, они верили, что он исправится.

Так мы часто встречались с Лехом. Постоянные наши контакты, постоянный контроль за ним дали хороший результат. По возвращении из санатория он начал работать на дому, женился, учится черчению. Вместе с женой устраивает свой дом. Несмотря на инвалидность, он не может сидеть без дела, старается не только для себя, но и для других. А это хороший прогноз на будущее.

Иным человеком представляется мне почти ровесник Леха двадцатилетний Гжегож А. Его родители тоже развелись, и мальчик довольно рано остался без отца. Мать отдала его в интернат. Больше из ложной солидарности и глупой фантазии, чем из корысти, мальчик дал втянуть себя в шайку грабителей. Они успели обокрасть несколько магазинов. А потом два события в его жизни почти совпали по времени: вручение свидетельства об окончании профшколы и постановление прокурора об аресте.

Мать посылала сыну в тюрьму посылки, навещала его. Когда он вышел, в доме был отчим, который оказался человеком серьезным и трудолюбивым. Он полюбил Гжегожа, постарался устроить его на хорошо оплачиваемую работу — там, где сам трудился многие годы. Но Гжегож выдержал не более двух месяцев. Начал отлынивать от работы, и его уволили.

— Сдельщина для меня слишком тяжела: вскакивать рано с постели, потом семь часов стоять у машины. Это очень меня ослабляло...— Подумать только, что так говорил двадцатилетний человек.

— Спасайте Гжеська,— молила меня мать.— Может быть, попугать его судом, милицией, он этого боится.

Под моим давлением Гжегож пошел на фабрику. Но вскоре родители позвонили мне: Гжегож самовольно оставил работу, вечера просиживает с подозрительными типами, накачивается вином.

Пробую напомнить ему о возможности отмены условного освобождения. Это заставляет Гжегожа начать третью по счету работу. Но как надолго? Фактически у него нет никаких здоровых интересов. Он не берет в руки ни книг, ни газет. В приступе искренности говорит: «Зачем уставать? Вместо того чтоб пачкать руки у станка, я предпочитаю развлечься с приятелями или в хорошую погоду погулять в лесу».

— Послушай, Гжегож, так дальше продолжаться не может,— категорически говорю я.— Ты молодой и здоровый, ты должен работать и учиться в вечерней школе, чтобы в будущем получить специальность и быть самостоятельным. Если ты не слушаешься меня, я сообщу об этом в суд. Сам знаешь, чем это кончится.

Кажется, на сей раз понял. Гжегож работает, по вечерам ходит в школу. Хочет получить аттестат зрелости. Сможет ли он удержаться от соблазна, устоит ли? Не поддастся ли влиянию своих приятелей? Когда думаю о Гжегоже, меня всегда одолевают эти сомнения. И я ищу новые подходы к парню, в деталях продумываю очередной разговор с ним.

ИМЕНЕМ САТИРЫ

(ФЕЛЬЕТОН-МОНОЛОГ)

Разрешите представиться: я — Дудко Юрий Константинович, 1940 года рождения, уроженец Красноярского края, беспартийный, студент-заочник литературного института.

Все эти данные дают мне право предупредить начинающих: если хотите стать настоящими писателями, не заводите детей.

Доказательства? Пожалуйста.

Когда мне было 18 лет и 13 дней (о, эта чертова дюжина!), я женился, или, выражаясь языком закона, вступил в юридический брак с гражданкой Сердюченко. Я отнесся к ней всей душой и даже разрешил ей носить мою фамилию Козулина. Постойте, спросите вы. Как так — представился как Дудко, а тут Козулин. Ха-ха! Не торопитесь! Итак, я женат. Вскоре, однако, с грустью обнаруживаю, что жена уже не удовлетворяет моим растущим интеллектуальным потребностям. И в мае 1962 года мы расстались. Расстались как друзья. Я даже оставил ей на память маленького сына Алешку. Но ей это показалось мало! Она стала требовать еще и алименты. Какая черная неблагодарность!

И ограниченный судебный исполнитель, не разбираясь в проблемах литературного творчества, стал угрожать мне самыми строгими карами, если я не устроюсь на постоянную работу и не буду давать средства на содержание сына.

После такого потрясения я долго не мог взяться за перо. Сколько бесценных непписанных строк так никогда и не прочитает Человечество!

Пока я размышлял над проблемой: алименты или литература, литература или алименты,—на моем жизненном пути появилась гражданка Дудко. Она вдохновила меня на новый брак. В загс мы шли как два разных человека, а вышли как одни — точнее, с одной фамилией — Дудко. Согласитесь, что Дудко звучит и короче, благозвучнее и ярче. В ней есть что-то музыкальное, поэтическое.

Правда, я на радостях забыл пригласить на свадьбу ставшего уже близким мне судебного исполнителя и тем самым случайно оставил его в неведении в отношении перемены моей фамилии и адреса.

Но у каждого человека свои поиски. Я ищу форму, слово, сюжет, оп — своих клиентов. Каждому свое. Надо только искать!

А я тем временем на квартире своей второй жены ждал вдохновения и, когда оно посещало меня,—писал. Правда, ни строчки я никуда не посылал, так как ничего эпохального не успел создать. Все это были зарисовки, фрагменты, наброски и эскизы...

Итак, я взвалил на свои плечи создание духовной пищи. А жена, естественно, ограничивалась добыванием материальной. Как-никак, помимо меня ей надо было обеспечивать Марка и Гая — наших сыновей.

Казалось бы, все справедливо: я работаю на читателя, жена — на писателя. Но тут-то и сказала ее мещанская сущность. Она тоже стала требовать от меня денег.

О горе! Неужели все женщины одинаковы и на уме у них лишь дети и деньги?!

И тут как раз судебный исполнитель завершил свой поиск и прислал мне открытку, уже на фамилию Дудко.

И тут завертелась машина. Меня вызывают, угрожают, принуждают. Сам прокурор прочитал мне мораль, завершив ее стихами:

Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о Дудко и его детях.

Так стал я преступником. А какой я преступник? Ведь я всего себя отдавал вам, мои любимые будущие читатели. На семью уже ничего не оставалось. Логично? Бесспорно.

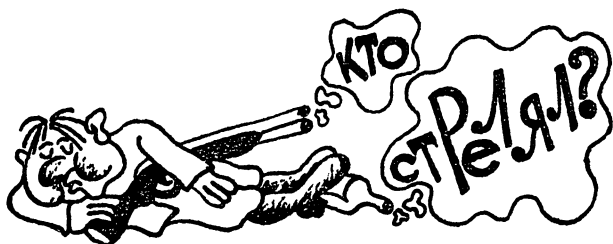
За что же такая неблагодарность, я вас спрашиваю? За что год лишения свободы?

По материалам
уголовного дела № 1/117
записал А. КОЗАРЕНКО,
народный судья
Краматорского горнарсуда УССР

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

МИХАИЛ ВЛАДИМОВ

Никифор охотился
В чаще лесной.
Кирилл был охотник
По части иной:
Любил до полочки
Рублевки стрелять,
И дробь обожал:
Четвертинку,
Ноль пять...

Весной
Отмечал именины Кирилл.
Никифор Кириллу
Ружье подарил.
При этом сказал:
— Обращайся с умом:
Ружье раз в полгода
Стреляет само!..

На стенке подарок висел.
А Кирилл
Свою на «охоту»
Дорожку торил:
Пивал по одной
И дуплетом пивал.
Бывало,

И мощные залпы давал...
...Но как-то соседи,
Уйдя на косьбу,
В селе —
Из ружья! —
Услыхали пальбу.
«Беда!» —
Прямо с поля
Никифор бегом...

Глядит:
Во дворе у Кирилла — разгром!
Корова ревет,
Возле хлева топчась, —
Ужалена дробью
В филейную часть...
Полкан без хвоста...
А петух — наповал...
По дому промчался
Буран или шквал:
Вся мебель — в обломки,
Одежда — в клочки,
Расстреляны бочки,
Сервизы, горшки...
А «рылом» в пуху,
Сапогами в меду —
Хозяин храпит...

— Ты? Устроил? Беду? —
Его растолкали.

Он мыкнул:

— Не я...

— Но кто же, скажи нам,
Стрелял из ружья?
Кто ранил буренку?
Раскокал трюмо?

— Ружье... раз в полгода...
Стреляет само!..

•

Верна поговорка —
С поправкой на водку:
При этом она
Производит наводку!

ПОБАСЕНКИ

САВЕЛИЙ ЦЫПИН

Услужник

По лесу
разошелся слух:
Медведь стал
зав. бюро услуг—
Он оказал кому-то прежде
Услугу...
вовсе не медвежью.
г. ХАРЬКОВ

НИК. СОКОЛОВ

Получатель

От полочки до полочки
Он гуляет ручки в брючки,—
Вынимает их из брючек
Дважды в месяц —
В дни получек.

Мих. ВОЛОВИК

Спаситель

Чувствую:
до берега я не дотяну,
И кричу приятелю:
— Помоги! Тону!
Друг бегом от берега:
— Позову народ...

Хорошо, что близко
оказался брод!

г. УФА

**НИКОЛАЙ ЕЛИН,
ВЛАДИМИР КАШАЕВ**

На улице было жарко и скучно. Даже птицы смолкли. Только из кустов сирени доносилось чье-то звонкое шелканье. Это шелкала семечки сидевшая на скамейке возле подъезда Вера Петровна. Рядом, укрыв от солнца голову прошлогодней газетой, дремала Нина Федоровна.

Приятельницы молчали. Все подъездные новости уже были трижды обсуждены. Неожиданно Вера Петровна насторожилась и приняла позу Ильи Муромца, в которой он изображен на картине Васнецова: ладонь у лба, глаза устремлены вдаль. К подъезду подходил незнакомый молодой человек. Интересно же, к кому это он идет и зачем? Впрочем, на этот счет у нее свои догадки имелись. И поскольку Вера Петровна была женщиной не скрытной и не замкнутой, то она эти догадки молодому человеку и высказала:

— Вы кто ж такой будете? Наташкин ухажер, что ли?

Нина Федоровна дерг ее за рукав.

— Неудобно,— шепчет,— такие вопросы задавать...

— Что ж тут неудобного? — удивилась Вера Петровна. — Какне-то отсталые у вас понятия: моя хата с краю, ничего не знаю. Общественными интересами жить надо! Равнодушию — бой! Об этом сейчас все пишут!

— Но гражданин обидеться может...

— Ничего, ничего,— гражданин отвечает.— Я не обижаюсь. Ухажер я, мамаша.

— Ну, ступай, ступай! — разрешила Вера Петровна. — Занюба твоя с утра куда не выходила. Тебя, небось, дожидается...

Парень вошел в подъезд, а Вера Петровна на место вернулась и покачала головой:

— Ну и Наташка! До чего же скрытная! Все думают, что она солдата своего дожидается, а она вон что выкинула!

Через полчаса из подъезда вышел парень с двумя чемоданами.

— Батюшки! — ахнула Вера Петровна. — Неужто Наташка к тебе переезжает?!

— Переезжает,— кивнул парень.

— Без расписки?!

— После распишемся...

— Во какая молодежь пошла! — возмутилась Вера Петровна. — Ты хоть раньше-то женат не был?

— Два раза,— признался парень.— Вся зарплата на алименты уходит.

Он вздохнул и зашагал к трамвайной остановке. Вера Петровна хотела что-то крикнуть вслед, но Нина Федоровна наступила ей на ногу:

— Тише, неудобно.. — Она помолчала и добавила: — Интересно, кому теперь Наташина комната достанется?..

Такая свежая постановка вопроса весьма заинтересовала Веру Петровну, и подруги с энтузиазмом принялись обсуждать детали.

К вечеру повестка дня была исчерпана, и приятельницы отправились по домам. Но не успела Нина Федоровна дойти до своего подъезда, как громкий крик потряс окрестности.

— Жулик! — кричала Вера Петровна, стоя перед взломанной дверью своей квартиры. — Проходимец! Вор! И как я не узнала свои чемоданы! А все вы, Нина Федоровна! Не дали мне с ним поговорить! Уж я бы в два счета выяснила, что он за птица! Заладили: «неудобно, неудобно»! Вот из-за таких, как вы, равнодушных и совершаются преступления! Нет, уж больше я вас никогда слушать не буду. Равнодушию — бой, и никаких гвоздей!

С телеТЯПной ленты

«Учитывая, что гр-н Сальвончик М. Б. хорошо показал себя на работе, сменные задания выполняет на 101—103 процента, среди рабочих пользуется авторитетом, во время работы спиртного не употребляет, оштрафовать его на 10 рублей».

(Из решения товарищеского суда)

«Я не был на собрании потому, что вместе со следователем Леонтьевым занимался в тот вечер грабежом».

(Из объяснительной записки дружинника).

«Во время задержания гр-ка Наймушина имела три головы: одну свиную и две говяжьих».

(Из рапорта дежурного по рынку).

«Меняю двухкомнатную квартиру со всеми удобствами, общей кухней и одной престарелой женщиной».

(Из объявления).

«В связи с тем, что свободных номерков у меня не было, я повесила этих двоих граждан на одну вешалку».

(Из объяснения гардеробщицы).

Передал А. МАЦАКОВ,
старший инспектор
уголовного розыска
Гродненского РОВД.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

ЧЕМ НЕ ФОКУС?

Съезд проходил точно по намеченной программе: доклады, диспуты, секционные заседания. И вдруг — как взрыв бомбы: пропал председатель! Да не один, а со всей кассой, со всеми членскими взносами... Это осталось бы банальной уголовной историей, не будь такой пикантной детали: она приключилась в аргентинском городе Мендоса в последний день работы международного съезда иллюзионистов.

НАУЧНЫЙ ПОДХОД

«В последнее время ваши прогнозы совершенно не подтверждаются. Очевидно, вы не умеете пользоваться этими приборами». Записку такого содержания нашли работники метеослужбы Флоренции на том месте, где еще накануне стояла ценная научная аппаратура.

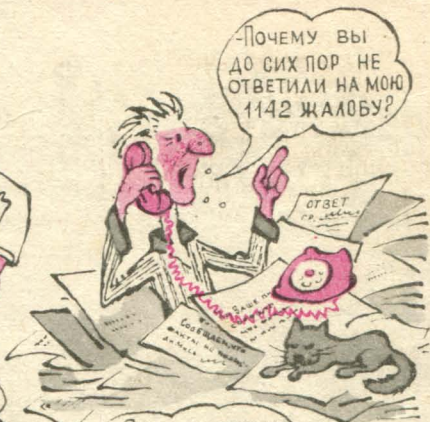
ВЛАСТЬ ТЕХНИКИ

После того, как в банках английской столицы были установлены телевизионные камеры, Скотланд-Ярд отнюдь не стало легче. Количество вооруженных нападений не уменьшилось. Но одна перемена все же отмечена: гангстеры, отправляясь на «дело», начали аккуратнее одеваться и причесываться, чтобы выглядеть респектабельно.

Рисунки Г. МЕТЧЕНКО

ПОРОК за ПОРОГ

Клеветникам-

Бой!

Цена 25 коп.

Индекс 71075.

